
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Наталья ЛАКТИОНОВА. Россия и Европа: геополитический вектор	3
Виталий СИНЕНКО. Антисталинизм как «новый взгляд» на Великую Отечественную	71
Галина ЧУДИНОВА. Образ будущего для России и Донбасса	135
Руслан УСТРАХАНОВ. И дольше века длится ложь	141

ПРОЗА

Владимир ВЕЩУНОВ. «Поэт» . Повесть	13
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Короткие рассказы	110
Виктор ПОТАНИН. Пьяный дом . Рассказ	146
Михаил ЗАРУБИН. Атулай Атулаевич . Рассказ	156

ПОЭЗИЯ

Николай АЛЕШКОВ. Вдоль Млечного Пути . Стихи	63
Борис ОРЛОВ. Меж тьмою и светом . Стихи	130
Сергей ЧЕПРОВ. Молюсь за Россию . Стихи	163
Виктор КАРПУШИН. В предчувствии снегов . Стихи	170
Стихи поэтов России	217

УРОКИ ИСТОРИИ

Андрей ИВАНОВ. Нам оставалось только одно	177
Валерий ХАТЮШИН. Долгий путь к исторической правде	184

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ХАТЮШИН. А была ли в октябре революция?	210
Валерий ГАБРУСЕНКО. Взлёт и крушение	212

ДОСЬЕ «МГ»

Валерий ШАМБАРОВ. Тайны царевубийства	223
---	-----

СЛАВЯНСКИЙ МИР

Филипп ЛЕБЕДЬ. Юбилейный Всеславянский съезд	231
Олег ПЛАТОНОВ. Всемирная задача славянства	235

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Михаил ДЕЛЯГИН. Хуже нацизма и фашизма	244
Александр РУДЕНКО. Время для правой партии	248
Михаил ДЕДУРИН. Корейский контекст	251

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ.

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	254
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	277
Содержание журнала за 2017 год	285

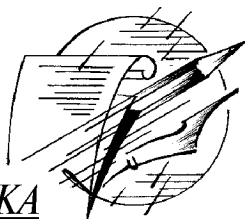
Наталья ЛАКТИОНОВА,
кандидат исторических наук

РОССИЯ И ЕВРОПА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР

Современный мир, вовлеченный в сферу влияния западной цивилизации, переживает тяжелейший кризис, который носит глобальный характер. При этом существующие серьезные угрозы связаны, в первую очередь, с неспособностью Запада пересмотреть парадигму мирового развития и отказаться от строительства универсального мира.

В реалиях современности победа западного либерализма оказалась фикцией, либеральная идея — скомпрометированной. Тенденции мирового развития стали еще менее предсказуемыми, а система международной безопасности оказалась нежизнеспособной. Несмотря на незавидное положение современной России, она может восстать, как птица Феникс из пепла, и выдвинуть альтернативный глобалистскому проект общественного развития. И это свойство России хорошо известно заокеанским идеологам.

Стремясь воспрепятствовать усилению России, Вашингтон всегда стремился вытеснить ее из Европы. В эпоху крушения биполярного мира это одна из причин лихорадочного расширения Евросоюза и НАТО — за столбить восточ-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ноевропейские страны под своей крышей, дать им увязнуть в своей системе ценностей, пока не опомнилась Россия.

Несмотря на немалые усилия российской элиты привести страну к общеевропейскому знаменателю, Россия по-прежнему олицетворяет для западноевропейской политической элиты чужеродный элемент. При этом православная Россия оказалась для нее едва ли не в большей степени неприемлемой, чем Россия коммунистическая. И очень скоро после краткой эйфории, связанной с разрушением СССР, европейский мир вновь вернулся к привычному состоянию — нагнетанию истерии вокруг несуществующей «русской угрозы» и к безудержной антироссийской риторике. Помимо откровенной лжи есть, к сожалению, и немало соответствий с действительностью. Так, например, на протяжении многих лет Россия фигурирует в европейской прессе преимущественно как страна чиновничьего произвола и коррупции. Картина для нас знакомая.

Заметим попутно, что с обретением активности РФ во внешней политике, наряду с привычными дремучими антироссийскими клише, ряд крупных западных изданий нашел в себе силы признать военную значимость проводимой Россией операции в Сирии. Относительно мнения простых европейцев сошлемся на показательные данные французской «Le Figaro», журналисты которой опросили порядка 55 тысяч своих подписчиков. Подавляющее большинство (93%) высказалось за участие России в борьбе с Исламским государством. Можно назвать это народной поддержкой французов борьбы России против ИГИЛ, а значит, и — за европейское благополучие.

Результат обрушения СССР дал мощный импульс очередному глобальному проекту в лице либеральной демократии, в то время как наличие Советской России во многом сдерживало экспансионистский характер западноевропейской политики. Имперский антиглобалистский проект всегда был связан с Россией. Хорошо известны многочисленные высказывания одного из главных идеологов современного атлантизма З.Бжезинского, пережившего личный триумф в связи с дезинтеграцией советской империи: «Россия будет раздроблена и под опекой», «Россия — это... лишняя страна», «Новый мировой порядок будет строиться против России, за счет России и на обломках России» и прочее. А вот другая цитата господина Бжезинского: «Россия может быть либо империей, либо демократией, но не может быть тем и другим. Если Россия будет оставаться евразийским государством, будет преследовать евразийские цели, то останется имперской, а имперские традиции России надо изолировать.

Мы не будем наблюдать эту ситуацию пассивным образом. Все европейские государства и Соединенные Штаты должны стать единым фронтом в их отношении к России». Как видим, и в этом случае роль объединенной Европы направлена против России, и она выступает всё в том же отведенном ей качестве — приводного ремня США.

Специфика европейской и русской цивилизаций

Вспомним, что становление европейской цивилизации было связано с уничтожением народов и культур: известна трагическая судьба коренного населения Северной Америки, славян — в Германии, кельтов (бриттов) — в Англии и т.п. На современном этапе Запад, патронируемый США, не изменил экспансионистской природы. Долгое время он действовал под лозунгом «гуманитарных, общечеловеческих ценностей», даже прибегая к прямой агрессии. Югославия, Ирак, Ливия... На повестке дня — Сирия, где цивилизованными варварами, а позднее их орудием — ИГИЛ — планомерно расчищалось поле для неоязычества. Шло прямое наступление на христиан, христианскую культуру, в том числе и на традиционный ислам. Тогда, по приглашению законной сирийской власти, в Сирию пришла Россия... Мировому гегемону не получилось изолировать РФ. Она здесь, в Сирии, вернулась в мировую политику в качестве определяющей ее мировой державы, выполняя веками привычную для нее историческую миссию — защиты слабого.

Здесь, видимо, следует оговориться, что, к сожалению, следуя привычному за последние десятилетия «западному вектору», постсоветская Россия не помогла симпатизирующей ей Ливии, совсем недавно одной из самых стабильных и благополучных африканских стран. В тот момент Российская Федерация поддержала резолюцию Совета безопасности ООН, декларирующую защиту мирных жителей как цель вооружённого вмешательства сил международной коалиции (в основном стран блока НАТО) во внутренние дела суверенного государства. К сожалению, РФ на тот момент не воспользовалась правом вето и шансом упредить масштабную трагедию, разворачивающуюся на Ближнем Востоке.

Повлиять на ситуацию пытался телеграммой (к президенту Дмитрию Медведеву) чрезвычайный и полномочный посол РФ в Ливии Владимир Чамов, но был отстранен от должности. Бывшего посла поддержавшие его москвичи встречали в аэропорту как героя. Позднее появилась информация, что посол России в Ливии не просто низложен, а разжалован

во всех чинах, званиях и наградах. Действия главы государства в связи с собственной отставкой В. Чамов комментировать отказался. Тем не менее приведем его высказывания относительно государственной политики уничтоженного Западом героического ливийского лидера Муаммара Каддафи: «...в Ливии гражданам свободно предоставлялись беспроцентные кредиты для строительства жилья на двадцать лет, литр бензина стоил 10 центов (три рубля на наши деньги), еда почти вообще ничего не стоила, а новый корейский джип KIA можно было приобрести всего за семь с половиной тысяч долларов. Теперь этой страны больше нет».

Несколько слов об ИГИЛ. По мнению экспертов, это образование является ключевым элементом отвратительной «двойной игры», организованной Западом. С одной стороны, террористы ИГИЛ изображаются как «главный враг», а с другой — Запад использует их как «стратегические ресурсы» для уничтожения не соответствующих либеральным демократиям суверенных государств. По словам натовского генерала Уэсли Кларка, США планировали сменить режим в семи странах в течение пяти лет. Речь идет об Ираке, Сирии, Ливане, Ливии, Сомали, Судане и Иране. Предполагалось распространение войн, грабежей, хаоса, а также создание марионеточных режимов — всё это лишь часть западной военной доктрины. В такого рода геополитических играх мировым глобалистам нужна единая Европа, управляемая и предсказуемая.

Вернемся к России. Ее цивилизационная модель всегда предполагала наличие разнообразия. В составе России сохранялись этносы, веками проживавшие на ее территории. Если бы народы советской Прибалтики имели европейскую судьбу, то их ждала бы участь пруссов, превратившихся из субъекта истории в «этнографический материал». Финнам, ассимилированным шведами, Россия возвращала их язык и культуру; то же было с Лифляндией и Эстляндией, местные языки которых, подавленные немецким влиянием, возрождались с помощью России, и т.п. В настоящее время особенно актуально звучат идеи теоретиков евразийства об укреплении единства народов Евразии, обладающих единым «месторазвитием». И здесь определяющей является роль России, призванной вернуться к собственным цивилизационным доминантам и своему историческому опыту.

Евросоюз: проблемы и противоречия

Принятым в Европейский союз латышам и эстонцам сегодня позволительно быть государствами, имеющими инсти-

тут «неграждан», благополучно игнорируя исполнение своих международных обязательств. Ничего подобного не позволяла себе Россия с ее благотворительной миссией по отношению к входящим в нее народам.

Наличие сильной России в мире позволяло сохраняться *славянской идентичности*. В то время как весьма условный - «европейский дом», в который вступили государства Центральной и Юго-Восточной Европы, предполагал отказ от традиционной самобытности и значительную степень унификации этих стран. Последнее, естественно, не может длительное время вдохновлять народы, реальной перспективой которых становится потеря национального лица. Не способствует единению ЕС и то обстоятельство, что граждане новых членов Евросоюза отнюдь не являются теми классическими европейцами, которые породили либеральную идею и суррогатные западноевропейские ценности, упорно навязываемые остальному миру в качестве безусловных.

Демократия в странах Центрально-Восточной Европы носит преимущественно фасадный характер. Авторы научного исследования, посвященного анализу политических процессов в государствах Центрально-Восточной Европы, отмечают, что на фоне резкого социального и материального расслоения растут и общественные разочарования в этих странах. Получает всё большее распространение неформальная, незаконная и антиконституционная практика. Государство перестает быть суверенным, передавая Европейскому союзу свои полномочия. Радикально расширяются общественные сферы, на которые национальная власть не имеет влияния. В этой ситуации гражданские права становятся всё более иллюзорными. Не существует надлежащих каналов артикуляции интересов и механизмов контроля обязательств по линии «национальная власть — гражданин».

Другая сторона для новых членов ЕС — Североатлантический альянс. Вошедшие в НАТО страны оказались статистами в амбициозной и рискованной политической игре их безальтернативного лидера. Здесь уместны параллели с теми временами, когда армии оккупированных стран вынуждены были воевать на стороне победителя. Печальной перспективой новых членов альянса стала война за американские интересы в странах, отвергающих «демократию» по-американски.

Раздражение населения против уготованной им политической судьбы проявилось, например, в странах Балтии, где вступление в ЕС и в НАТО далеко не так единодушно воспринималось гражданами, как это принято считать. Симптоматично, что в Литве, например, вступившей в альянс в

марте 2004 года, НАТО тут же получило и своих пострадавших. Здесь были зафиксированы повторяющиеся случаи избиения натовских военных вплоть до отправки пострадавших домой. В ответ на это командование НАТО вынуждено было издать распоряжение своим военнослужащим с предписанием — поодиночке по литовским улицам не ходить.

Характерно, что бывшие союзники СССР-России по Варшавскому договору, проверив эмпирически западную «демократию», видимо, не слишком вдохновились ею. Идею социальной справедливости оказалось не так просто вытравить из сознания населения этих стран. Термин «ностальгия» применительно к государствам Центральной и Юго-Восточной Европы широко вошел в обиход и стал неотъемлемым фактором, характеризующим социальные процессы в этих странах. Даже газета «New York Times» вынуждена была констатировать феномен «*остальгии*». Этот неологизм родился в Восточной Германии — бывшей ГДР и дословно обозначает тоску по «осту», по разрушенному прошлому в странах так называемого социалистического лагеря.

О расширении Евросоюза и о проблемах, с этим процессом связанных, немало говорилось на различных уровнях. Однако тон высказываний и прогнозов сегодня становится всё более тревожным. Евросоюз вобрал в себя множество проблем и неразрешимых противоречий. Существует огромная пропасть даже между двумя частями единой Германии. И это кажется символичным. Единение ЕС на фоне так и не состоявшегося единения (ментального, социального, культурного) двух частей главного локомотива Евросоюза — Германии — выглядит всё более утопичным.

Тактика глобализма

Задачи реализации глобального проекта предполагали разновекторную направленность. Речь идет об *интеграции* Европы как ближайшей идейно-культурной союзницы США, внедряющих свою глобальную идею в жизнь, и *дезинтеграции* Евразии, истари контролируемой Россией. Разные методы и подходы предполагают единую цель — резкое ослабление и уничтожение государственности на подвластных и управляемых территориях.

Со временем становится всё более очевидным, что расчленение СССР имело сценарный характер. Между тем распад империи вовсе не был предопределен. Он оказался спровоцирован необъяснимыми, с позиции национальных интересов, действиями первых лиц государства. Если абстрагироваться

от прочего, то только референдум, проведенный в марте 1991 года, несмотря на мощную идеологическую обработку населения, показал: 76,4 из 80% (!) населения, участвовавшего в голосовании, выразили желание оставаться гражданами СССР, что свидетельствует о насильственном развале исторической России, которая всегда стояла на пути поглощения человечества западной потребительской цивилизацией.

В свою очередь, объединение Европы скорее представляло собой поэтапно организованную подготовку к ее более жесткому подчинению своему лидеру — США. Европа стала **одной из первых жертв глобального мира, стремительно теряющей свою идентичность**. Утратив присущую ей гибкость, она оказалась жестко детерминированной в структуры НАТО, увязла в плену системного кризиса и безликих универсалий... Всё это делает перспективы «общего европейского дома» отнюдь не радужными.

И еще: если Евросоюз — самая доступная для США цель в претворении в жизнь идеи глобализации по-американски, то объединение постсоветского пространства могло бы стать весомым противовесом глобальному проекту — своеобразным *антиглобальным проектом*. Тем более что со временем всё нагляднее проявляются тенденции, свидетельствующие о серьезных разногласиях в странах «золотого миллиарда». Поблекшая идея Европы во главе с США уже давно вызывает вопросы среди самих европейцев, которые, руководствуясь здоровым инстинктом самосохранения, пытаются дистанцироваться от разгула демократии по-американски. Напомним, что Россия как государство и Русская Православная Церковь активно выступают против гендерных законов, солидаризируясь со здоровыми силами в мире. Достаточно вспомнить миллионную демонстрацию в Европе в пользу традиционных ценностей, как это было в Париже, например, или принятие революционной христианской Конституции в Венгрии, отвергающей мультикультурализм и толерантность. Показательны и сотни тысяч демонстрантов в Берлине против заключения соглашения о свободной торговле и инвестиционном партнерстве между США и ЕС.

И еще: Европа отнюдь не едина. Государства, вошедшие в Европейский союз, имели между собой длительные войны. Страны эти разделены в пространстве на атлантические и континентальные. Их не объединяет теперь и наименование «христианская Европа», так как Евросоюз в проекте своей конституции отказался от христианских ценностей. Символично, что при возникших трудностях (в немалой степени — вследствие европейской политики) вошедшие в ЕС страны с

готовностью продемонстрировали стремление укрыться за национальными границами, и даже не совсем судьбоносный вопрос квот по приему мигрантов встал столь остро, что и он внёс дополнительные разделения в единой Европе. Напомним, в свою очередь, что проверкой на прочность советских республик была (во всяком случае, в XX веке, но можно заглянуть и в глубь веков с тем же результатом) Великая Отечественная война, когда единым многонациональным кулаком Россия отбросила оккупантов, освободив при этом (в который раз!) и Европу, которая в лице своей элиты по-прежнему остается «столь же невежественна, сколь и неблагодарна». Правда, до сих пор свет и величие победителей помнят европейские старики. Эстафету от них с благодарностью принимают и свободные от манипуляции сознанием представители следующих поколений.

В связи с изложенным следует сделать вывод, что создание искусственного образования, каким является Евросоюз, не стоит сравнивать с наметившейся реинтеграцией евразийского пространства, в границах которого народы имели вековую общую судьбу — общие беды и победы и общую сильную государственность.

Для того чтобы объединить мир в угоду корпоративным интересам, транснациональный капитал его предварительно расчленяет, превращая в зависимые, подвластные ему территории. В свое время под влиянием Запада российские власти инициировали развал Советского Союза. (В этом отношении показательна известная история со звонком после подписания беловежских соглашений Первого российского президента главе США — Дж. Бушу-старшему.) Прежде чем оказаться в объединенном ЕС, несмотря на референдум в пользу единения, была расколота на две страны Чехословакия. И в результате иезуитской многоходовки — расчленена Югославия.

Россия и новый алгоритм мирового развития

Напомним, что конструирование глобального мира — это не только ограбление стран, отнесенных финансовой олигархией к мировой периферии, но и духовная власть над ними. Россия всегда была препятствием на пути распространения потребительской западной цивилизации. Именно поэтому много здоровых сил на земле ждут пробуждения России, которая по-прежнему **остается крупнейшей геополитической державой мира**. И это, несмотря на разрушительные процессы, механизм которых был запущен в стране, когда она встала на порочную дорогу «мировой цивилизации»!

Россия в хвосте американской политики — губительная ситуация для всей мировой безопасности в целом. Миру нужна Россия, способная дать новый алгоритм современного жизнеустройства.

Сегодня с высоты постсоветской истории и на фоне попытки установления одномерной мировой американской гегемонии отчетливо видно, насколько важна роль России в поддержании мирового геополитического равновесия. Ни единая Европа, вновь возводящая национальные границы внутри ЕС, ни бывшие советские республики, многие из которых по-прежнему остаются квазигосударствами, не обрели ни стабильности, ни процветания. Более того, наиболее ярко выраженная трагедия современной Украины на постсоветском пространстве — это трагедия развала империи. Учитывая нарастание современных вызовов и угроз для новых государств Евразии, всё определеннее стоит вопрос о защите интересов евразийского пространства как целого. Логика географии сегодня вполне подкрепляется логикой истории и многолетнее единое существование народов Евразии в рамках одной государственности. Однако подлинная интеграция требует смены модели развития, в первую очередь, от самой России, которая, несомненно, является главной действующей силой на постсоветском пространстве.

Идея «евразийских скреп» вновь становится востребованной. Через механизмы евразийской интеграции современная РФ стремится возродить и собственную геополитическую субъектность. Евразийский экономический союз с трудностями, но создан и функционирует. Открывается путь для более глубокой интеграции. Напомним попутно, что идея Евразийского союза была выдвинута Нурсултаном Назарбаевым еще в 1994 году. Однако реализацию она получила лишь когда этот путь как необходимый осознало политическое руководство России.

Собирание постсоветского пространства, за которое Россия несет историческую ответственность, есть не только задача выживания новых государств Евразии, но и возможность разорвать связанную с американским глобальным проектом узду, которую представители мирового корпоративного капитала пытаются накинуть на человечество, превратив тех, кого они определяют к выживанию, в неких «цивилизованных кочевников», не знающих ни родины, ни семьи, ни веры.

Сегодня опыт многих стран демонстрирует миру крах монетаристской модели, которую всё еще пытается копировать продолжающая оставаться у руля влиятельная часть россий-

ского истеблишмента. Внутренняя политика России остается преимущественно либерально-монетаристской, однако необходимость смены существующего вектора развития страны диктуют уже состоявшиеся новые очертания внешнеполитического курса России, пусть и во многом вынужденного, как ответ на угрозы и вызовы со стороны внешнего мира.

Слово за «великой и полной будущего страной»

Идеи универсального мира, основанного на человеческой гордыне, со времен строительства Вавилонской башни не покидают заблудшие умы человечества. Заметим, что в самих США на рубеже веков появился целый ряд выдающихся критиков глобализации как процесса. О скомпрометировавшей себя во многом идее глобализации стали в значительно меньшей степени рассуждать эксперты и политологи, но процесс реализации глобального проекта, во многом утративший тотальную неизбежность, как это преподносилось в 90-х годах, все-таки не сходит с повестки дня. В конечном итоге глобальный проект предполагает реализацию старой как мир идеи *господства и подчинения* с закреплением вопиющего неравенства под видом обещанного равенства через доступ к информации и эффективным технологиям.

Поиск альтернативы западному глобальному проекту с его перспективой «заката» человечества, рассчитанному на подчинение, дестабилизацию и дебилизацию всего мира, по-прежнему актуален. И Россия с ее глубокими национальными и культурными традициями, неагрессивностью по отношению к другим народам и культурам способна играть ведущую роль в этом процессе. Новая геополитическая идея и самостоятельная роль России могут изменить, как это уже не раз бывало, тенденции мирового развития и возродить сильную державу. Тем более что значительная часть населения земли устала играть по правилам, расписанным Вашингтоном.

В заключение, видимо, будут уместны слова выдающегося европейца — австрийского поэта Райнера Марии Рильке, восклицавшего с надеждой: «Соедините меня как угодно с вашей великой и полной будущего страной, в которую я верю каждой частицей своего чувства...»

«ПОЭТ»

ПОВЕСТЬ

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Анна Ахматова

14 мая 1981 года из Казанского УЦ колонии 283/28 в газету «Тихоморский комсомолец» пришло письмо со стихотворением «Морская душа». Подпись под ним стояла: «Заключённый Вымлаев Георгий».

*Привет, край родной Тихоморский!
Идём мы из дальних морей.
Хоть дорог нам кубрик матросский,
Желанней твоих нет огней.*

*А море косматится зверем,
Вгрызается в борт корабля...
И нет нам дорожке на свете
Простого земного тепла.*

*Но море без нас — и не море.
Волна плачет, пеной шуриша,
И ждут нас солёные зори...
Споём же, морская душа!*

ПРОЗА

*Про наши скалистые горы,
Про дальний суровый поход,
Про самое грозное море,
Про яростный алый восход!*

Редактору газеты Глебу Прокофьевичу Стародубцеву вчера исполнилось пятьдесят два. В годы войны он ходил на суда пароходства, доставлявших из Сан-Франциско грузы по ленд-лизу. А в 1945-м принимал участие в высадке десанта на Курилы. Юнга огненных рейсов... Он уже был автором трёх «морских» повестей, членом Союза писателей СССР, и его прочили в руководители местной писательской организации. Отметили день рождения и предстоящее назначение с размахом, в драмтеатре. И самый душевный подарок Глебу Прокофьевичу преподнёс артист театра, спевший под баян его любимую песню «Прощайте, скалистые горы»...

И вот сейчас, с лёгкой похмельной, Стародубцев не мог совместить адрес ИТК на конверте — и «морское» стихотворение. Либо оно написано до «посадки» автора, либо в привычной эковской тоске по свободе. Однако такая нестыковка не смутила редактора. Да, очевидны в стихе и погрешности, но и напор ощущается, порыв, энергия. Судьба поэта увиделась. Непростая. «И нет нам дорожке на свете простого земного тепла». Не «море косматится зверем, вгрызается в борт корабля» — судьбина, видать, жестокая. Морская душа... Похоже, сухопутная. И уверился Глеб Прокофьевич, что недавно написано стихотворение, должно быть, перед освобождением. И решил поддержать Георгия Вымлаева, напечатать. Да и первооткрывателем талантов слыл. К тому же с упором на любимую песню написано. Явная переключка. Весьма созвучная теперешнему его настроению.

Он явился через полмесяца. Стародубцев уже пообвык в своём новом чине и восседал за обширным столом под портретом Пушкина. По обличью вошедшего догадался, что это Вымлаев. Траченный жизнью сорокот, в обтёрханной одежде, в размиганных башмаках; сумка на ремне через плечо: всё своё ношу с собой. Смугловатый, скуластый, чуть раскосый. Какой коктейль тёк в его жилах? Обычно у освобождённых эковщина так и прёт: нагловатый взгляд, кривая ухмылка, вот-вот цвиркнет сквозь фиксу: «Ну ты, в натуре!..» Явно подобные отметины у Вымлаева не проглядывали. Однако, пока он подходил к столу, походочка его увиделась Стародубцеву пригляданной, слегка на полусогнутых. Здраваясь, вчерашний ээк ослабился, блеснув

рандолевым зубом. Такие, поддельного, «цыганского» золота, вставляли только на зоне. И Вымлаев подтвердил догадку Стародубцева:

— Не всё золото, на чём лежит отсвет заката, — и ужимка, и кривоватый прикус конечно же выдавали в нём зэка.

— Поэтично! — мотнул головой Глеб Прокофьевич; протрубил, сморкаясь в кумачовый платок. — Как там у тебя: «Яростный, алый восход!» Недурно, старичок!

— Так это вы в «ТК» были?! — опешил Вымлаев. — Это вы... — суетливо вытащил из сумки газету, сложенную вчетверо, встряхнул, ткнул пальцем в своё стихотворение: — У меня «море косматится зверем», а ты, гражданин начальник, заменил на «вздывается». Какое право имел?!

— Но-но!.. Без начальников, японский городской! — миролюбиво урезонил распетушившегося посетителя Стародубцев. — Извини, старик, «косматый зверь» — мелковато для моря. Житуха, видать, твоя раскосматилась. Над тобой вздымался когда-нибудь девятый вал? То-то же!.. А ещё «морская душа»? Ты откуда? Кто по профессии?

Смялся ерепенистый:

— С Алтая я, детдомовский. Кочегарил в котельной плавсостава. Потом матросом на пароме. Подрался... А всё равно вы не имели права менять!.. — опять всхорохорился. — Права не имели не печатать! Такое стихотворение не опубликовать? Да вы обязаны! Это же!.. Это же!..

— Эх тебя корёжит, японский городской! Да ты спасибо скажи, неблагодарный. Тебе газета целый четвертак отвалила. Твой первый гонорар. А ты с гонором... Да гений ты, гений, ясно море! У нас тут все гении. Гениев нынче много, талантов мало... Знаешь, откуда твоя фамилия сухопутная произошла? Эх ты!.. У нас на Вятке вымла — это вымоина, начало оврага. Как корабль назовёшь... Вот и опровергай!.. Фамилию такую редкую я запомнил. А вот как звать тебя?

— Георгий, Гоша.

— Давай-ка, Георгий, прочитай что-нибудь. А то как судить по одному стихотворению?..

Да-а!.. Видно, крепость поэтического духа сопрягалась с крепостью волос Георгия, которые он взбил. Как у библейского Самсона. Как он читал! Отменная память, артистизм драматического актёра. Дружеское, громогласное воззвание к светилу:

*Здравствуй, солнце! Куражиться
Будем вместе с тобой!..*

Театральная, поэтическая возвышенность:

*Вспыхнуть радугой хочется
Над просторами синими!..*

Мужественное, моряцкое, планетарное:

*За канаты край земли
Крепко держат корабли!..*

Горькая ирония одинокого земного странника:

*Верю в жизнь инопланетную,
Взгляд мой в космос обращён.
Вход туда, как в часть секретную,
Посторонним воспрещён.*

Вот такое превращение запылённого, с перемётной сумой, вчерашнего ээка — в поэта. Вот такое преображение! Глеб Прокофьевич расчувствовался, сам когда-то пописывал стихи. Приобнял дружески Георгия, крепко пожал, потряс ему руку:

— Ну, спасибо, старик! Уважил, японский городской! Выступишь здесь перед писателями, перед литактивом. Тут у меня заявка на выступление. У нас так заведено: выступил — гонорарчик. У нас членов Союза — девять человек. И всяк норovit выступить. Пятнадцать рубликов на дороге не валяются. Нечленам вдвое меньше положено. За семь пятьдесят, японский городской, работяге смену отпахать надо... Та-ак, помполит с морозильного траулера просит. БМРТ «Североуральск». На приколе, в рыбном порту. Как, годится?.. Скажешь, от Союза писателей, от Стародубцева Глеба Прокофьевича. Доложишь потом, как выступил. Ну, Гоша, попутного ветра и семь футов под килем!

Стародубцев нарочно направил Вымлаева на судно. Там накормят, напоят, и место в каюте найдётся, если ему ночевать негде. А вдруг и работёнку подкинут. Кочегарил же, говорит, в плавсоставе. Может, и пришвартуется... Вон Генка Бедокуров, Беда, с его же подачи всюю развыступался, на плавбазе даже худсамодеятельность организовал. От души рвёт струны, под Высоцкого хрипит, и даже хлеще: «Э-эх, Адмиралка — родная улица моя!..» Глеб Прокофьевич даже скопировал бедокуровскую «Адмиралку».

— Товарищ Унегин! — начал воспитательный разнос помполит, он же Помпа, он же Шнобель. — Вы являетесь редак-

тором газеты «Вилы в бок» — это наш орган, и нечего в них всякое рисовать! Брюки у вас не наглажены, товарищ Унегин, прямо как у пятилетнего, понимаешь. Внешность небритая. А мужчина должен выглядеть получше обязыяны конечно. А вы!.. С такой-то фамилией из Пушкина. Ваше неряшливое поведение, товарищ Унегин, является прямым контекстом вашего же неряшливого вида!.. В кубрике у вас бардак! Осталось в галюне поставить вигвам и развести там гарем. Водку пьянствуете, девок лёгкого поведения развратничаете, а у самих в кубрике столько дерьма, что в голове не укладывается! Водка, она ещё никого не вывела на правильный путь. Наоборот, сбивает с пути истинного даже не устоявшего перед ней. Всё, понимаешь, футбол глазеете, где большие бугаи маленькую шайбочку гоняют. А к нам представитель культуры пожаловал. Поэт! Стихи будет сочинять. Американские агрессоры, понимаешь, вмешиваются во внутренние дела Советского Союза во всём мире. В патриотическом воспитании писатели играют самую большую скрипку. Так что будьте любезны, приглашаю на прослушку. Всех рассадить под телевизором!..

Поэт Георгий Вымлаев напрочь покори́л публику БМРТ «Североуральск». Он затмил даже предыдущего выступальщика, уфолога, который читал лекцию о пришельцах и летающих «тарелках». У поэта эта тема звучала гораздо романтичнее:

*Верю в жизнь инопланетную,
Взгляд мой в космос обращён!..*

Особое оживление вызвало стихотворение «Певица»:

*Эскимо микрофона кусала певица,
Упиваясь собой, бёдрам волю давала
И носилась по сцене, как влюблённая птица,
В балахоне, под гром восхищённого зала.*

Недолго гадали восхищённые слушатели: Пугачёва это, Алла! И радовались, как дети, что угадали. В честь поэта в кают-компании закатили пир. Наваристый борщ, «глазастый», в золотых разводях жира. Огурцы солёные, квашеная капуста. Макароны по-флотски — традиция. Но царил рыбацкий хлеб — пышные, духовитые буханки. Первым подняли тост — тоже традиционный: «За тех, кто в море!» Жажнули по полстакану технического спирта ай-люлю. Даже не крикнули. Даже не закусили: после первого не закусывают.

Озноб пробрал Вымлаева, нутро обожгло, слезу вышибло. Давненько не употреблял такой «сладости». Запоглядывало на поэта застолье: держится. Выступал когда, соколом выглядел. Теперь, кудлатый, кургузый, и не поэт вроде... За любимых женщин тост возвысили. А уж потом за гостя, за поэта. Осоловевший от обжираловки-опоиловки, встрепенулся он и взбодрился творческим тостом:

*Чтобы вдохновиться,
Надо зарядиться!*

После ядрёного глотка спирта зарокотал с маяковской мощью:

*Забродила пучина бражно!
Перемесила ночи и дни!
Заколобродила, закуражилась!
Небо, земля... Где же они?..*

*Перемолоты, в пыль рассеяны...
С палубы стойкий не смывает моряк.
Нет, не всё для него потеряно —
В тучах оконце, как Божий зрак.
Светит утёс впереди, как маяк!*

И с лирическим придыханием, почти шёпотом, живописал артист-поэт концовку:

*Лунный свет от него отражается;
Волна, как любимая, с ним обнимается.*

Загудело одобрительно моряцкое братство. Будто Айвазовский бурю изобразил, только стихами. А слова какие! Близкие, родные: «Забродила пучина бражно...» Как точно! И про «любимую» трогательно. Расчувствовались морячки, брататься к гению полезли. Отблагодарили своим народным творчеством:

*Вытьём, вытьём гидролю!
Ай-люлю! Ай-люлю!..*

Налюлюкались!..

Поэта уложили в каюте 4-го механика. Хозяин же переночевал в кубрике. Утром заглянул к себе.

— Ну и раскардаш!.. — поразился увиденному. — Нестиранный запах портяночного аромата! Валенки-то почему разбросаны? Откуда они у тебя?

Вымлаев, с лицом, похожим на мочёное яблоко, просипел:

— Это носки, парёнки.

4-й хлопнул дверью и через час вернулся, бросил на стул одежный свёрток:

— Ну и затрапезная видуха у тебя! Приведи себя в божеский вид! По-эт!.. Справу тебе собрали. Парадно-выгребной гардероб. Чтоб соответствовал. Скидавай свои шкеры!..

Обрядили доброхоты замызганного доходягу в щёголя: бочка-безрукавка; ношенный, но ещё добротный кашемировый клифт; шкарёнки с чуть облупленным лаком; кепарик-шестиклинка в клетку с пуговкой на макушке. Лакшово!.. Чечётку отдробил новоиспечённый красавец:

Надел я бежевый клифт —

Благородный отлив.

Кайфую, мля! Кайфую, мля! Кайфую!..

Прослышали про замечательного артиста-стихотворца на соседних с «Североуральском» судах. Нарасхват пошёл выступальщик: народный, свой, Гоша. Десятки судов стояли у берегов бухты Бархатной: ещё полвека назад рощи бархатного дерева курчавились здесь. Тихоморцы же звали её весело, по-детски: бухта Барахта. Целый город из сейнеров, траулеров, морозильщиков, плавбаз, научных, гидрографов приютила бухта. С судовой пропиской числилось «жителей» не меньше, чем в городе. Столько же обитало на судах без прописки — бичей. Обширная аудитория! От корабельной скуки на приколе привечала «тарелочников» с лекциями Ажажи; трезвенников, последователей Углова и Жданова; бардов, навроде Беды-Бедокурова; писучих направленцев Стародубцева.

Вот так Гоша Вымлаев, по-зёковски, Вымла, попал в струю. Прижимная волна, которую поднял писательский руководитель, вынесла его на зрительско-слушательский простор. С налёта ухватил он фартовую жар-птицу. Его распирало от радужных надежд. И он уже слышал только себя, не слыша никого вокруг.

Занозистый, не раз битый на зоне, подолгу у благодарных почитателей не задерживался. Скакал по сходням и трапам с судна на судно. Особенно его раздражали глупые расспросы:

— А вы не знаете случаем Бедокурова Гену? Ох, и шпарит на гитаре!..

— Причём тут Бедокуров?!.. — злился Гоша. — Это же самодельщина. Примитив! При чём тут он?!

— А нам очень понравилось! Мы даже записали его песни на диктофоне.

Особенно выводило Вымлаева из себя сравнение его, настоящего поэта, с неким никчёмным самозванцем буремистом. Якобы тот, искромётный импровизатор, мгновенно выдаёт экспромты-буриме, как теннисист отпугивает сильную подачу.

*Упала в море швабра,
Открылись у швабры жабры.
Кишит швабрами море...
Вот такое горе!*

Да, этот буремист был чертовски популярен! Достойный соперник! Конкурент! Но равенство его Георгий Вымлаев не хотел признавать. Сплёвывал сквозь фиксу и обзывал виртуоза буриме куплетистом, дешёвым рифмачом, пустышкой. На такую заносчивость даже Гошины почитатели кривились. А один боцман даже осадил:

— У самовлюблённого нет соперников! — и с вызовом добавил: — А ты в буриме — ни бе, ни ме!

Сам себя не узнал Вымлаев. Вспыльчивый, как порох, не возник, не развыступался. Удивил его боцманюга: экспромтом буриме выдал! Чёточно обхлопал Гоша свой клифт:

*А мой моднячий кашемир
Уж покорил весь флотский мир!
Дрейфую, мля! Дрейфую, мля! Дрейфую!*

И звонко рассыпал ногтями лихие детдомовские зубарьки! Боцман Матюган Матюганыч лишь добродушно покачал головой:

— Хм-м... Мля!.. Ну и ну!..

Непревзойдённый виртуоз по мату, он и представить не мог, что можно так ласково ругаться. И на хвастовство зазнайки интеллигентно проронил:

— Заяц, мля, трепаться не любит!

Да, «покоритель» за полтора года, живя на прокорме у моряков, перебрал почти все суда бухты Барахты. И по провидческому слову, брошенному боцманом, очутился на самоходной сухогрузной барже «Механик Зайцев». Вроде бы перед кем выступать? Чёртова дюжина экипажа и пара бичей-нахлебников. Однако и они слышали о поэте из своих. Благо-

дарными оказались слушателями. Калёными ладонями от души хлопали-гремели. Тутошний боцман даже погордился:

— У нас, баржаков, кулаки, пятки, локти и лбы — крепкие, как у танка!

И вот этой публике на бис Георгий, крылато взмахивая руками, почти оперно пропел:

*В паруса лебединых корветов
Ветер юности дул в паруса!..*

Выпивши уже был, оконфузился: ветер-то дул на восток. Но никто и не заметил его оплошки. Кроме кочегара. Бабай, в телогрейке и кирзачах, с вековым перегаром, точно из преисподней вылез. Отвёл в сторону Гошу:

— В паруса — в паруса!.. Не по таланту пьёшь!.. Но ничего, складно, хотя и вторично. А вот голосишь, как в опере «Иван Сусанин», где партия замерзающих поляков.

Гоша удивлённо покачал поэтически взлохмаченной головой: ну и даёт, маслопуп! Однако промолчал.

— Дерзну сказать, — учтиво продолжал кочегар, — и вот что тебе предложу. Я академиев не кончал, но высшее образование по нашему кочегарскому делу преподам и цель занятия укажу: углубить знания парового котла. Вот с этого тебе надо начинать, выйдя на свободу с чистой совестью. Огнём очиститься у топки. Ты вроде обмолвился, что кочегарил. Вот и давай без гонора. Как у тебя про певицу: «Упиваясь собой...» Токуешь, как тетерев-глухарь, и никого и ничего не слышишь вокруг. Из своей мухи слона своего воздвиг. Возвеличился. В мире уже столько стихов понаписано — монбланы, эвересты и джомолунгмы! А у тебя в основном перепевы и штампы: «Умолкли трели певчей пташки...» Детский сад и штанишки на лямке. «Вспыхнуть радугой хочется над просторами синими...» Ах, как свежо! Приторно. «Я в России живу не на птичьих правах...» Вот уж заврался! Ты нам тут лапшу на уши не лей! Побирושник ты! Дайте попить, жрать хочу и переночевать негде. Баклан. Вот такой оверкиль!..

— Ну ты, заткнись! В натуре, ты понял, с-с!.. — взбеленился Вымлаев, перекосило всего, пена у рта.

— Заткну я тебе кой-куда шланг от парового котла и открою клапан до упора!..

Крепких критических тумачков отвесил популярному стихотворцу какой-то телогреечный, перегарный кирзач. Настоящий неистовый Виссарион! Оскорблённый Вымлаев даже не попрощался ни с кем из экипажа. Схватив пожитки, спешно сбежал по трапу на пирс. Свидетель его позора, баржевик,

уже суетливо бегал вдоль борта. Принял швартовы с «калоши»-плашкоута и крикнул вслед Гоше:

— Поэта обидеть может каждый!

Взвинченного, разобиженного — охлаждал, успокаивал дождь. Застила глаза дождевая пряжа. В косых линиях, в ритме высвечивались строки:

*В шуме дождя не услышу тревогу,
Встречу себя и пройду,
И потеряюсь на братской дороге
Я в високосном году...*

Сами собой возникали строки. Самость. Туманился взор. Сладило сердце... Он — поэт!.. И от жалости к себе, к своей непутёвой жизнёнке. От предвидения своего конца. Да и нетрудно его предвидеть. При таком-то характере. Живи, как пишешь; пиши, как живёшь. Так советовал кто-то из великих. А у него, Вымлаева, всё шиворот-навыворот. Полное несоответствие человеческого облика — и стихов. Нет цельности. Раздвоенность, исковерканность. Излом, ведущий к разлому. Да, Господь одарил его стиховой самородностью. А он возгордился, что талантлив сам по себе, что это его заслуга и талант его непререкаем. Кичливость, предательство дара Божьего — и выпендрёж, неряшливость в стихах. Русские люди таланту потакают, прощают и хамство, и дурость. А ежели ещё бродяга с Сахалина или с Шилки и Нерчинска или с детдомовской, лагерной судьбой, то одарённость как бы неизмеримо возрастает. А раз так, то и гадости уже изрыгаются, и порча эта плесенью стишки изьедает. Дешёвенькие, несуразные, они с «гениальным» пафосом извергаются. А затем и вовсе фальшь и враньё. Разложенец... И лишь изредка, в кратком просветлении, кольнёт боль, что уже нет никакой боли. И «обостряет» её до боли одиночества и отверженности. До самоистязания: отринут, брошен!.. И эти раны самоудовлетворения освежаются подчас поэтически романтично: «Моё пространство — это то, что называется свободой». Какое счастье — не любить! Никому не быть обязанным. Он — один. Ему ничего не надо. Всё своё носит с собой. Культура — это самоограничение. Однако он, культурный, ни с того ни с сего может оскорбить женщину. Старую женщину...

С седеньким узелком волос на затылке, она тихо хлюпала чаем в своём секретарском углу. При появлении Вымлаева поздоровалась и вежливо сообщила:

— Георгий Леонидович, Глеб Прокофьевич скоро будет!

Старая секретарша помнила всех пишущих и обращалась к ним по имени-отчеству. Сам же Стародубцев держал в памяти телефоны и дни рождения не только своих девятиерых писателей, но и всех членов литактива.

За время гастролёрства по судам Гоша раза три навывался в писательский Союз. В зените славы, навеселе, с новыми нетленками. И каждый раз сановитый ответсек представлял его присутствующим как интересного, самобытного поэта. Однако Гоше никак не удавалось вклиниться со своими стихами в обсуждаемые оргвопросы.

В ожидании Стародубцева у стен чинно сидели военно-морские офицеры. Вальяжно переговаривались приглаженные местные известности-публиканты. По-свойски развалился на диване с зачехлённым ружьём кондовый таёжник-охотник, в рысьем малахае и кожане, отороченном мехом. Ёрзал на стуле с папкой стихов поэтически вдохновенный кудряш. Робко притулился в углу шуплый очкарик. Гоша всё ещё пребывал под турахом, на взводе. Его так и подмывало отыграться за унижение, полученное от кочегара-кирзача. Кандибобером прошёлся перед сидящими: так борцы-чемпионы вызывают храбрецов из зрителей на ковёр. Но даже кавторанга, парадный, в золоте шевронов, втянул голову в плечи. Казалось, он готов был прикрыться белоснежной фуражкой с высокой тульей и кокардой. Гоша ехал однажды с такими офицерами на трамвае. Дружно и весело обсуждали они что-то. Подошла билетёрша. Враз замолчали. И каждый стал расплачиваться за себя. Крохоборы! Гоша чуть со стыда за ВМФ не сгорел. Даже в своём пустом кармане пошарил. Была бы у него мелочь, всю бы выгреб за это военно-морское братство. Наверняка возвышенные оды и сонеты о море складывают, о чести и достоинстве.

— Честь имею! — вытянулся Гоша перед капдва и приложил ладонь к виску.

Тот даже скомкал тугую, как барабан, державную фуражку.

— А Маргариту многие любили! — завывачивался Гоша. — А среди них ка-ра-сивый капитан... Вам бы всё булочки, девочки да сметана! А я пишу стихи свободно, без обмана!

Его понесло. Он ходил по кругу, махал руками, топал облупленными шкарёнками. В засаленном клифте, включенный, с жидкой порослью на смуглом, скуластом лице, с ядовитым, косым прищуром.

— Прыщавые недоумки! Как будто одна и та же акушерка вас по пьянке роняла. Внимательно сидите и слушайте!

*Взять с потолка, из пальца высосать,
Из книжек умных нахвататься —
Бездарно-серые, подобны крысам вы!
О стихопаты! О стихопатство!*

— Гениально, старик! — всплеснул руками кудрявенький, уронив на пол поэтическую рукопись.

— Ты за кого меня, дурака, держишь?! — оскорблённый запанибратством, зарычал на подхалима Вымлаев. — Сиди и не рыпайся!

— Я... я... — залепетал тот. — Вы не думайте, что я такой... У меня тоже стихи. Вот! — расхрабрился, поднял с пола папку и сипло, петушком, прокукарекал: — Девочка, сыграй мне на скрипке! Подари мне с Ниагары радость радуг! И свяжи смычком из звуков мне цветастую тунику!

— Какой глубокий и прекрасный внутренний мир! Своими стихами ты напоминаешь раннего Пушкина... — Гоша по-державински вскинул руку, выдержал театральную паузу: — Ха-ха!.. Когда тот ещё не умел ни говорить, ни писать. А теперь слушай сюда! Слушать всем! Я — художник! Вы — ремесленники. У меня первородная чистота, самородность, жертвенность. Я терплю лишения, насмешки и зависть. У вас же мелкие, повседневные делишки, жалкое удовлетворение тщеславия. Под фальшивые одобрения вашего узкого кружка вы пыжитесь, ваше высокозначимое «я» пузырится самовлюблённостью. Вам ведь не смысл важен, а придание смысла. Ваша кумирша — манерная, сладенькая Бэллочка, вечная девочка, со слезливым, сиротским придыханием. Ваш Булатик — тетерев-глухарик, токующий козлетоном до самоупоения. Все вы ничего из себя не представляете. Оставайтесь хотя бы самими собой!.. Да, жизнь по понятиям — гораздо внятнее.

*Казённый дом — порядок, не содом.
А вот вне зоны — суций, мля, дурдом!
Вы море превратили в грязный пруд,
Где зоной отдыха — пляж свалочный зовут.*

А где аплодисменты?! — сплюнул сквозь фиксу в сторону неблагодарных слушателей Вымлаев; потянул носом «чайный» воздух и вихлевато подошёл к столу секретарши: — Сердце, о как мне хочется тушёнькой капустаки!

У старушки, от всего безобразия, учинённого Вымлаевым, даже распустился, раскосматился узелок на затылке. Личико скосилось, вот-вот захнычет.

— Да, бабка, да, веду себя прескверно! Но ты ж овца — vedi себя примерно! — куражился дуролом.

Белобрысенький, тщедушный очкарик так забито зажался в угол, как будто на него одного обрушились издевательские удары распоясавшегося негодяя. Он, сельский учитель, с замашированием сердца, с благоговением вошёл в этот храм Союза писателей. Его рассказик напечатали в районной газете и посоветовали обратиться к профессионалам, чтобы расти дальше. Он был потрясён дикостью происходящего. Никто не осадил издевателя, никто даже не пикнул. Сидели понуро, подавленно, пряча глаза. И он, приехавший из глубинки, терпел, пока гений-самозванец выдрочивался перед мужиками: может, здесь так заведено?.. Но когда мерзавец оскорбил женщину, у него невольно сжались кулаки, до побеления, до ломоты. Он встал, твёрдо подошёл к куплетисту. Тот придурковато ослабился: что это за чмо вылупилось? «Чмо» схватил его за грудки, с ошеломляющим напором вытолкал в прихожку, на крыльцо. Ошарашенный Вымлаев не удержался и кулём свалился с крыльца. Пурхаясь в пыли, прохрипел:

— Ну погоди, с-с!.. Я сейчас своих позову!..

Кто-то выбросил ему его сумку.

В Одессе-маме — Привоз. В Тихоморске-сыночке — Анютины Глазки или попросту Анюта. Славился он ещё сопкой Дунькин Пуп, где женихался-невестился молодняк. И Тёщиным Языком — крутой, извилистой дорогой, смертельно опасной в гололёд. Однако символом города на рейде светились Анютины Глазки. Скверик между портовой дорогой и главной улицей — Адмиральской. Проходная в порт бдительно охранялась вохрой: мышшь не проскочит. Да ещё на подмогу бросили караульных собак. Пригляделись к ним бывалые бичи: оказались обычные собаки. И по-прежнему проникали на суда. Как и вороватые проститутки, которые ловко вытряхивали карманы ротозеев и обирали до нитки сластолюбцев. По правую руку от портовой дороги лепились пивнушки, рюмочные, пирожковые и прочие забегаловки. Прорваться, выйдя из проходной, в Анютины Глазки, минуя эти мышшеловки, не удавалось ещё ни одному мореману. Сто граммов и пирожок гипнотически затягивали в злачные чертополохи. А оттуда уже выбредала богодульная рожа, расцветенная фингалами, опалая всё вокруг ядерным перегаром. Но для завсегдатаев Анютиных Глазок эти выхлопы вдыхались слаще благоухания. Страждущие, они с нетерпением ждали исполнения нерушимого этикета во всю широту морской

души, ежели ещё сохранилась наличность. Народные гуляния оглашали скверик с приходом китобойной флотилии. Набитый деньгами китобоец брал сразу два таксомотора. В переднем ряду с водителем возлежала фуражка с «крабом». По-барски раскинувшись на заднем сиденье второго такси, ехал по Адмиральской хозяин фуражки. После ритуального посещения ресторана «Дарьял» китобоец обязан был осчастливить Анютины Глазки. Вершилось это торжество уже под утро.

Символ сквера — девушка с веслом по имени Аня. Ибо возвышалась скульптура посреди клумбы, усеянной анютинными глазками. Не было для бичующего морского народа места роднее. Потому причалившие после долгих странствий со вздохом произносили ещё одно наименование долгожданной статуи: Суши Весло! Если прочие именитые изваяния пооблупились под известковым воздействием птиц мира, то Аня выглядела девкой в теле, справной. Она краше и мощнее америкашкиной статуи Свободы. Её даже пытались унести и водрузить на носу научника «Одиссей» как олицетворение русской верной Пенелопы.

— Вот это баба так баба! — воскликнул один новосёл Анютиных Глазок. — Ни одного врага не подпустит с таким противотанковым веслом!

На такой восторг старожил с чувством произнёс:

— Когда дома по нам скучают матери, сёстры, невесты и другие люди женской национальности, мы стремимся сюда, к ней, к нашей родной сеструхе Аняте.

По зову родственной, просоленной крови, настоянной на спирту, тянулись сюда друзья юности и скитаний. Анютины Глазки — надёжная палуба истинных бичей, моряков-бичкомеров, «гостящих» на берегу. Хотя попадались и косящие под бичей прилипалы, богодулы. Это — малая родина матросов, кочегаров, штурманов и механиков, капитанов плавающих и сошедших на берег. Обычная здешняя картина: забутыливают знаменитый капитан дальнего плавания и опустившийся «синявка», матёрый боцманюга и птенец, выпорхнувший из мореходки. В Анютиных Глазках всегда пожмут руку и помогут. Это и справочное бюро, и по трудоустройству. Тутешние народные умельцы состряпают любую ксиву. Более притягательного, интересного места, пожалуй, не было на всём Дальнем Востоке.

Сложный букет запахов приносил бриз с бухты: мазута, гари, анфельции, йода. В сквере всё это смешивалось с вино-водочным настоем и робкой нежностью анютиных глазок. Лишь при сокрушающих тайфунах и лютом прострель-

ном норд-осте нехотя разбредались анютинцы и просачивались сквозь портовые щели. А так день-деньской самозабвенно предавались трёпу. Здесь даже у самого косноязычного во всей красе расцветал талант шиздёрника. Ни чины, ни возраст вольницей не признавались: свобода, равенство, братство. Ценились хорошо подвешенный язык, несокрушимый кулак и, ясно море, наличные. Анютинские денежки неиссякаемо текли в соседний гастроном №4. Директорствовал в нём китаец, и в народе магазин назывался «Мамазандунь». Наиболее отличившихся травил премировали винноводочным ассортиментом этого гастронома. Разумеется, в Анютиных Глазках каждый имел в запасе десятки невероятных историй. Иное брехло такое загнёт!.. Столько баек, сказанней выплеснется за день: на целый сборник. Нарасхват, как горячие пирожки, раскупили бы!..

Конечно же, когда наступала «засуха», нахлынивали тёплые воспоминания о «винных» параллелях. Моряки в этих водах получали «тропическое» вино, триста граммов в день. Но не мелочились, копили на дни рождения. На научнике «Академик» в этих широтах зоологу стукнул полтинник. Достали запасы, отметили. На юбилей явился буревестник. Ему по силам кругосветные путешествия. Иногда из-за таких изнурительных перелётов он настолько ослабевает, что опускается на палубу. И этот гостенёк совсем обессилел. Находка для зоолога! Окрас белый с серым, клюв короткий, перепончатые лапы-ходули. Длина — метр; размах крыльев — около трёх. Вес — десять кг. Редкий экземпляр. Гигант! Радёшенек учёный, взахлёб о замечательной птице рассказывает, о повадках. Особенно заинтересовало гостей одно достоинство буревестника. В его желудке содержится целый литр маслянистой вонючей жидкости, которую он извергает на противника. Отмыться почти невозможно. А противник тут как тут! Эсминец ВМФ США решил испортить юбилейный вечер, взять на испуг советских учёных. Наши ребята расправили крылья буревестника, вывели на них красной краской звёзды. Хозяин торжества напоил пернатого пациента живительной, питательной влагой. Тот оклемался, взбодрился, плавно взлетел и грозно закружил над «утюгом» американской военщины. С литром неотразимого оружия! А весь «Академик» скандировал:

— Янки вон! Руки прочь! Над седой равниной моря — краснотрёхзвёздный буревестник!..

Эта патриотическая сага особо была любима обитателями Анютиных Глазок. И к ней без конца что-нибудь добавляли в тему.

— Противника надо бить так, чтобы он забывал, в чём его мать родила! — потрясал кулаком Разбойников.

Родную его фамилию все принимали за весёлую кликуху: насталоко он, неказистый, ей не соответствовал. Однако же занимал неоспоримое чемпионство по травле. Летом — матрос; зимой — кочегар. В свободное от моря время — наипервейший травила среди анютинской братии. Всякую завиральщину предварял зачином:

— У меня жена горбата, да червонцами богата! — и живописал, как он, в отличном костюме, гулял в Сочах у Адлера. Расписывал биографию своих предков до самых охотников на мамонтов. Затем резко переходил к злобе дня, к америкашкам: — Ихний агент 007 пробрался к нам в страну. Его сразу обезвредила наша агентша 05.

— Не шизди! — обламывали его. — Птичка такая есть в Китае. Это английский шпион.

— А-а!.. — отмахивался Разбойников. — Одна СШАрага! Пентюхи! Изобрели новую пулю без гильзы, теперь к ней автомат изобретают. А лягушатники вообще лоханулись. Поставили посреди Парижа нефтяную вышку — а нефти всё нет и нет!.. Зашли мы как-то в Саутгемптон. Порт на юге Мелкобритании. Жара. Тридцать градусов. Англичане водой обливаются, в фонтаны лезут. Пришли в Сан-Франциско. Жара. Тридцать пять градусов. Америкашки в обморок падают. Вернулись в Тихоморск. Я — в деревню. Жарень! В тени — сорок! Наши картошку окучивают, водку пьют и «Ой, мороз, мороз, не морозь меня!..» горланят. А вот ещё о водке. Изобрели, значит, америкашки водку в тыщу градусов. На ком опробовать?.. Знамо дело, на русских моряках. А мы как раз в Анкоридж зашли, где водочный профессор отличился. Припёрся он со своей драгоценной колбой, которая на небеля тянула. Я на вахте стоял. Спустился по трапу, нюхнул эту тыщеградусную, хлобысь из горла! «Ну, — говорю, — что же это вы, гражданин учёный, своё изобретение разбавили?» У того шары на лоб полезли! Чуть кондрашка его не хватила... А ещё вот об ихнем позоре... Завернули мы за пресной водой к Порт-Морсби. Это Папуа — Новая Гвинея. Там ещё наш Миклухо-Маклай Николай Николаевич папуасов изучал. Не дошли до ихней этой столицы, шторм нас накрыл. В бухточке необитаемого острова успели укрыться. А там людоедское племя! И у них уже в плену американец. Выбросило при кораблекрушении на берег. Дикари уже собрались его поджарить на костре. А тут мы! Ох и обрадовались! Пляшут вокруг костра, копыями потрясают, горланят гимны радости. А как же, такое изобилие жратвы! Но вождь ихний благород-

ный оказался. Устроил состязание. Кто победит, того живым отпустит. Посадил на кол ворону. Два стрелка: американец и русский. Каждому лук и стрела. А расстояние до цели немалое — длина беговой дорожки на футбольном поле. Натянул американец тетиву... Промазал!... С воплями восторга поволокли его на костёр. Счавкали... Моя очередь. «Уважаемый вождь! — обратился я. — Исполни, пожалуйста, мою просьбу. Достань где-нибудь русской водки». Проявил вождь благородство, достал русскую водку, даже «Столичную». Целый ящик! Из горла засадил я бутылёк — ни в одном глазу! Переживание, видно, сказалось. Вторую оприходовал, третью... Все в изумлении! И тогда натянул я тетиву. Пустил стрелу — и пронзила она ворону! Загалдело восхищённое племя. А вождь удивляется: как это я так метко стрельнул?! Ещё никто из его витязей, даже он сам, не смог поразить такую отдалённую ворону. А я ему нетвёрдым уже языком пояснил: туча ворон взлетела — ещё бы не попасть!.. Благородный оказался вождь, всех отпустил...

Несмотря на анекдотичность травли Разбойникова, у податых слушателей невольно рождалась гордость за русских моряков. Часто смешивалась она с весельем, вызванным анекдотичным обликом травилы. Имеющий якобы жену, богатую червонцами, Разбойников порой появлялся в Анютиных Глазках в распотешном виде. То в затёрханной робе и деревянных колодках, в каких после вахты ходят в душ. А он ещё нарочно, как можно громче, гремел этими «котурнами», возвещая о своём прибытии. Как-то раз заявился в трусах и тапочках

— Вот... — икая, начал объяснять свой «гардероб», — у меня трусы с длинными коленками, вчера только артельщик выдал... А без сапог, в тапочках, потому что кирзачи не всегда хорошо предназначены для носки на голых ногах. И-ик!..

Да и его корефаны выгребались порой из порта в самых разнообразных видах: то в одной тельняшке, а то и в чём мать родила... Но все стремились под сень Анюты. Здесь бутылброды всегда падали колбасой вверх. И любой брехло выслушивался со вниманием, без перебивок... Летом 1981 года в Севастопольской бухте стоял боевой корабль Черноморского флота. Вахтенный матрос Разбойников заметил у борта судна подозрительные пузыри. Доложил капитану. Спустили шлюпку. Увидели всплывающего ныряльщика в немецком водолазном костюме времён Второй мировой войны. Подняли на борт, стащили с него маску. «Гитлер капут!» — заорал он. Разбойников шпрехал по дойч. Немец рассказал, что он диверсант, зовут его Эрхард Зиммельман и что 15 июля

1943 года он должен заминировать и взорвать бухту. Кэп вызвал военную контрразведку. Те увели фашиста. Кэпа и Разбойникова вызвали в штаб флота и предупредили, чтобы ни гугу!.. Но вот теперь перестройка, гласность. И Ажажа, сам подводник, объясняет это разрывом пространственно-временного континуума, при котором немца перенесло на тридцать девять лет вперёд, и он материализовался в 1981 году.. Другой фантаст поведал, как при кораблекрушении его проглотил кашалот. Трое суток пробыл бедняга во чреве. Людоеда загарпунили китобои, распорол брюхо — а там человек! Судовой врач выходил его... Ещё один счастливец на тонувшем судне оказался в воздушном пузыре. Уже под водой через два дня вызволили его из спасительного «кармана»... Мореман с чёрной пиратской повязкой на глазу побывал в плену у пиратов. Успел до захвата танкера бросить бутылку с запиской о спасении. Удалось бежать. Каково было его удивление, когда волна выбросила «почтовую» бутылку на берег — у родного рыбацкого посёлка! Теперь в поселковом музее красуется эта необычная находка... Тот же Разбойников с группой товарищей разгуливали в одну из суббот по Мадриду. А по субботам там устраивают фиесту, забег быков, выпускают их, голодных, на улицу. Разъярённое стадо, подкинув на рогах нескольких местных зевак, ринулось на русских. Наши морячки с отборными криками разорвали на груди тельняшки и загнали быков обратно в стойло... Чудилось, и Анюта с сестринской улыбкой внимает «гомерам» о подвигах братьев-моряков...

В такую творческую народно-морскую стихию сухопутно привлечился Вымла. В ссадинах, в пыли, оскорблённый и униженный. В начале скорбного пути он корил себя за свои закидоны. Однако, по обыкновению, быстро самооправдался: проверка нашивость, публика того стоила, болото! Лишь очкарик возник...

— Эй, поэт! — окликнул его тот самый, давешний баржевик. — Тебя что, крокодилы обнимали? Весь изодранный!.. Да-а!.. Поэта обидеть может каждый.

От такой участливости Гоша чуть не психанул, но сумел одёрнуть себя.

— Да есть маненько! — пошутковал он.

Завсегдатай Анютиных Глазок, баржевик и сегодня решил отметить в «родных пенатах». С ним Гоша и влился в достойный коллектив анютинцев. Солёные мили морской романтики окрылили многих из них. Почти каждый в душе был поэтом и отличался артистизмом, воспевая свои пережитые и придуманные похождения. И стихотворец-исполнитель Гоша не затерялся среди них.

Раз в день объект культуры и отдыха на предмет сохранения порядка проверял грозный старшина Рябков.

— Вы вот тут сидите, а там ветерана в рыбном порту с Доски почёта ободрали! Может, из вас кто? А?!.. Я никому не позволю! Тут вам не здесь!.. — вышел он из кустов, словно трагик из-за кулис, на пяточок, окружённый скамейками с развесёлыми анютинцами. — Вы вот всё ржёте и мотаете головой, как лошадь, которой делать нечего. Да ещё с матерками. Полный беспорядок! Приказываю громко и грязно матом не ругаться! А то всем досконально очистить территорию отдыха нормальных, порядочных граждан!

— Да мы, тащ старшина, ситрой прохлаждаемся.

— Ну-у... ситру, пожалуй, и мне можно! — сделав три глубоких, затяжных глотка прямо из бутылки, после крепенькой «ситры», страж порядка весьма помягчел: — Вы вот тут сначала материтесь, а потом тем же ртом пирожки жуёте. Беспорядок!.. А тут дамы, девушки даже... — махнул рукой на Анюту. Та как бы ухмыльнулась на такие строгости старшины. — А ты, Жорик!.. — прицепился к франтоватому стармеху. — Да у тебя наверняка на судне сплошное разгильдяйство, а ты ещё и волосы на пробор носишь, с бриолином!

— Да я, тащ старшина, могу забыть почистить утром зубы, но не сапоги! — то ли со стёбом, то ли невпопад отвечивал выпивший изрядно Жорик.

— И куда ж ты в таком нетранспортабельном виде устремлён? В увольнении девок собрался коллекционировать? У судового врача и без тебя дел невпроворот. Красавец!.. А «калитка» открыта. Увидит кто и начнёт потом об этом трубить во все колокола! Все пуговицы на ширинке должны быть пришиты, как шлагбаум! Выдвигайся-ка на судно на предмет пришития!

— Моя милиция меня бережёт! — продекламировал Жорик.

— Ладно, ладно!.. — по-отечески проворчал старшина, отвернул лацкан кителя и выдернул иголку с ниткой.

Умилённый Жорик отошёл к кустам заняться интимным портняжеством, а батяня-старшина продолжил воспитательную работу во вверенном ему контингенте:

— Вон рядом вход в музей краеведения со стороны сбоку. А вы, темнота, в нём ни разу не бывали, чтобы вынести из него самое ценное и полезное для расширения своего кругозора на культурном фронте.

— А у нас, тащ старшина, культурный фронт на высоте! — баржевик хлопнул по плечу Гошу: — Поэт!

Тот скинул полушубок, подаренный баржевиком:

— Чтобы вдохновиться, надо зарядиться!

Ему налили, и сами «зарядились» для вдохновенного восприятия поэзии. Гоша уже неделю здесь кантовался: сентябрь ещё тёплый, полушубок, скамейки деревянные, удобные. «Мамазадуньский» неиссякаемый источник! Лафа! И он в своём репертуаре!..

— Э-э... — пьяненько помотал головой старшина Рябков в возникшую паузу. — О Родине — это хорошо. А ты вот нам, морякам, про любовь прочитай! — и он, бывший судовой плотник, махнул рукой в сторону Анюты.

Такого жанра в вымлаевской антологии не водилось. Ведь он сам гордо заявлял: «Какое счастье — не любить!» Сник. Смялся. Всё его величие сдулось.

— Кого вы мне представили?! — возмутился Рябков. — Нет, это совсем не поэт, ежели про любовь не может!

И загалдели почитатели Гоши, соглашаясь со старшиной, поглядывая на Анюту.

— Амазонки — это бабы без мужиков, — воздел руку к девушке с веслом Разбойников. — А мы, значит, амазоны, и уже давно.

— Без девок скучно! — тыкал пальцем в Гошу Жорик, будто тот был виноват в их отсутствии. — Я вот с трудом обхожусь, хотя у меня всё при мне и всё своё ношу с собой.

— Скверонаселение! — козырнул игрой слов оскорблённый стихослагатель, и из него попёрла вымлаевщина: — Вот вы всё пьёте, жуёте и ржёте, поэтому у вас никаких проблем. Ха! Расслабились, весёлое настроение. Смеётесь, заливааетесь, а не знаете, что я вам готовлю. Ха-ха-ха!.. — он задрал сзади фалды своего клифта: — Га-азы!..

Будто над покойником-чужанином застыло гробовое молчание...

Эту ночь он спал на крыльце под дверью Союза писателей. В полушубке, подаренном баржевиком. А то бы заколел...

— Японский городской!.. — Глеб Прокофьевич потормошил скрюченного раннего «посетителя». — Всё, закончилась гастроль? Нигде не прижился? Я так и знал. Птицу видно по полёту. Пинка бы тебе под зад за всё хорошее! Да ладно, Бог простит!..

Он помог подняться окоченевшему Вымлаеву. Тот еле передвигал ноги. Глеб Прокофьевич усадил его у стола секретарши. Неделю назад, после поругания писательского дома и её лично, она уволилась. Стародубцев вскипятил в электрочайнике воду. Заварил чай в пакетиках и поставил дымя-

шуюся кружку перед скукоженным Гошей. Тот одеревенелыми руками сгрёб кружку. Не в силах поднять её, уткнулся в обжигающий пар и зашвыркал...

Ответсек взял его к себе сторожем. Помещение Союза писателей находилось на первом этаже серого здания с колоннами в стиле сталинского ампира. С ним соседствовали менее помпезные здания пароходства, Союза художников, управления железной дороги. Рядом с управой шумел пассажирский поток, ибо здесь скучковались вокзалы: железнодорожный, автобусный, морской. Это обстоятельство сказывалось на жизни писательской организации. Центр литературной жизни, помещение являлось ещё приёмным и перевалочным пунктом и гостиницей для собратьев по перу со всех пределов страны. В ночь-полночь может постучать в чуткую дверь запоздалый путник. Из Магадана и Анадыря, с Камчатки и Сахалина, из Хабаровска и Мурманска... Кушетка всегда свободна для ночных гостей. Для сторожа Вымлаева — лафа!.. Ало сочтётся тёша чавычи на дружеском столе, красуется водочка «Каторжанка». Огромные крабовые клешни, чудится, сами ползут к Гоше. В сладостной истоме изнывает «ночной директор» этого гостеприимного заведения, постанывает: «Однако!.. Однако!..» Почти мистически-ритуально колдует-камлает над изобильным пиршеством раскосый, в унтах, классик сахалинской литературы...

Лишь забрезжит рассвет, Гоша радостно созывает по телефону на встречу с очередным прибывшим другом друзей-писателей. Воистину ангел-хранитель для таких гостей. В чужом городе куда податься? Да ещё глухой ночью. Да ещё в лютую стужу при шквальном мордотыке... А тут под боком кров, тепло, сопитник. А наутро праздник встречи с подобными себе и по духу, и по писательству. Наезжали сопредельные творцы к друзьям, попляжиться, полюбоваться морем и городом-портом. Однако влекла главная достопримечательность — книжное издательство. Оно приносило головокружительный запах счастья — выстраданной книги. Вот она, в руках! Родное, любимое дитя — с опьяняющим запахом свежей типографской краски! Вот он, хрустящий гонорар, благоухающий краской гознаковской! Равен двугодовой зарплате квалифицированного рабочего. Честь и хвала писательскому труду!

С такими мэтрами и кубомэтрами (известный профессор-критик был внушительных размеров) сторож и поэт Георгий Вымлаев поубавил свой природный гонор. Содержал себя в опрятности. Однако мылся нерегулярно. Потому иногда принимала почесуха. Чаше всего зуд возникал в труднодоступ-

ном месте, между лопаток. Тогда он, стараясь не вспугнуть творческое вдохновение, пытался почесаться о спинку стула, но она была низковата. Он насаживал колпачок на стержневой кончик ручки и с наслаждением елозил ею по спине. И тут в подмогу ему в ликвидации зудящих очагов прибулудился котёнок. Сидя за секретарским столом, Гоша старательно, как примерный школяр, выводил стихотворные строки, тихо радуясь посетившей его поэтической музе. Другая муза, кошачья, по кличке Труха, сидела у него то на загорбке, то на плечах. Она чувствовала, когда появлялась почесуха у хозяина. Её обалденные царапки, да ещё с мурлыканьем, доставляли ему неописуемое блаженство. И млея в такой нирване, он даже забывал про стихотворство. Один раз Муза переусердствовала, порвала на спине в клочья, в труху, бобочку, за что была переименована в Труху. Это имечко она заслужила ещё из-за своей мелкой душонки. Восседая на одном хозяине, выглядывала другого, настоящего. Как только он мелькал в окне, летучей белкой устремлялась к нему. Необычайно громко мурлыкала, радостно мяучила, пела, подхалимно стелилась у его ног. Глеб Прокофьевич усаживался за свой кабинетный стол. Труха вольно разгуливала на его широких плечах. Жеманно подгибала лапки в белых носочках, потешно морщилась и фыркала от запаха наодеколоненного шерстяного пиджака. Теперь уже млеет ответственный секретарь, благодарный за славную, забавную котейку своему помощнику.

Гоша стал своим среди писателей. Народ этот был своеобразный. Каждый — личность! Но когда собирались за рюмкой чая, провозглашали: «Друзья, прекрасен наш Союз!» Обсуждали рукописи: строго, с придирками, доброжелательно, без лишних похвал... Вот влетел обычно опаздывающий деревенщик:

— Други, к стыду своему забыл слово! Мучаюсь целый день. Как его?!.. Ну!.. Крестьянский двор, навес над ним. Там ещё у нас телега стояла. В ней на сене любил я мальчонкой спать. Бурёнка жвачку жуёт, вздыхает. Овечки по-детски мекают. Пеструшки ладятся на насест... Ну!..

— На насест... — передразнил поэт, «соловей комсомола», не терпящий неблагозвучия.

— Да, разнунукался ты, Стёпа! — поддержал стилиста Стародубцев. — Вот ведь, японский городовой, письменная речь — бунинская! А устная — нунуканье, мычанье, косноязычие. Мямля! Такой вот феномен!.. Давайте-ка хряпнем, тогда и потерянное слово найдётся!

— Хряпа! Хряпа!.. — потрясённо забормотал Степан. — Это же верхние листья капусты, одёжка её. Семь одёжек, и все

без застёжек. А кочаны поначалу мы складывали в повети. Поветь! Други, поветь!.. Наливай, Глеб!..

После выпитого критик прицельно погрозил пальцем маринисту Стародубцеву:

— Ты, Глеб, его мямлей назвал, а сам в романе «На траверзе» ляп допустил. «Сарынь на кичку»! — к морю не имеет отношения. Это разбойничий клич. Боярские недоросли Новгорода Великого потехи ради спускались на ушкуях к Волге и грабили купеческие суда. Ушкуйники сарынью называли чернь, бурлаков. При захвате гнали эту сарынь на кичку, на нос, чтобы не мешала грабить. Потом клич распространился. Разин с этим кличем собирал пленных и рабов, сарынь, из трюмов на кичке, освобождал их, и многие из них присоединялись к нему.

— Ну, старичок, уел ты меня! Спасибо! — якобы признательно скрестил руки на груди Стародубцев. — С меня бутылка!.. И вообще, японский городской, чем вы меня, мужики, больше костерите, тем лучше. Давайте, ковыряйте, ковыряйте! И вам удовольствие, и мне польза!..

— А ты, Николай, не знаешь, сколько в издательстве «Корней жизни»? — обратился к таёжнику-охотнику критик. — Уже три! Твой роман — четвёртый. И все об одном и том же: как женьшень нашли, как тигриные следы увидели. Ну и что?..

— Ну и что?!.. — задиристо вскинулся молодящийся поэт, по прозвищу Комсомольское Сердце. — Я вот тоже перевод «Слова о полку Игореве» делаю. Их сколько уже было?..

— Вот-вот, — назидательно поднял палец критик. — Мне известны одиннадцать: Жуковского, Майкова, Бальмонта, Шкляревского и других. Сейчас прямо поветрие какое-то: всякая мелочь норовит по-своему истолковать «Слово». Почитай, дружок, переложение Заболоцкого! Может, угодишься.

Редактор издательства, вдумчивый, немногословный, пишущий о родном крае, подтвердил, что у него в шкафу близнецы «Корней жизни». И даже не улыбнувшись, добавил, что его пятилетний сынишка корнем жизни назвал писюрик. Повеселились, выпили, и редактор, оживившись, поведал, что на днях в издательство пришёл интересный дед со стихами о природе. Оказалось, в 1945 году он находился в ссылке, в Караганде, вместе с Николаем Алексеевичем Заболоцким. Тот был бухгалтером, а этот счетоводом. Дед и бланк бухгалтерский показал с подписью Заболоцкого. Николай Алексеевич как раз закончил переложение «Слова». В литобъединении все признали перевод гениальным. Там даже присут-

ствовал Джамбул Джабаев, народный акын, лауреат Сталинской премии.

Воцарилась тишина. Будто сам великий поэт почтил своим присутствием тихоморских писателей.

— «Откройся, мысль! Стань музыкою, слово!..» — с задором продекламировал стихотворение Заболоцкого «божий одуванчик» внучатый племянник Льва Николаевича Толстого. Личико его восхитилось, и он ударил себя кулачком в грудь: — «Волк ест пирог и пишет интеграл. Волк гвозди бьёт!..»

Ну как тут расходиться после такого общения! Хоть и поздновато уже, но время ещё детское. Скинулись. Но ведь горбачёвский сухой закон. Редкие магазины, где ещё дозволялось продавать водку, работали с двух до семи. Да и «пьяные» талоны даже у интеллигентного племянника Толстого кончились. Услужливый Гоша сам напросился на поиски спиртного. Он знал потайные закутки, где можно было раздобыть палёнку. Редактор же в отместку меченому рассказал анекдот. Длиннющая очередь за спиртным. Выпивохи возмущаются. Не выдержал один: «Всё! Иду убивать Горби!» Но быстро вернулся: «Туда очередь ещё больше!»

— А давайте-ка, писателя, сабантуйчик устроим, пока гонец рыщет! — расшевелил засмуревшую компанию от-всек.

Что тут началось!.. Одни армрестлингом на руках тягаются. Другие борются, кричат, пыхтят в поту. Третьи на счёт на полу отжимаются... Кошка развеселилась, носится как угорелая, играет, лапой бьёт то борцов, то отжимщиков...

Подустали все, запыхались. Раскрасневшие, потные. Только могучный критик, победивший в троеборье, опять ткнул пальцем в сторону Стародубцева:

— Глебушка, а ты и насчёт атамана Семёнова заливаешь в своей повести. Якобы конвоировал его на десантном корабле. Его же на самолёте переправили в Москву.

— Вот, японский городовой, пристал, как банный лист!.. Старик, никто до сих пор толком не знает, как был захвачен Григорий Михайлович. В Порт-Артуре, Харбине... То парашютный десант высадился у его дома в Такахаси, в Маньчжурии. То он сам накрыл стол советскому майору. То вышел в Дайрене, в генеральской форме, с шашкой на боку, на перрон, когда наш воинский эшелон прибыл... Я его сам лично видел. На палубу выходил подышать свежим воздухом, без охраны. В кителе, но без погон, без орденов. По-казацки закрученные усы. Достоинно выглядел. Мы его до Владивостока доставили, а оттуда, видимо, его самолётом в Москву.

— Да-а... — раздумчиво протянул критик. — Война есть война. А Гражданская — самая страшная. Брат — на брата... Подлыми мадырями, которых он, Георгиевский кавалер, рубал в Первую мировую, большевики пополнили свои революционные отряды. Какой же тут выбор!.. Лихой рубака, есаул из Забайкалья, с дюжиной казаков обратил в бегство двухтысячный отряд германцев... И доктор философии, владеющий английским, китайским, японским, бурятским. Перевёл на монгольский Пушкина. Фета... Из кровавой каши Гражданской войны из него слепили кровожадное чудовище. Он, старообрядец, не пил, не курил, перед казнью попросил, чтобы ему дали возможность исповедаться перед священником. Картавые палачи лишь расхохотались.

— Вот она — русская судьба!.. — потрогал наушники слухового аппарата племянник Толстого, испытавший оглушительную картавость «кожаных тужурок».

— А вот и я, а вот и я! А вот и выходка моя!.. — ворвался, потрясая гремучей «водочной» авоськой Гоша. Он уже на себе испробовал неадекватность палёнки.

— Цены тебе нет, Георгий! — облапал, облобызал удачливого «засланца» хозяин писательского праздника.

Восторг, радостный гомон, звон чокающихся стопок. Гимн: «Растаял в тумане далёкий Рыбачий...» И Гоша внёс на этот мотив свою лепту:

*И нет нам дорожке на свете
Простого земного тепла...*

...Расчувствовавшись после душевного «прекрасного Союза», ответсек собрал всю пишущую братию на творческий вечер поэта Георгия Вымлаева. И тот превзошёл себя: и талант первозданный, и артистизм!.. Заслушаешься!..

— Пора печатать! — веско произнёс критик и добавил: — На машинке.

Все засмеялись, а Гоша едва не вскипел. Критик успокоил его, объяснил, что издательство принимает рукописи только в печатном виде, и пообещал написать к сборнику вступительную статью.

Месяц отстукивал Гоша на грохочущей «Башкирии» свои стихи. Попервости Труха шарахалась от грохота этой «бандуры», но потом попривыкла: хозяин приманивал её к себе ливерной колбаской, чтобы царапнула почесуху. Вкусив лакомства и исполнив свой долг, Труха гордо восседала на Гошином плече, и тогда эта парочка напоминала «соколиную охоту». На подковырки посетителей Георгий наглаживал свою

певунью-кошурку и называл её соавторшей. Она стала талисманом удачи. За время печатания рукописи он отправил стихи из неё в разные издания. И не только в местных газетах их опубликовали, но и в «Огоньке», «Смене», «Дальнем Востоке» и «Неве». Даже «вечно молодой вечный комсомолец», необычайно плодовитый и пробивной, не мог похвастаться таким «урожаем». И Георгий Вымлаев не без гордости поместил свой эпиграф, предваряющий сборник «Вспыхнуть радугой»:

*Среди прочих стихов соткан мой
Сборник тонких, лирических строчек.*

К авторскому самовосхвалению во вступительной статье «Во глубине души» критик изрядно выдал похвальбы: «Родниковость вымлаевской поэзии — от истоков земли. Ей сопутствует мотив странничества, свойственный поэзии Франсуа Вийона и Мацуо Басё. Путника сопровождает излюбленный образ луны. Он ведёт задушевные разговоры с луной, солнцем, звёздами. Отсюда стихия стиха. Ему ведомы не только пыль и камни земных дорог. В минуты вдохновения лёгкая на подъём душа преодолевает силу земного тяготения и устремляется в надмирные выси. Отсюда космизм поэзии. Вот поэт обращается к солнцу:

*Мне всё видится, кажется...
В каком образе ты?..*

Он хочет разгадать смысл существования Вселенной, смысл человеческой жизни, своей личной жизни... Да, просто ему на земле, среди людей, потому и уносится к звёздам, где ему хорошо. Тем не менее жизненность, а не книжность, литературицизм и искусственность, — отличительное свойство поэзии Георгия Вымлаева. Сиротство, суровые годы испытаний — вот школа его жизни. На первый взгляд он может даже показаться асоциальным, люмпеном. На самом деле это человек неравнодушный и стихи его подчас очень злободневны».

Пока рукопись готовилась к печати, издательство уже еле держалось на ногах. Помогло Общество книголюбов, хотя тоже едва сводило концы с концами. Художники дружковались с писателями и нередко заглядывали к ним на огонёк, оформили книжку бесплатно, но со вкусом. Стародубцев настаивал, чтобы презентация состоялась в библиотеке. Од-

нако ее сотрудницы опасались, что непредсказуемый Вымлаев отколет какой-нибудь ужасный номер. Вон как власть костерит! И олигархов!

*На белом свете не пройдут и сутки,
Чтоб не нагадили, картавя, толстосумы.
И революции, и войны — их нажива.
Для них Россия — золотая жила.*

Глеб Прокофьевич заверил женщин, что берёт ответственность на себя. Они с книголюбшами озаботились даже внешним видом Георгия Леонидовича, обновили затёрханный его «гардероб»: он получил кой-какой гонорар.

Вечер начался с музыкального вступления. Артист театра под баян на мотив «Рыбачьего» исполнил «Морскую душу» Георгия Вымлаева. Растроганный своей любимой мелодией, Глеб Прокофьевич сказал доброе слово о виновнике торжества. Его словословие подхватил критик, кратко изложив свою статью. Гоша был не в своей тарелке. Принаряженный, после автографов, в суматошной обстановке, начал читать стихи скованно, даже с запинками, при его-то безотказной памяти. Но мало-помалу разошёлся, покорила публику. Несмотря на просьбу Стародубцева не ударяться в политику, в финале вострубил народным пророком:

*Паршивый будет ростовщик
Под дулом денег погребён.
Останутся лиш фук и пиик,
Картавый ор дурных ворон.
Уж правый суд Господь вершит
И слышится набатный звон!*

Под тихий ужас опасливых библиотекарьш. Под аплодисменты.

В зените славы со своей «Радугой» Георгий отправился к Виктору Петровичу Астафьеву. Знаменитый писатель был чутким ценителем русской поэзии. Составил антологию одного стихотворения «Час России», где представил современных авторов, в основном из глубинки. Георгий надеялся получить благословение на дальнейшее творчество и рекомендацию для вступления в Союз писателей, уже не СССР, а России. К этому времени без поддержки государства общественная организация влачила нищенское существование. И лишь благодаря авторитету Стародубцева удавалось от-

стоять в расходной строке отдела культуры жалкие крохи на оплату помещения. На этот лакомый кусочек в центре города зарились многие рыночные «акулы». То и дело заявлялись какие-то судебные приставы, принимались описывать имущество, якобы за неуплату. Юнга огненных рейсов становился бесстрашным бойцом против этих «огненных» рейдов. Рвался к мэру в кабинет, угрожая забастовкой на площади со всей писательской дружиной. Очередные оценщики, справившись со стоимостью шатких стульев, и даже допотопной «Башкирии», вдруг преткнулись перед портретом Пушкина:

— А он сколько стоит?

— Пушкин — бесценен! — отчеканил Стародубцев под смех и аплодисменты товарищей.

Чтобы писательская организация выжила, в неё начали принимать тех пишущих, кто хоть сколько-нибудь мог помочь ей. Один оплачивал свет, воду, отопление. Другой — мелкий ремонт. Поэтесса мыла полы и открыла платные курсы английского языка, чтобы нанять сторожа. Вымлаеву тесен стал тихоморский круг. Он возрос для более достойного общения. И хотя рекомендации мог получить от местных членов СП, решил козырнуть Астафьевым. Старый, больной уже писатель на лето из Красноярска перебирался в родную Овсянку. И не очень жаловал назойливых «паломников». Узнав, что гость из Тихоморска, желчно процедил:

— А-а, это оттуда на меня «телегу» в ЦК накатали!

Вымлаев парился на зоне, когда Астафьев выступал в Доме офицеров флота. Жёстко говорил: жестокая правда войны, неправедность нынешней жизни с её погоней за материальными благами... Недавно побывал в Швеции. Автоматизированный мясомолочный комплекс. Ни одной доярки. По прозрачным трубкам молоко бурлит. С кровью! Вот такая она, капиталистическая крововыжималка! Однако и поучиться у шведов есть чему. Партийное начальство подчас не ведаёт, сколько стоит буханка хлеба. Слово-то какое говорящее: номенклатура. А в шведской школе директор подвёл советскую делегацию к уборщице, которая мыла пол. И представил её. Оказалось, поломойка — его супруга! И представить невозможно супружницу какого-нибудь районного начальничка — поломойкой. Фуфыры!.. Астафьев долго не мог откупорить открывашкой бутылку минералки. Раздражился, бросил за кулисы:

— Да откройте же кто-нибудь!

Тенью мелькнула администраторша. Астафьев выпил и продолжил «фуфыристую» тему, но уже на военный лад.

— Фуфыры!.. Такие же бодро вышагивают на параде в День Победы. Впереди колонны, выпячивая на груди награды.

Штабные телефонистки, поварахи и те, кто зоны боевых действий лишь едва коснулся, тоже причислены к участникам войны. А те, кто кровавую грязь войны месил, да увечные, так бодро шагать уже не могут...

Говоря о призвании писателя, Астафьев вдруг накинулся на каких-то барачных пащенков, вздумавших описывать тяготы войны. Кого он имел в виду?... Портовый город возвращал в строй военные корабли с пробоинами от вражеских снарядов. Перебрасывал в войска военную технику по ленд-лизу. Спасал от голода фронт и тыл рыбными консервами... На его сопках лепилось ещё много бараков. И жили в них юнги огненных рейсов, бывшие малолетки-станочники, внёсшие свой вклад в Победу. Дети войны — а не барачные пащенки...

Досталось многим от писателя-фронтовика: по делу и без дела. Резковатые, но искренние и справедливые его суждения затенялись подчас желчностью и раздражением. И это омрачало встречу тихоморцев с любимым писателем. И собственная тень как бы падала на него самого. И он это ощущал и видел. Холодок оставила у него на сердце встреча в Тихоморске. Да ещё там состряпали донос. Отличилась третий секретарь горкома по культуре. Дебелая, горластая, она лихо взлетела по карьерной лестнице, начав с комсомольского секретаря цементного завода в пригороде. «Побдростки», «мóлодежь», «прибылья», «писателя» Любки с цементного потешали тихоморцев. И вот она отметилась на самом высоком партийном уровне...

Астафьев пролистал несколько страниц книжки гостя из достопамятного Тихоморска и молча вернул её автору. Пришибленный Гоша направился к Енисею, чтобы поделиться с ним горем. Но его якобы догнал Виктор Петрович и дал на дорогу бутылку водки и шмат сала. В пересказах о встрече с великим писателем Гоша менял иногда шмат сала на палку колбасы. И постоянные слушатели усомнились не только в эпизоде с подарком, но и вообще в достоверности встречи. Хотя в Овсянке Гоша и впрямь мог побывать и поглазеть на окна астафьевской избы. Сомнения же свои никто Вымлаеву в глаза не высказал: ещё распахнется, в истерике зайдётся. Шибко болезненно переживал он эту поездку. Однако ж и уважение путешественник вызывал у домоседов.

Бойкий, работающий город-порт хирел. Пароходы за бесценок распродавались. Причалы пустели. Крейсер, гордость ВМФ, носящий имя геройского «Варяга», военно-морские преступники продали китайцам на гвозди. Те же издеватель-

ски устроили на нём ресторан. До катастрофы трамваи, ездившие до судоремонтного, были битком набиты рабочими. Теперь же из полупустых трамваев редко кто выходил на Заводской.

Захирели и легендарные Анютины Глазки. Не потомственные, гордые бичкомеры творили здесь былинные истории о своих отчаянных морских похождениях — «расцвёл» сорный бомжатник. На месте статной Анюты с её милыми цветочками слепили голову Нептуна, из короны которого должен был извергаться фонтан. Но потекли лишь аллергические струйки из негритянских ноздрей.

Издательство судорожно цеплялось за ходовой товар эпохи либерального ренессанса: «Детей Арбата», «Жизнь и судьбу», «Чонкина»... Но и этот ширпотреб книготорг брал неохотно. Он шёл по бартеру. Решили разжечь охладевшие читательские сердца «Местом встречи...» Но Вайнеры переименовать «Эру милосердия» не позволили и заломили за её переиздание совсем немилосердный гонорар. Лишь «Девочка с Земли» поддержала на плаву тонущее издательство. Добрейший Кир Булычёв с сочувствием отнёсся к его бедственному положению и отказался от гонорара. Так что «Вспыхнуть радугой» Георгия Вымлаева стала последней книжкой местного автора, выпущенной издательством. На других — сил уже не хватило. По этой книге тихоморского «поэта» в Москве приняли в Союз писателей.

Он по-прежнему обитал в писательском помещении, но уже как бы на птичьих правах. Поэтесса потребовала, чтобы он, шебутной, удалялся во время занятий с «англичанами» и при уборке. Гоша сблизился с художниками, ошивался у них в мастерских. На все выставки в картинной галерее они непременно звали его, и он украшал их творческие праздники ярким поэтическим словом. Они рисовали его графические портреты, писали живописные, колоритные, наподобие репинского Мусоргского. И всё чаще он ночевал подле этих своих образов. И всё реже ночлежничал в своём прибежище.

В конце декабря 2001 года он со сторожем смотрел телевизор, который тот подарил писателям. Заплакали скрипки, полилось светло-печальное «Адажио» Альбинони... Имена умерших в этом году известных деятелей: артисты, спортсмены, артисты... До рези в глазах, до слёз вглядывался Георгий в скорбные строки... Астафьев Виктор Петрович в списке не значился. Известному на весь мир русскому писателю на памятнике-мартирологе канала «Россия» — места не нашлось. Умер он 29 ноября 2001 года.

Застонал Георгий, вцепился в бурьян волос, готовый с треском, с корнями выдрать его. До кощунства здоровый, буй-

ный — в его худой, зряшной жизнёнке. И собственная худость метафорически, вавилонски увиделась худостью страны. Дурнина — нездешние, чужеродные кошунники. Глумление...

На Старый Новый год писатели, по обыкновению, тянулись в свой «общительный» дом, дабы поставить точку в изнурительном марафоне новогодья. Сторож ушёл, и Гоша затосковал. Он со стариком встречал второе пришествие года до последней звезды. «Ожидание праздника — праздничнее праздника», — повторял в томлении духа. Однако паршивка Труха и вовсе отравляла томительное утро. Щели меж половицами зияли, и в них нагло «челночили» торчащие крысиные хвосты. А обленившаяся кошка не обращала на это вопиющее безобразие никакого внимания. Лишь иногда ей вздумывалось поиграться с этими омерзительными хлыстами.

— Ду-ура!.. — расвирипел было Гоша, как дверь распахнулась и во всей красе предстал перед ним Юра Амельченко — из художников наипервейший друг писателей. Его мастерская находилась через дорогу в Союзе художников. Поэтому он был в одном блузоне, расцвеченном красками, как палитра, в берете с хвостиком на макушке. Куцая бородка клинышком, лукавая улыбочка, прицельный взгляд художника.

Юра прошёл школу Аютиных Глазок. Плавбаза на ремонте, работы невпроворот, а он летит к Аюте, чешет языком и делает наброски, пока склянка на ужин не позовёт. Колоритные физиомордии!.. Из такого рисовальщика-фольклориста вылез незаурядный художник. Благодарный Аюте, в путину на Шикотане, он написал портрет рыбообрабочицы «Анюта». На Всесоюзной художественной выставке «Анюта» имела ошеломляющий успех. Ядрёная, голенастая красавица миллионными журнальными тиражами разошлась по всей стране. И гигантский океанский лайнер «Советский Союз» уже не вмещал всех желающих попасть на путину к знаменитой Аюте.

— Как ваше ничего? Здоровьишко не барахлит? — Юра выпростал из-под блузона заветную бутылку «Русской».

Едва сдерживая радостный порыв, Гоша для приличия завламывался:

— Верблюды может не пить две недели.

— Уважаю!.. Но гороскоп мне сказал: «Юра, сегодня надо бы бухнуть!»

— Может, не стоит, Юр? Карантин объявим! — продолжал ломаться Гоша.

— А знаешь ли ты, поэт, что значит карантин? По -латыни, это сорок. Столько дней стояли в доке корабли во время чумы... А вообще, кто я такой, чтобы со звёздами спорить?.. Да и во рту будто кавалерия проскакала. Мой мозг в сию пору представляет целину, которую невозможно вспахать на глубину извилин... — В нём начал проявляться анютинский бич: то, что он говорил, нельзя было понять.

Гоша разлил водку по стопкам. Юра, продолжая заливать, замахнул две-три.

— Ты же, поэт, был с нами. Иные пришли обкурившиеся, как бычки, и начали мешать срывать открывание пленэрной выставки, а потом твоё выступление со стихами... Здорово! Дай пять! Дай краба!.. — и поручковавшись, неожиданно спросил: — Гошка, а у тебя семья-то хоть была?

Тот, будто память, взъерошил копну волос:

— Зазноба у меня была, милашка. Уже подумывал жениться. Зашёл как-то к ней. Жду в прихожке, пока она подчепурится. Племяшка её, пять годиков, и спрашивает: «Дядя Гош, ты когда уже на тётю Аней женишься?» — «А тебе не жалко, — говорю, — будет с тётю Аней расставаться? Я ведь заберу её и назад не отдам!» А девчужка и отвечает: «Ну и забирай! Очень даже забирай! От неё никакой пользы! Посуду не моет, кушать не готовит, в комнату к себе не пускает, только целый день телик смотрит или музыку слушает шумную, или книги читает...» Тут я потихоньку и слинял.

— А мне вот на Анют везёт! Жена — Аннушка. А когда я с батей раз в Анютиных Глазках сидел, он у меня театральный декоратор, то он дал мне такой завет: «Веди себя, сынок, как все культурные люди! Вон рядом музей и произведение художества, прекрасная статуя девушки. И ты иди по моим стопам, и нарисуй подобную, и оставь в памяти народов». Я и оставил, написал такой образ на Шикотане... В годы войны камикадзе за нашими судами охотились. Так батя с экипажем свой сухогруз в тропический остров замаскировали. Надули самураев!

— Не свисти, Юра! Не к добру.

— Чего не свисти?.. В шестнадцатом веке корейский адмирал с тринадцатью кораблями раздолбал японскую армаду в триста кораблей... Опять не веришь?.. Веком позже китайская проститутка сменила профессию, стала предводительницей морских пиратов. Её флот в две тысячи кораблей зашугал япошек до ужаса. А ты: «Не свисти!» А знаешь, откуда это «не свисти»?.. Вот то-то и оно!.. В старину бытовало суеверие, что свист на борту вызывает шторм. Полагалось свистеть только коку: свистит, значит, не лопает.

— Юра, верблюд может не пить две недели. А мы?..
— Верблюд заслуживает всяческого нашего уважения. А у нас — гороскоп. Наливай!

Выпили, и Гоша продолжил тему «прожития»:

— А без еды человек может прожить шесть недель.

— А смысл?

— А что смысл? Без смысла всю жизнь можно прожить.

— Это анекдот есть, Гоша, такой. «Доктор, — спрашивает больной, — скажите, какой у меня диагноз? Я буду жить?» — «А смысл?» — отвечает доктор»... Ты стихи пишешь — вот и смысл.

— Стихи — это одиночество.

— А если их нет, возникает вопрос: быть или не быть? Не тревожь тень Гамлета и его папаша, Георгий! Пушкин так не думал, что стихи — одиночество.

— А у меня кроме стихов ничего нет.

— У одиночества есть одно преимущество: тебя никто не покинет. Ты же сам написал: «Какое счастье — не любить!» Счастье — а сам маешься. Испытания каждому даются по его силам. Так что одно из двух: либо сам с ними справишься, либо это не твои проблемы. Жизнь нам всё диктует правильно, это мы совершаем ошибки.

— Да-а... В твоей философии, Амельченко, можно как в двух пальцах заблудиться.

— Пожалуй... В ином смысле много ума хуже, чем если бы его не было совсем... Как понял? Приём!.. Не понял. Объясняю. Шёл по дороге дурак. А навстречу ему семь мудрецов. «Вы такие мудрые! — обратился к ним дурак. — Скажите, а в чём смысл жизни?» Один из мудрецов начал объяснять, а шестеро пошли дальше. На дороге остались два дурака.

— Да ты-ы!.. — ни с того ни с сего вспетушился Вымлаев. — Да ты двумя абзацами одну фразу не можешь выразить!

— Поня-ятно... — протянул Амельченко. — Внутрь винцо — наружу дрянцо. Ну и ну-у!.. — он покачал головой. — А ведь ещё бутылку не допили. Сто граммов достаточно, а дури своей хватит.

Юра твёрдо посмотрел взъерошенному Вымлаеву в глаза. Тот сжался — и кинулся навстречу вошедшему, чуть не придавив Требуху:

— Шурик! Бирюков!.. Элегантный — как рояль!..

Они обнялись и застыли, как двуединое изваяние. Уже и другие подошли. И прошли у подножия монумента из двух великих поэтов. За глаза Вымлаев называл Бирюкова измождённой селёдкой. У того была похабненькая служба. Подсадной уткой внедрялся на суда, ходившие в загранку, вы-

нюхивал контрабанду и закладывал своих товарищей по экипажу. Стукаческая ущербность отразилась на его облике: лысоватый, впалые щёки, тусклый взгляд, цаплиная походка, вкрадчивый голос. В общем, тихушник. Но сочинял поэмы, редкий в нынешнее мелкотравчатое время жанр. Признавался в любви к Отечеству, клеймил позором НАТО и американский милитаризм, скорбел о трагедии в Югославии. Все звали его Александром, только Вымлаев уничижал до Сани, а то и вовсе до Шурика, на что майор ФСБ болезненно морщился... И вот оба слились в нерасторжимый монумент. Гоша бежал к Шурику от каменного взгляда Амельченки. Бирюков млея в объятиях известного поэта, который доселе лишь презрительно косился на него...

— Японский городской! Вы ещё долго будете монументиться? — спросил Стародубцев.

— Монументальничать, — придумал свой неологизм «комсомольский» поэт.

— Сразу видно, куда я попал! — Юра Амельченко уже по-своему хлопотал, накрывая праздничный стол, помогая Глебу Прокофьевичу. — К настоящим словотворцам.

— То ли ещё будет! — как бы примиряясь с ним, пообещал свои перлы Гоша.

Всё было готово к здравнице, но все замерли, как в цирке во время сложного трюка. Труха устроила представление. Ёлка, вокруг которой водила хоровод писательская детвора, уже без нарядов, но всё ещё пахнущая хвоей, стояла в углу: сторож забыл выбросить. И Труха с разбегу вцепилась в неё, повисла, передохнула и взобралась на самую макушку. Раздались аплодисменты:

— Bravo, Труха!

— Брависсимо!

— Молодчинка!

— Это я её привёл! — гордо произнёс Гоша.

Между тостами, песнями и стихами — всякая всячина. Ну и конечно, политика. Ну и конечно, Путин.

— А вас, майор Бирюков, я попрошу выйти! — полушутя приказал Стародубцев похожему на Путина эфэсбэшнику.

Тот приложил палец к губам: мол, никому ни гугу!

— Ещё до выборов, до кенгурации весной 2000-го он уже рулил, — определил начало правления Путина критик. — С декабря 99-го исполнял обязанности по милости Ельцина. Не надо быть физиогномистом, даже при куриной слепоте видно, что это за фрукт, мочёное яблоко. Сердечная недостаточность России.

— Какое-то худородное личико.

-
- Сомнительной наружности.
 - Сучности потусторонние, их Ажаже надо изучать.
 - Величия гора Россия, а родила мышву.
 - Кремлюки хотят жить своим умом, но за счёт народа.
 - Нет у них ни ума, ни совести! — поднялся Гоша и с горечью, с надрывом прочитал:

*Бродит, бродит лихо...
Взрывается боль до крика:
Нет у России лика!
Жирует кремлёвская клика.*

- Рубанул!
- Георгий у нас та-акой! Поэ-эт!
- В Китай гонят электричество по сорок копеек за киловатт, а нам за шесть рублей. Упыри!.. — стопка едва не хрупнула в кулаке деревенщика, и он без всякого тоста налил себе и в одиночку залпом осушил.

— Ну, будем! — последовал за ним Стародубцев, спохватился: — Давайте хоть чокнемся, а то как на поминках.

— Да-да!.. — закивал старичок-толстовец, скоренько «пробежался» своей стопкой по другим, поднял повлажневшие глаза вверх, словно всматриваясь в своё прошлое: — О чём вы, сударь? Какие поминки?.. Да наша земля прекраснее всех других стран. Красота Колымы!.. Уж я-то знаю... Едут куда-то в парижики, в какие-то дубаи. А у нас столько дивных мест! Русский Север, Валаам; Волга, Плёс; Урал. Чусовая, Кунгурская пещера; Алтай, Белокуриха; Байкал, Ольхон; а Дальний Восток!.. Зримая красота необъятная! А красота великих русских душ, великих характеров, великих столкновений правды и неправды, великих нравственных побед!.. Знаете ли, други мои, психологию пришельцев? Кстати, «еврей» переводится как «пришелец». Так вот, те, кто пришельцы, — похабники, наглецы и разрушители. Плевать хотели на наше русское гостеприимство. Спасаясь от фашистов, евреи сбежали в Палестину, Англию, Америку. Две трети беженцев с 1935 года по 43-й приютила наша страна. И какая же благодарность? От многих из них — вред и разрушение. Обогащение застит им души. Богатство — от слова «Бог», оно даётся Богом. И судится по тому, как относится к бедности. Это — испытание для богатых, насколько они милосердны. Но это испытание и для бедных. Что греха таить, ведь большинство из нас раздирает социальная зависть и даже ненависть к богатым. Дар Божий, богатство, дан людям, чтобы они становились лучше. И тогда оно становится добром.

Но люди извратили его. Иной обложен золотом и серебром — а дыхания в нём нет. Полон сундук — и пустота души. Тяжелобольные. Молиться за них надо. Зависть, ненависть только множат зло. Ведь огнём огня не потушить.

— Да-а!.. Закатил ты нам, старче, проповедь!

— Трактат целый!

— Моралист.

— Непротивленец, истинный толстовец, даже в толстовку вырядился.

— Больные, говоришь?!.. — потрясая кулаком, вскричал критик. — Душегубы! Богатство — не только милосердие и зависть. Убийства, войны, гибель народов и государств. Генри Форд сказал: «Если изолировать пятьдесят еврейских банкиров, на Земле прекратятся революции и войны». А они в 1933 году с Геббельсом выпустили медаль дружбы фашистов и сионистов. Сталин же предупреждал: «Мировой сионизм будет всеми силами стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться». Потому они его и ненавидят. Навязали нам так называемую демократию. Демократия — это когда правительство боится народа. А когда народ боится правительства — это тирания. У нас ни то, ни другое. Ни рыба, ни мясо. Китовое мясо... Помните, на плавбазе китобойной флотилии «Советская Россия» такое готовили?..

— Ты нам про китов не заливай! — оборвал критика Вымлаев. — Юдократия это! Исполняют заветы своего вождя Лейбы Бронштейна по превращению России в пустыню. Неслучайно иудушка Булатка Шалвович прославлял террориста и подонка Басаева.

— Я всегда подозревал, что он с душком, этот гуру либеральной псевдоинтеллигенции, — поддержал своего кумира Бирюков.

— Ну, тебе виднее, — хмыкнул Стародубцев.

Майор не смутился и продолжил:

— Друг Чубайса, Окуджава в его духе состряпал: «Что-то много слишком сброда — не видать за ним народа». Гостюхин принародно сломал его пластинку. Русофобский маразм Булатки, как выразился мой друг Георгий, во Франции докрепчал до того, что он уже там глотал порнуху за порнухой. «Мы убили комара...» — плакал этот гитарный шарманщик. И сам оказался комаром.

— Не знаю, как вам, — вступил в разговор «комсомольский» поэт, — но мне стихи Юнны Мориц нравятся. Честные. Вот на нашу тему: «Как мало в России евреев осталось, как много жидов развелось!..»

— Что вы всё про них да про них? — сидевший рядом с «комсомолом» плотный мужчина с Марксовой гривой взял со стола четырёхгранную бутылку виски: — Хлопнем и spoём!

Судовольствием хлопнули, и «Маркс» затянул: «Ой да степь кругом...» Пел он душевно. Ему даже не смели подпевать... Туз, бывший начальник строительства порта Восточный, считал себя человеком народным и на очень заслуженном отдыхе начал пописывать рассказы. «За кедровыми шишками» был напечатан в альманахе «Литературный Тихоморск», который возглавил бывший редактор издательства. Технар, крупный чиновник, автор и шишкование в кедраче изложил в виде пособия по сбору кедровых шишек вплоть до обмолота и затаривания. С назиданием по технике безопасности для сборщиков, использующих когти. Однако въедливый редактор в этом весьма полезном очерке обнаружил две неувязочки в первой же строке: «В пригороде города Тихоморска шумел могучий кедровник». Сам исходивший тихоморские пределы вдоль и поперёк, редактор, он же писатель-натуралист, не видел в курортно-дачной зоне никакого кедровника. Однако нехотя согласился, что за высоченными заборами и башенными замками его простому глазу не видно. И нажил себе неприятеля, вычеркнув из «В пригороде города» последнее слово. Лишнее, тавтология, масло масляное. Упёрся начальник, гривой потрясает, глаза лупит, ничего понять не может: что это редакто-ришка раскомандовался?..

Богатенький, это он наполовину обеспечил застолье дорогой выпивкой и закусками: всё-таки его недавно приняли в СП. В январе ему надлежало озаботиться половым покрытием, дабы не сквозили крысиные щели. Ещё он втихаря скучковал междусобойчик, творческий квартет из певца комсомола, создателя поэм Бирюкова, маститого Вымлаева и себя самого, вдохновителя и организатора. Невообразимая «секта» из противоположностей. Они уже провели первое заседание: пили кофе с коньяком, читали стихи, хозяин пел и делился планами на будущее, ибо они самые творческие и перспективные. «Комсомолу» льстило находиться рядом с таким боссом. Бирюков тихо радовался, что и его заприметили. А халявщик Гоша всю пользовался матпомощью Анатолия Давидовича...

Когда снова заговорили о евреях, певец проникновенно затянул «Вечерний звон», увлёк слушателей своим басовым «бом» (откуда у тенора взялся бас?!), и они слаженно забомкали...

И ещё несколько раз совсем некстати порывался он затянуть русскую народную. И на него начали косо поглядывать

и с пьяненьким прищуром приглядываться к нему. Начальничья осанка его смялась, копна волос увяла.

Поэтесса, которая вела курсы анлийского и мыла полы, отменила занятия и собралась было уходить: одни мужики гуляют. Но Стародубцев усадил её рядом с собой и провозгласил тост за одну-единственную милую даму. Девушка быстро захмелела, освоилась и блеснула познаниями в древнеримской мифологии:

— Вот многие клянут либералов. А Либер — это бог вина и веселия. — И она с хмельным задором прочитала строфу из стихотворения Пушкина:

*Нам Либер, заикаясь,
Покажет к счастью путь.
Пойдёмте все, шатаясь,
Под бочками уснуть!*

Её игривый настрой охладил критик:

— Конечно, римские либеры были весёлыми выпивохами. Но они и представить не могли, что нынешние будут захлёбываться в злобной желчи и ненависти к России, к русскому народу. Где родились, где живут — там и гадают! Что за болезнь такая свиньячья?

— Ну и хрюкали бы в своих «измайловских аншлангах»! — состриг деревенщик. — Это у них лучше всего получается.

— Да, шутовство — это один из главных их талантов, — вступил в разговор толстовец после долгого молчания. — Хохма, по-еврейски, — это мудрость. Вот такие мудрецы-хохмачи. Всё смефуёчки: измайловы, петросяны, аншланги, галкины воробьи... А где их Гоголь, Достоевский, Толстой, Шолохов? В прозе глубина души нужна. Вот и завидуют. Солженицын (говорящая фамилия) шельмовал Шолохова, клеветал на него. Шолохов — глыба. А Солже — мелкий желчный завистник.

Критик тягостно вздохнул:

— Не послушал тогда, в 1981-м, Брежнев Шолохова. Предупреждал Михаил Александрович, что идёт наступление на русскую культуру. В конце прошедшего года Астафьев умер. Так в титрах, где перечислялись умершие деятели, его не было. Давайте помянем замечательного русского писателя Виктора Петровича Астафьева. Вечная ему память! — Помянули, и критик опять тяжело вздохнул: — «Прокляты и убиты» — спорное произведение. По Астафьеву получается, что войну выиграли сержанты, и будь он полководцем, не было бы столько потерь.

— Да ты-ы, пацан, в натуре!.. — вскинулся было Вымлаев, буркнул ругательство, засопел, распустил слюни и едва не свалился со стула.

Его вовремя поддержал Бiryюков и уложил в закутке на топчан, где тот и спал всегда.

— Простодырый мы народ... Вот ты, Глебушка, скажи, что означает слово «пацан»? — спросил Стародубцева старичок-толстовец.

— Ха, кто не знает! Мальчишка, конечно.

— Сказал бы я тебе, да среди нас дама, неудобно.

— Да ладно, она свой человек, валяй, старина! — приобнял поэтессу Глеб Прокофьевич.

— Поц, по-еврейски, мягко говоря, мужской половой член. А пацан, стало быть, сами понимаете... фуёк.

— Вот это да-а!.. — потрясённо покачал головой деревенщик. — А мы про эту еврейскую матерщину и не знали. — Как же так?!..

— Да мало кто знает, что Илья Муромец и Добрыня Никитич сражались не с Соловьём-разбойником — а с Жидовином. Жидовская Хазария в VIII—X веках нападала и грабила Русскую землю. И былины прославили наших защитников-богатырей. Доподлинные названия былин совсем другие, нежели навязала нам затем еврейская цензура: «Илья Муромец и Жидовин», «Добрыня и Змей с горы Сион»... Змей — это сатана. Такая вот борьба света и тьмы. В Штатах сатанизм уже признан наравне с другими религиями. А кто там заправляет? Рокфеллеры. Вот вам и Змей с горы Сион.

— Да что же это такое?!.. — всплеснул руками Стародубцев. — Это как же?!..

Загалдели писатели, возмущаясь изуверским подлогом.

— А мне вот что пало в голову, старче, по этому поводу, — и Юра Амелеченко указал на телевизор: — Ведь этот чёрный ящик — сатанинская чёрная дыра, пожирающая наши души. И Малевич, который Казимир, на подсознательном уровне своим «Чёрным квадратом» изобразил именно эту чёрную дыру.. И сколько податливых душ совратил этот супер-пупер-супрематизм! Не это дерьмо, конечно. А фальшивые восторги глубокомысленной умноты и прочих интеллилоичков. Задурили головы миллионам простаков своей интертрепацией. Сатанинская провокация!..

— Я тут, Юра, анекдотец вспомнил, — заговорил молчавший доселе редактор. — Спёрли этот шедевральный «Квадрат» из музея. Паника! Такой шедевр! Двадцать миллионов долларов стоит!.. Наутро приходят, смотрят, а он висит на

своём месте. Кинулись к сторожу: «Как так? Кто вернул?..» А тот отвечает: «Да я за ночь пять таких штук намалевал!» Вот тебе и Малевич!..

— О, явление Гоши народу! — воздел руку в сторону Вымлаева Стародубцев.

Тот, вскоченный, но твёрдо вышел на середину, как на сцену. Два притопа, три прихлопа:

— Оп-па-а!.. А Васька-кот из-под ворот вскочил на бочку скипидара!.. Смотрю, а среди вас больше копий, чем оригиналов.

*Кожилитесь, безъязыкие!..
Что толку охать и тужить?
Ведь слово нужно заслужить!
Воображения-то нет —
И вянет ваш цветочек-цвет.*

Ты, народный сборщик шишек, копия великого волосатого основоположника марксизма-ленинизма-коммунизма! Ты даже не знаешь слов «шишковать», «шишкарь»... А ты, вечно юный комсомолист: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!..» Всё, как блох, «каки» выискиваешь? «Какая чудная погода!» Уши не прочистил, и тебе слышится: «Кака я — чудная погода!» Сам ты кака!

— Да угомоните вы его, Глеб Прокофьевич! — взвизгнул разоблачитель «как».

— Выпил человек... — как бы виноватаясь за Вымлаева, одеваясь, пробормотал Анатолий Давидович. — Извините, мне пора!

А Гоша крепко пристал к «какисту»:

— Неблагозвучия выискиваешь? А вот твоё родное: «И даль, и близь...» Нетленка! В хрестоматию надо! Хрестомать твою!

— Георгий, дружище, угомонись!.. — начал успокаивать его Бирюков.

— А-а!.. Шурик, патриот ты наш! Какую трогательную поэму накатал: «Я лежу под Хасаном...» Майор, под кем ты лежишь?..

Поэтесса прыснула в кулачок. Сотрапезники, ухмыляясь, запереглядывались. Стародубцев, благоволивший к Гоше, чуть ли не потирал руки в ожидании продолжения моноспектакля.

— Какая муха его укусила? — запустил пятерню в свою таёжную бороду охотник.

— Дуракам закон не писан! — живо отозвался разобиженный стилист.

— Да! — вторил ему соратник по «партии» Бирюков. — Психического заболевания нет — просто дурак!

— Вот и у нас свой юродивый! — хохотнул толстовец. — Георгий Блаженный.

— Что вы пялитесь на меня? — скривился Вымлаев. — Не надо искать во мне плюсы и минусы! Я вам не батарейка!

*Я сам себе противен иногда.
Текут года... И водка — как вода.*

*Две души-неразлучницы
Рвутся вон из груди!
Сколько мне так вот мучиться
В окаянном пути?..*

Поэтесса печально, по-бабьи, скрестила руки на груди и прочитала Асадова:

*Ты не знаешь природы:
Ведь может быть тело дворняги,
А сердце чистойщей породы.*

Критик сокрушённо произнёс:

— Да, Георгий, слаженность стихов и исполнения — и не-слаженность всего этого с твоей личностью.

— Иной человек, точно колбаса: чем его начинят, то он и носит. У тебя, аксакал-саксаул, карьера на месте топчется, стиховед-душевед. Потому ты и не улетучился в Москву, как твои университетские коллеги. На твоих лекциях студенты сыпом спят.

— Вот она — вымлаевщина! А я ему ещё хвалу возносил. Сделай добро такому, и оно тебя достанет. Дуралей, коли нет головы, легко свернуть шею. Да не по чину мне с тобой связываться, смахивать пыль кулаком. Товарищи, кажется, среди нас есть товарищ, который нам вовсе не товарищ!

— Ты отрицательный минус нашего Союза! — угрожающе поднялся охотник. — Я тебя сейчас так оприходую, что имеешь правильный дефект речи!

— Да не обращайтесь на него внимания! — возопил толсто-вец. — На его словесный понос. Ветер носит, караван идёт.

Гоша растерянно потоптался, набрал воздуха, выдержал паузу и начал чеканить:

*Годы — гады!
За годом — год...*

*Уже ограду
Кузнец куёт...
Ну наконец-то!
Своё жильё.
Святое место.
И вороньё...*

— Японский городской! Какая ограда, Гоша?! — вскричал Стародубцев. — Пляньте, здоровье так и прёт из него! А один бульон из кубиков «кнорр» хлебает. Воистину в здоровом теле редко когда бывает здоровый дух. Болезни, недуги посылаются для очищения души, а тут душа неочищенная... Сарынь на кичку! Юра, забирай его! Он же покоя не даст, будет шарашиться.

Был человек — была проблема. Нет его — стало как-то скучновато, тяготно. Пришёл сторож. Разошлись.

— Сколько же всего по утрянке из человека выходит! — сокрушался Гоша, трубно сморкаясь в раковину умывальника. — Физиология!

— Неужто у тебя ничего хорошего в жизни не было? Одно бу-бу-бу.. Безрадостный ты какой-то, — заключил Амельченко.

— Ни-че-го!.. Только вот скворчащая на сковородке картошка... Да я прочь гоню все эти звуки, запахи, картины из детства! Меня там уже нет. Колотые раны... — Гоша подошёл к окну: — Туман глаза застит. Мерзослякотно.

Юра хотел было опять пожурить его за уныние, но решил подбодрить, польстить «поэту»:

— И откуда у тебя такие необычные слова?

Тот повернулся и расплылся в улыбке:

— Сам не знаю, — и указал пальцем на потолок, на «небо»: — Оттуда, наверно...

У заслуженного художника была ещё одна мастерская, в мансарде высотки, откуда открывался весь океанский окоем. Эта же, в Доме художника, служила запасником его картин, гнёздышком для дружеских попоек и ночлегом после них. Так что Юра лишь изредка заглядывал к своему постояльцу. А тот был прощён своими великодушными товарищами по «квартиру». Раз в неделю они собирались на квартире Анатолия Давидовича за «творческой» рюмкой чая. Хозяин подкидывал Гоше денюжат или что-нибудь из одежды, поношенной, но вполне добротной. Когда Гоша и Шурик встречались в Союзе, то подолгу стояли, обнявшись, демонстрируя нерасторжимую дружбу и особость: два друга — два «настоящих поэта». А остальные так себе...

Из окон мастерской сквозь туман виднелись пакгаузы, краны-жирафы. Слева, на 20-м причале смутно проглядывался силуэт крейсера «Дмитрий Пожарский»... Вдруг из тумана выскочил бомжок в замызганной матросской форменке-голанке:

— Товарищ адмирал! — он схватился за золотую пуговицу кителя вышедшего из тумана осанистого адмирала. — Голова с похмелья трещит! Не дайте флоту погибнуть!

Флотоводец, перекрученный во многих океанских передрягах, по-братски похлопал по плечу страждущего:

— Двух соток на поднятие боевого духа флота хватит?..

Тот свистанул в бессмертный «Мамазадунь». Отголосок Анютиных Глазок... Слезно запершило в Гошином горле...

И запершило от луковичного духа скворчащей сковородки. Веня Бусыгин в соседней мастерской жарил картошку...

Все с ним носились: «Ах, Гошенька, Гошик!..» Но вот родилась сестрёнка, и о нём все забыли. Скакал у папы на колёнке, точно на коняшке... И вдруг все бросили его. Убежал в огород, зарылся в ботву, в слезах пролежал до сумерек. Никто его не искал. Залез на чердак соседнего дома. Не нашли... Отыскивали уже в Бийском детдоме. Но его уже погонял бродяжий дух. Много раз ловили... Там, в непостижимом детстве, остались лишь руки матери. С венами, как прожилки капусты. Её она хрустко жамкала по осени на засолку в кадку.. И оглушающий дух и скворчание жареной картошки... А остальное всё — обида. Обрывочные лоскуты памяти, как окровавленные бинты в операционной. И потому он со стоном, скрипя зубами, гнал эти звуки, запахи, картины прочь. Тогда, там, надломилось что-то. Будто вёл прямую линию — дёрнулась рука, и прямое стало ломаным, исковеркалось. А Бусыгин, гад, жарил картошку! Невыносимо!.. В овощном ящике холодильника Гоша нашарил три картофелины. Почистил, нарезал в сковородку. По закону подлости свет вырубил. Зато на подстраховке плитка с газовым баллончиком. Запасливый, Юрок. Крутанул колёсико. Щелчок. Вспышка. Пламя. Кругом картины маслом. Резко открыл кран умывальника. Ударила струя, брызги. С перепугу вывалил на пляску огня картошку. Сковородкой из фонтана умывальника стал плескать воду во все стороны... Языки огня сникли, потухли. Не добравшись до картин маслом. У-уф!.. Пронесло! И баллончик с шипением издал последний вздох... Натерпелся! Поседел отчасти. Вот такой несураз!

Пожар-потоп по трезвости случился. И по пьяни раза два. Но Бог миловал, большой беды не допустил. И Амельченко терпел.

Наводя порядок после очередной катастрофы, Гоша наткнулся на коробку с красным крестом: аптечка. Все пакетики, пузырьки и тюбики с надписями: голова, живот, давление, аллергия, глаза, почесуха, шелушение, кости, температура, горло... И флакон «Тройного»: бобоны. То есть натирать прыщики и прочие вавки. Но Гоша решил спиртовым одеколоном «натереть» своё горлышко. Только выбулькнул полфлакона, появился хозяин:

— Да, Гоша, лазарет! Барахлит здоровьишко. А ты здоровый как бык! А ведь один «кнорр» разбавленный хлебаешь. Волосы шпыном, зрение орлиное; зубы кукурузные, кроме фиксы; всё своё собрание сочинений наизусть помнишь. Здоровяк! Настоящая загадка природы. А не отправиться ли тебе в Тибет, к ламам. Мудрецы ещё те! Всё обо всём и обо всех ведают. И обо мне походя спросишь. На вот тебе книжицу занятную, она тебя сразу увлечёт к Шамбале. Лобсанг Рампа «Третий глаз». Там и про реинкарнацию, и про левитацию и прочие мистические чудеса.

Ответ лежал у Гоши на ладони:

— Да, Юрий, пора мне умиротворить томление духа!

Амельченко облегчённо вздохнул: наконец-то устроил передых для своей злосчастной мастерской от вымлаевских козней, а возможно, и от гибели спас.

Стародубцев раскрутил провода на всю катушку. Под транспарантом «В добрый путь, Георгий!» собралось всё писательство, департамент культуры, представители общественности, радио, телевидение, газетчики. Анатолий Давидович озаботился снабжением путешественника: красная палатка, казанок с треногой, горячий спирт в таблетках, консервы, крупы, тёплая «полярная» одежда, канистра с минералкой... Амельченко явился с рабочими башмаками наперевес:

— Привет от старых штиблет! Коцы! Надёжнее нет!

Местный графоман Спириин подарил «выдающемуся поэту» дорожный велосипед. Подоспел даже старинный знакомец с баржи «Механик Зайцев» с подарочными клёшами. Но подходящи ли клёши для велосипеда? Майор Бирюков вручил своему другу кортик — обороняться от степных волков и прочих злодеев. Популярный бард Гена Бедокуров с раздрающим напутственным хрипом сбавил свою нетленку: «Э-эх, Адмиралка — родная улица моя!..» Чтобы вспоминалась она в монгольских степях товарищу-сопернику по искусству. Ведущий Стародубцев Глеб Прокофьевич предоставил слово виновнику торжества.

— Вот и чумазая масявка, наша писательская любимица и муза пришла меня провожать! — Гоша погладил трущуюся у его ног Труху. Конечно, он не мог назвать кошку по имени, такому неблагозвучному, каким он её наградил. — Спасибо всем, кто пришёл меня напутствовать! Меня ждут восходы, не подёрнутые городской плесенью. Не раз, по судьбе своей, ночевал я в поле, на широкой земной постели, покрытый серебрянканым покрывалом звёздного неба. И вот я в пути... Не беспокоюсь о завтрашнем дне, ибо твёрдо уверен, что он позаботится обо мне. Многие из нас довольствуются тем, что видят радость в каждой вещице: слоники, кошечки, порошочки-копилки, машина, дача... Деньги — смертны. Беден не тот, у кого ничего нет, а тот, кто хочет больше. Мы не имеем ничего постоянного на этой земле. Всё вмиг проходит, и ничего нам не принадлежит. Всё взаймы. Взаймы здоровье, сила, красота, богатство и любое другое земное благо. Как мы распорядимся этим займом, поймём ли, откуда он, поблагодарим ли Подателя сих благ?.. Когда благодарим — всё вокруг благостно. Когда подаренное считаем своим достижением, кичимся, унижаем других — это неприятие Бога. И сокрушаемся, не понимая, откуда наводнения, засуха, голод. Ещё Конфуций говорил, что состояние природы зависит от состояния человеческой нравственности. Нравственность управляет природными стихиями. Смотрю на ваши лица, друзья, и верю, что хорошая погода будет сопутствовать мне. И пусть скалозубят острословы до красных, жирных дёсен: «Хочешь хорошо жить — умей вертеться!», «Мало найти своё место в жизни, надо найти его первым!..» Вон рядом с паромходом объявление, крик души: «Куплю икру со всеми документами!» Да простит меня Юрий Амельченко, но самый лучший портрет в мире это: точка, точка, запятая — вот и рожица кривая. Ничего лишнего. И вот я решил прошвырнуться до тибетских лам, у которых тоже ничего лишнего. Зато ведают якобы они всё обо всём и обо всех. Вот и умудрился я вспомнить своё будущее. В тибетской столице Лхасе хранятся якобы дощечки, испещрённые всеми знаниями о мире. Парень из Читы, паломник, даже и не искал свою дощечку; по телепатии буддийского монаха она ему в глаза сразу бросилась. И монах перевёл: всё совпало, один к одному, всё точно, и будущее расписано. Как же туда не поехать? Вот и Володя Спириин мне железного коня подарил. Спасибо, дорогой! Спасибо всем!

Он вернулся через неделю. К ужасу Амельченко. Видуха — будто верблюды жевали и волки грызли. Но, похоже, до них

он не добрался. Наплёл с три короба. Якобы доехал до какого-то дацана. Ночь была. Не пустили. Заставили проявить терпение, как некогда пятилетний Лобсанг мужественно, в холод, просидел всю ночь перед воротами монастыря. Поставил палатку, уснул. Проснулся утром, а великая тютю! Бритоголовый монах в шафрановом халате врубил компьютер (оказывается, и до них прогресс дотопал!) и с помощью синхронного перевода расспросил Вымлаева Георгия Леонидовича, что ему надо. А без велосипеда и без дорожного вьюка на нём Гоше уже ничего не надо было. Компьютерщик-лама прозорливо проник: транспорт украдено племя кочевников, и русскому дороги впереди нет, поскольку в прошлой жизни был разбойником, а в будущем карма его в виде улитки...

Юра уныло догадался по жанру, что это анютинское брехло. Наверняка пропил тихоморский «Фёдор Конюхов» всё, чем одарили его на дорогу благотворители. Лишь коцы уцелели. Но такой крепостью бывший их хозяин не обладал. Не в силах пережить второе пришествие-нашествие Вымлаева, после его нового пожаропотопа и грязюки, в которую он погрузил мастерскую, Амельченко сдался. За ящик водки чуть ли не на коленях умолил Веню Бусыгина принять эстафету.

— Японский городской! Явился, не запылится, заноза мелкотравчатая! — приветствовал возвращение Гоши Стародубцев.

— Мечты, Глеб Прокофьевич, не должны осуществляться. Если они осуществляются, они называются планами. Да, вы правы, у меня вообще ни травинки не осталось. Искусство — это когда почва и душа не дышат. Нет, я не уйду от ответственности за свою непутёвость.

*Пробил мой окаянный час!
Загнал себя в такую тьму,
Откуда нет возврата.*

— Веселó, друг и товарищ!

Гоша по-флотски, будто разрывая, распахнул клетчатую рубаху, чуть пуговицы не посыпались. На безволосой груди синели зэковские наколки: «Не забуду мать родную!» и бутылка водки с надписью «Кто не со мной, тот подо мной!»

*Где ж ты, солнце моё волчье?
Где ж ты, моя водочка?*

— Будет, будет тебе водочка! — добродушно проворчал Глеб Прокофьевич и полез в свой заветный сейф с «драгоценностями». Достал бутылку «Столичной» и минералку. Выпили по одной, и народ повалил.

— Вот нюх у людей! — пробурчал Стародубцев.

Спирин с пироженками подсунулся. Графоманом он себя не считал и не мог понять, почему его рукопись «Секира осоки» сразу же, ещё до прочтения, вызывает смех. С обидой доказывал, что ничего японского в ней нет, что осока похожа на секиру и что береговые клювастенькие кулички, как бумажки.

— Нет, не бывать тебе, Володя, очленённым! — проглотил пирожное Глеб Прокофьевич. — Ну кто же к водке такую закусь несёт!

Тот захлопал глазами, а Гоша набросился на него:

— А ты, Секира Осоки, не думал, что на морду такой дурак? Да я одной левой на коленке наклепаю то, что ты набуровил. Ты не полено, как бестолковый Буратино. Ты дубина из этого полена. Вот ты чем от барана отличаешься? Ничем! Барану скажешь: «Молчи!» — а он всё равно своё лепечет, как и ты!

Зарычал критик:

— Я за себя тогда не постоял, а за других, за него!.. — он повалил Вымлаева на пол и стал его душить.

Раздался хрип. Очкарик, сельский учитель, вовремя оказался рядом. С трудом оторвал страшные волосатые руки критика от перекошенного в ужасе Вымлаева.

Заволокло душу тучами. Отправился Георгий Вымлаев за просветлением к земляку Василию Макаровичу. В июле на Алтае проводились «Шукшинские дни». Из Барнаула они переносились в Бийск, а затем в Сростки, на гору Пикет, которую Валентин Распутин назвал Поклонной горой. О празднике души, о голосе взыскующей совести мечтал Василий Макарович. Пророчески. Ибо у подножия Пикета, у Поклонной горы, собиралась совесть России. И вопрошала, и ответствовала голосом Шукшина: «Ни ума, ни правды, ни силы настоящей, ни одной живой идеи!.. Да при помощи чего же они правят нами?.. При помощи нашей глупости. Вот по ней-то и надо бить и бить нашему искусству. А для этого надо всё время оставаться с людьми, даже если в землю зарюют».

И на этом торжестве духа тихоморский «поэт» Георгий Вымлаев проникновенно прочитал своё стихотворение:

*Вот и она, деревня Сростки,
Где над притихшею травой
Катунь, что дым от папироски,
Безмолвно тлеет синевою.
Умолкли трели певчей пташки,
Звенит ночная тишина.
Калина в розовой рубашке
Идёт по тропке Шукшина.*

Здесь и познакомился с юмористом Михаилом Евдокимовым. В 2004 году под девизом «Шутки в сторону!» народный любимец выиграл губернаторство. И выделил своему земляку-поэту в Бийске квартиру. Гоша блаженствовал. Написал Бирюкову восторженное письмо, как он млеет в ванне с тёплой водой. Художники Амельченко и Бусыгин насторожились: не к добру такие восторги; к холодам, как обычно, вновь объявится товарищ Вымлаев. Сам ведь твердил: «Привыкнуть можно к чему угодно, даже к хорошей жизни. Но это не для меня». И вот уже письмо, явно «на выезд». И публицистика гражданина: «За МКАДом жизни нет. За этим рубежом вся страна — это Бийск, Убийск, Упийск. Камышитовые бараки времён освоения Сибири Ермаком. Сибиреносная страна: нефть, газ, уголь, золото... 200 тысяч бийчан (не скажу, бичей), дюжина крупнейших в Сибири производств с ВПК. И хорошо знакомый Юре Амельченко «Эвалар» — во всех аптеках его лекарства. Научоград — с научно-исследовательскими институтами РАН... Но средства на развитие всего этого и на благоустройство города лишь пополняют воровские карманы. И вряд ли справится с этой подлостью наивный романтик Михаил. Не дадут!.. Дороги в Убийске — убитые. Тарифы ЖКХ — чудовищные. Живу полгода, не плачу. Скоро выселят.

P.S. Вор, забравшийся в мою квартиру, оставил записку: «Так жить нельзя!», и тыщу бумажкой».

Как и печалился Веня Бусыгин, в конце ноября вернулся его «сложный» постоялец. Однако тоска от увиденного на родине разора и природная непуть завладели Георгием. Бродяжий дух погнал его однажды в пуржную ночь, в никуда. В сугробе теплее, чем на земле. Снег — мрамор бедных... Ампутировали ногу выше колена... И ещё удар! Умер благодетель Анатолий Давидович. Нелепо. Зашёл в СП. Стародубцев с критиком выпивали. Предложили и ему. Загордился, завязал, дескать, уже неделю держится. Критик же предостерёг, что нельзя так резко отказываться, опасно... Так оно и вышло... На поминках редактор сказал: «Ушёл, Анатолий Давидович, но он с нами!» И показал рукопись повестей и рассказов. Локтем уп-

реждающе ткнул его в бок критик. Но поздновато. Забрали родственнички деньги, выделенные автором на издание книги: «Бедно нам приходится жить без мужа-отца-дедушки». Незадолго перед смертью упросил Анатолий Давидович критика, чтобы помог устроиться младшему сыну корреспондентом на ТГТВК: бывшие студенты его руководят телекомпанией. А тот поэму о княгине Ольге накатал и принёс в «Литературный Тихоморск». И застукал редактор «патриота» со словариком, когда он иврит зубрил. Умотал «ольговед» в кибуцу и оттуда всем своим «поцам» по тырнету похвалялся, как подарил русскому божму Вымлаеву сковороду...

Поэтесса, работавшая в соцзащите, выхлопотала для лица без прописки, без пенсии, медицинского полиса и прочих ИНН все необходимые документы. Поместили Георгия в социальную палату на реабилитацию после операции. Здесь годами лежало, дожидаясь места в доме инвалидов или смерти, одинокое, беспомощное старичьё. Люди дожития. Саша Бирюков носил друга на руках, купил костыли. И едва «заживлённый», одноногий, маханул Гоша из предсмертного мирака богадельни, пропахшей «физиологией», на волю, где веял ветер с моря.

*Мне бы на ноги встать.
Не болеть. А потом
С лёгким вздохом
шагнуть во Вселенную.*

*Пусть я подранок, но зато
Я душу дьяволу не продал.
Моё пространство — это то,
Что называется свободой.*

С цыганским надрывом Гоша доводил до слёз своими стихами sentimentalного Веню Бусыгина. И тут же потешался над его «грамотейством». Живописец подписывал свой импрессионизм: «Пыр», «Вторнек. Утро»... И говорок у него был особенный: кохвэ, куфня, заздря... И написал он портрет «поэта» Георгия Вымлаева в духе Ван Гога, где тот изобразил себя с отрезанным ухом. От такого критического реализма Гоша опять ударился в бега. Какая неведомая сила носила его, он уразуметь не мог. Бродяжий дух. И очутился подле больнички-богадельни. Под забором. Принесла ему нянечка пюрешку. Прогнал нянечку. Отыскал его здесь Бирюков. Прочитал ему Гоша свою эпитафию:

*Мне лучше спать, мне лучше пылью быть.
Кругом бардак, а я лишь созерцатель.*

*Прошу, не надо, друг, меня будить!
Своей могилы мёртвый я копатель.*

— Купи мне, Шурик, бутылёк! Умру я естественной смертью алкоголика и буду похоронен в этой братской канаве с бомжами.

Попытался Бирюков выволочь друга из бурьяна, да тот упёрся, отбился от доброхота костылями. Зато другой «спасатель» объявился:

— Водка пить, земля валяться! Садись, дарагой, подвезу!

— Да пошёл ты, в натуре! Тебе не постичь, как здесь хорошо. Вали отсель! Выйдет Гошка из тумана, вынет ножик из кармана. Будет резать, будет бить!.. — Гоша рванул на груди рубаху, и высветились эковские наколки, отпугнувшие шакала.

Лето было в разгаре. Воздух дрожал от зноя. Полиняло небо. Трава стояла в пояс. Кузнечики жарили в угаре, звенели вовсю. Прижался к забору лопух. И Гоша Вымлаев вместе с ним. Тёмный жизненный порыв мучил его нутро кошунственной жаждой жизни. Стыдясь своей живучести, он готовился к самоуничтожению. Кто в уме и сердце отвергает Бога, чувствует себя свободным от всех обязанностей, лишается всех надежд, помрачается умом и сердцем. Брак для него — комедия. Любовь к детям — глупая сентиментальность. Дружба — сотрудничество. Весь мир — нелеп. Жизнь... Смысл... Где та всеозаряющая высшая идея, ради которой он, Вымлаев, создан?.. Солнце — огненная точка во тьме.

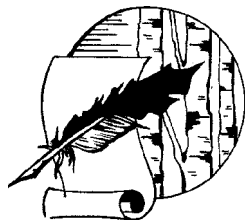
*Солнце!.. Мне всё видится, кажется,
В женском образе ты.*

Мать увиделась, руки её, жамкающие капусту. Хруст... Щebetанье сковородки с жареной картошкой... Слоёные жаркие облака. А он замерзал... Костылей не было. Украли.

— Да-а... — горестно вздохнул над свежей могилой Глеб Прокофьевич. — Часто смерть человека бывает похожей на самого человека. Какова его жизнь, такова бывает и его смерть. Хотя... Умом поэта не понять, — переиначил он Тютчева. — О мёртвых либо хорошо, либо ничего. Либо правду... — Стародубцев задумался...

На клиновидном памятнике Вымлаеву Георгию Леонидовичу вместо эпитафии значилось: «Поэт».

г. Нижний Новгород

Николай АЛЕШКОВ

ВДОЛЬ МЛЕЧНОГО ПУТИ

* * *

Николаю Рачкову

Вот и старость... Но, поверьте слову,
летом я силёнок наберусь —
к Шукшину, Есенину, Рубцову
всё-таки нагряну. Вспомним Русь?

А чего? А кто мне помешает?
Душу как гармошку разверну.
Пусть она, просторы оглашая,
загорланит аж на всю страну...

Смотрит на Катунь с холма Василий.
На Оку любитесь Сергей.
Николай: «Храни себя, Россия!»
Соберёмся вместе — эге-гей!

Посмеёмся. Может, и поплачем.
Денежек вот только накоплю
и поеду. Не могу иначе,
потому что Родину люблю.

* * *

В морозном воздухе двоится
крестьянский острый серп луны.
Кто любит Бога, не боится
иной, неведомой страны.

Земная жизнь — подарок царский.
Что небеса откроют мне?..
А серп наточен по-татарски
здесь, на казанской стороне.

А рядом с ним над зимней Камой
горит Полярная звезда.
С землёю этой, словно с мамой,
легко ль расстаться навсегда?

Мы в небеса с рожденья метим.
Но почему-то всё равно
живой душе смириться с этим
вплоть до ухода не дано...

* * *

Прогулки в одиночестве прекрасны.
Сквозит предзимок в лесополосе.
Я знаю — оправдания напрасны
за то, что жил не так, как жили все.
Я не монах, чей подвиг непреклонен,
не деспот я, чей грех непоправим.
Я счастлив был, когда купался в лоне
земной любви, отнюдь не херувим...
Судьбы страницы распечатай, принтер,
чтоб — от и до, а не — от сих до сих!..
Меня Господь провёл по лабиринтам,
и я стихами рассказал о них.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

1
В зеркале стьлой осенней воды
словно в предчувствии близкой беды,
лес отражается золотом к вечеру.
В сумерках вязнут скитаний следы,
наши земные труды и плоды
между мгновением жизни и вечностью.
Озеро! Родина! Осень-краса!
Нам ли, уставшим молить небеса
о сокровенном, заветном, несбыточном,
ждать и надеяться: все голоса
будут услышаны, если леса

через какие-нибудь полчаса
тьмой занавесятся — ужасом пыточным?

Вырву из тьмы на скрещенье дорог
синенький скромный осенний цветок.
Как он мерцает в своей одинокости!..
Утром опять заалееет восток.
С ветки сорвётся последний листок.
Хватит на всех и любви, и жестокости.

2

Лесное озеро замёрзло.
И по зеркальной глади льда —
поверьте! — кот учёный ёрзал.
Под носом рыбка. Но — беда:
коту никак не расцарапать
заледеневшее «стекло».
И смех, и грех, едрёный лапоть!
Мороз! Коту не повезло.
И полыхает у котяры
зелено-жёлтых глаз пожар.
Оголодал, видать. Недаром
из Лукоморья убежал.
Куда ни кинься — сплошь преграды.
И сказки кончились давно.
Златую цепь спилили, гады,
и дуб спилили заодно.
Худющий, голодом кручённый
(не жаль ему когтей и лап),
добычу ищет кот учёный
и от людей бежит стремглав...
Воспел бы я в стихах и в прозе
прогулки в лесополосе,
но мёрзнет муза на морозе,
да и слова застыли все.

Лёд отражает облака.
А снега нет ещё пока...

3

Лесное озеро оттаяло.
И по зеркальной глади вод
со мной на лодочке Наталия,
как лебедь белая, плывёт.

И вслед за лодкою по озеру
плывут, качаясь, облака,
а мой ровесник Сашка Прозоров
зовёт к костру издалека.
Мы молоды, нам делать нечего,
какой-то тайны ждёт душа...
Мы здесь останемся до вечера,
сиренью сорванной дыша.
И пусть подружки наши юные,
прикрыв платком стыдливо грудь,
увидят, как дорожки лунные
перетекают в Млечный Путь.
И наша юность не кончается.
За плёсом ухают сомы.
Созвездья в вечности качаются.
И лес. И озеро. И мы.

АНГЕЛ

Вы простите меня, православные русские люди!
Причащаюсь не в церкви, а в роще — у зимней реки.
Верю в то, что Господь и поэтов, как призванных, любит,
хоть и правда, они — нерадивые ученики...
На прибрежном холме молодая сосновая роща —
два десятка подружек — печали мои приютит.
Здесь сквозит ветерок — дескать, жизнь тяжелее и проще,
и секущая крупка по ветру летит и летит.
Подниму воротник и порадуюсь белому полю,
что на камском просторе уже расстелила зима.
Пусть ведёт меня дальше по жизни небесная воля,
что не раз даже смерть от меня отводила сама!
Значит, нужен я ей. И тропинка не будет кривою.
Я душой не кривлю, сокровенное в сердце храня,
как зелёная роща хранит драгоценную хвою.
Мне привиделось — ангел смотрел сквозь неё на меня.

ЛЕТНИЙ СОН

Душа в тепле и ласке
найдёт себе приют,
и соловьи, как в сказке,
в округе запоют...

Среди берёз и сосен,
мелькнув листом резным,

прольётся с неба просинь
над озером лесным.

Прильнут к ногам травинки,
и так легко идти
по луговой тропинке
вдоль Млечного Пути.

В печали нету проку.
Небесная река
несёт меня к истоку
в избушке лесника...

МОЛИТВА ПОЭТА

Скоро или нескоро грянет небесный суд —
к Господу наши души ангелы вознесут.

Господи Иисусе, истины свет пролей:
праведников помилуй, грешников пожалей!

Верить в спасенье или вдруг от тоски завывать?
Я о земной отчизне ТАМ не хочу забыть.

Всех нас, Отец Небесный, в лоно своё возьми,
но, как спасти планету, чад своих вразуми!

Мы не напрасно, Боже, в холоде и в тепле
Церковь, твою обитель, строили на Земле.

И на земной орбите, каждый в своей судьбе
пред алтарём в молитвах славу поём Тебе.

Чтоб не упали в бездну храмы, монастыри,
сверху, Отец Небесный, зорко на них смотри!

Матушка нам — Россия, но и она в веках
вместе с Землёй спасётся, а без Земли — никак...

ДЕРЖАВА

Нет, не империя и не страна...
Детям отцы завещали:
родина Богом на то и дана,
чтобы её защищали.

Наши отцы заплатили сполна —
заживо в танках сгорали.
Родина, значит, на то и дана,
чтоб за неё умирали.

Род — от макушки до самых корней —
древо из плоти и стали.
Родина — почва. Недаром на ней
внуки твои вырастали.

Места другого тебе не дано.
Здесь твои сила и слава.
Впрочем, в России ещё есть одно
точное слово — держава...

* * *

Только услышу — гармонь заиграла,
сердце на миг встрепенётся в груди...

Лёгкое пёрышко с неба упало,
утро настало, вся жизнь впереди.
Песня затихнет и — снова приснится.
Вот я бегу босиком по траве
сквозь золотистое поле пшеницы
солнцу навстречу, навстречу судьбе.
А за околицей, а на лужайке
праздник престольный — Кузьма и Демьян.
Там на гармошке и на балалайке
брат мой играет — не нужен баян.
Песню подхватят и бабы, и девки.
Сдвинут стаканы молчком мужики.
И далеко разлетятся припевки —
до горизонта, до самой реки.

Вдруг — из района товарищ. Вопросы:
— Что за гулянка?
Ответят ему:
— Это Орловка вернулась с покоса,
С дальних лугов — аккурат на Кузьму..
Небо в глазах опрокинется навзничь.
Воздух июльский полынью горчит.
И одноногий Максим Афанасьич:
— Мы победили! — сквозь слёзы кричит.
Руку подай, одногодок Петруха, —
мне деревяшка житья не даёт!

Мы-то живые. Другим невезуха —
Тем, кто с войны никогда не придёт.
На зиму хватит и сена, и хлеба.
Раны болят? Потерплю. Заживёт...

Русская песня, дороженька в небо,
только услышу — зовёт и зовёт.
Спеет пшеница. Луга покосили.
И нагулялись. Пора и домой...

Как же охота вернуться в Россию
послевоенную, Боже ты мой!

* * *

Прощай! Целоваться не будем.
Спасибо за то, что зашла,
что праздник сиреневый в будни
на спелых губах принесла.
Закат пламенеет за Волгой.
И жизнь уходящую жаль,
а праздники длятся недолго,
в душе оставляя печаль.
А мы, неразумные люди,
бежим друг от друга — дела!
Прощай! Целоваться не будем.
Сирень за окном отцвела...

* * *

Пустынны, как осень, мои вечера.
Но встреча с тобой взволновала вчера.
Красивое платье твой стан облегало.
Ты зря столько лет от меня убегала.

Мы в комнате двое. Текут по стеклу
осенние слёзы в вечернюю мглу.
Ты тихо сказала: «И мне одиноко».
Останься! Ведь звёздное небо высоко...

Такси тебя ждёт. Расставаться пора.
И снова пустынны у нас вечера.
Недаром так жалобно скрипнула дверь:
Не жди обретений от прежних потерь!

* * *

Утренней росой в лугах умыться
и зерном, созревшим в колоске,
за лучи к светилу прицепиться,
повисеть на тонком волоске...
А, сорвавшись звёздочкой неяркой,
осветить реку, за ней леса
и село с оврагом за пожаркой,
и свою тропинку в небеса.

* * *

Декабрьский дождь и майский снегопад
ворвутся в жизнь и всё переиначат.
Вон в конуре безмолвствует Пират,
а дочка — ей три года — чуть не плачет...

Черту смиренья не переступи,
живи в ладу с надеждою незримой.
«Всё будет хорошо, ты потерпи, —
скажи спокойно женщине любимой. —
Земля прекрасна, наша жизнь на ней
устроена — счастливей не бывает...»

Неясная тревога всё сильнее,
всё явственней тебя одолевает.

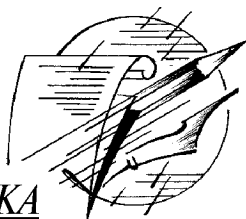
г. Набережные Челны

АНТИСТАЛИНИЗМ КАК «НОВЫЙ ВЗГЛЯД» НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ

Один мой московский приятель из писательского сословия, узнав, что я собираю материал о войне, сказал, как приговорил: «Эта тема устарела и никого не интересует. Ты зря теряешь время и силы. Нужен новый взгляд на войну. Это поле занято молодыми. Они свободны от совковых комплексов. У тебя ничего не получится».

Что такое «совковые комплексы»? Как мне их вытравить и начать соответствовать современным представлениям о советском прошлом?

Я родился ровно в середине века, через пять лет после Победы. Мы жили в Белорусской ССР, где пронесшийся смерч не просто напоминал о себе, он пронизывал всё вокруг, пульсировал в мыслях, воспоминаниях, разговорах людей. Еще долго кровоточили, не зарубцовывались телесные и душевные раны. Места жестоких боев, партизанских стоянок и показательных казней наших патриотов, военнопленных и тысяч советских граждан не заросли травой, еще не было и памятников. Эти места просто все знали и помнили. Генетически во мне живет вой-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

на. Она живет и в моей жене, в моих ровесниках. Мы не застали войну, но наши родители побывали в аду, достаточно хлебнули горя, знали истинную цену Победы.

Мой родной Борисов, как и сотни других городов России, Белоруссии, Украины, навечно покрыл себя воинской славой. Рос я в среде фронтовиков, партизан Великой Отечественной, еще молодых, полных сил, жестких, прямых в суждениях и оценках, с их шумными застольями, шутками, ссорами, не всегда героическими рассказами о пережитом, забористыми байками, бодрыми песнями, зовущими в бой и высекавшими у крепких мужиков слезу. Уроки истории у нас продолжались дома в разговорах с близкими, на многочисленных школьных мероприятиях, куда обязательно приглашались ветераны. Тогда эти люди были полны сил, впечатления их были свежи, и мы их видели совсем не такими, какими увидели их уже наши внуки — дряхлыми, седыми, порой затрапезно одетыми и чудаковатыми на вид. Тогда мы их слушали затаив дыхание и мечтали быть похожими на них

Может быть, сегодня кому-то уже и скучно читать и слышать про Великую Отечественную войну. Я понимаю современных служителей муз, которые, касаясь этой святой темы, вдруг бросаются рассказывать про штрафбаты, разведчиков, НКВД, культ личности, любовь среди смерти, пытаются лихо или натужно шутить. Хочется расшевелить читателя и зрителя, увлечь или развлечь его.

А война многонационального советского мира против фашистской Германии от нас уходит, тяжело ступая изношенными кирзачами по растекающейся грязи, шурша плащ-палаткой, с выглянувшим дулом и круглым диском ППШ, оглядываясь усталым, укоризненным взглядом из-под выцветших бровей, смахивая то ли пот, то ли слезу, высеченную встречным ветром.

Из самодостаточного, сложного, трагического явления, начиная со времен «перестройки», война превращалась в аргумент против советской системы, Сталина, становилась приправой или фоном к занимательным самостоятельным сюжетам. Вымыслы, домыслы, поиски «нового языка», оригинального нестандартного содержания нередко приводили к карикатуре, а порой и к пасквилю на войну. Этого не могли не понимать и сами авторы, но продолжали творить в нужном ключе. Таков был социальный заказ эпохи развала. Великая Отечественная самим своим наличием мешала исторической концепции в показе Советского государства как отжившей и неправильной системы. Между СССР и фашистской Германией уже нередко ставился знак равенства. Вой-

на, мешающая «новому взгляду» на историю, превращалась в миф. Все искали новую правду. При этом уже не только бесконечно ковырялись в старых ранах, но и безжалостно наносили новые. Сочинялось то, чего не было и быть не могло.

Вот тогда я всерьез и задумался о бесценности документальных свидетельств участников событий. Это первоисточник, голос эпохи, его уже не так просто зачеркнуть, изменить, сфальсифицировать. В виртуальном мире, когда правда задвигается и становится ненужной, важность свидетельств и летописей возрастает неизмеримо. История беззащитна перед насильниками, смехачами, коммерцией, политикой, конъюнктурой.

Опыт катастрофы

О том, что началась война, стране объявил заместитель Председателя Совнаркома СССР, нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Помню, как меня впечатлил рассказ писателя Ивана Стаднюка о встрече с Молотовым, приведенный в книге Валерия Ганичева «Державница». Бывший нарком поделился своими ощущениями о тех мгновениях, когда он ехал в студию Радиокomiteта в полдень 22 июня 1941 года, а потом возвращался после своего исторического выступления. Молотов увидел две Москвы. Сначала город был залит июньским солнцем. Выходной день. Нарядные люди, веселые лица, цветы, разноцветные шарики, толпящиеся у тележек с мороженым дети. «Они не знают, а я знаю, — с горечью думал он. — Война...» Когда он ехал обратно, сообщив по радио страшную новость, Москву уже было не узнать. Всё померкло. Одинокостояли мороженщицы. Детей будто сдуло с улиц. Спешили встревоженные, озабоченные люди. Радость, еще недавно наполнявшая город, в одно мгновение исчезла. В воздухе разлилась напряженность, суровость и тревога. Будто тумблер переключили. Это уже была совсем другая Москва. Прежний мир рухнул.

Гитлеровцы ударили мощно, нарушив все представления о рыцарстве, немецкой добропорядочности и чести. Они шли поперек всех правил и традиций. До них большие войны в цивилизованном мире никогда не начинались так внезапно. Всегда присутствовала напряженность между государствами, конфликт вызревал, следовали угрозы, дипломатические ноты, переговоры, выяснение отношений, наконец, объявление войны. Нередко в основе лежали провокации, служившие поводом для начала боевых действий. Здесь же ничего этого не было. Действовал Договор о ненападении,

обе стороны до последней минуты не прекращали контакты в экономической сфере, на политическом и дипломатическом уровнях всё оставалось внешне спокойно. В этих условиях тревожные сигналы советских нелегалов-разведчиков и военных выглядели необоснованно и провокационно. Война ожидалась, но не сейчас и не сегодня. Тайна коварного замысла сохранялась до последней секунды. Германский посол в Москве фон Шуленбург сделал заявление о начале войны против СССР лишь в 5 часов 30 минут, когда военные действия уже развернулись на фронте от Баренцева до Черного моря и приняли широкий размах. Для нас это было как глыба льда, которая сорвалась с крыши и влетела прямо в голову. Времени сообразить, что к чему, не остается. Итог — морг или больница.

Вопрос о начальном этапе войны мне попал на вступительном экзамене в аспирантуру Академии общественных наук. Шел 1986 год — время гласности, пересмотра и ревизии многих застоявшихся и закаменевших взглядов на историю. Работал я тогда в центральной и весьма популярной (тираж 25 миллионов!) «Комсомольской правде», был членом редколлегии. Принимал экзамен заведующий кафедрой журналистики, профессор Б.М. Морозов. Вопрос я хорошо знал, отвечал без запинки, описывал катастрофу, постигшую нашу армию в начальный период войны. Перечислял промахи Ставки, ошибки Сталина и печальные результаты, к которым всё это привело. Подробно говорил о преступной беспечности, о том, что политическое и военное руководство прозевало дату вторжения, хотя были предупреждения разведчиков и перебежчиков на этот счет, говорил о шапкозакидательстве, слабой готовности наших войск к войне. Я не ограничился учебником, приводил и новые, до этого неизвестные факты, о которых писала и еще собиралась написать наша газета. Старый профессор, в прошлом фронтовик, слушал молча, но неожиданно в глазах его я увидел не восторг от моего красноречия, а глубокую тоску. Он поеживался, будто ему было зябко от моих слов. Он молчал, но когда я сказал, что Красная армия терпела серьезное поражение на начальном этапе войны, сдавала территорию и бежала, отступая к Москве, тоска в глазах профессора выплеснулась наружу. Он прервал меня и достаточно резко сказал:

— Армия не терпела поражение, как вы выражаетесь... И не бежала...

— А что же это было!? — разогретый своей речью и готовый к спору, спросил я.

— Мы не бежали... У нас были временные неуспехи. Мы испытывали временные трудности и отходили на заранее подготовленные рубежи...

Профессор усмехнулся, и уже было непонятно, то ли он пошутил, озвучив еще сталинскую оценку начального этапа войны, то ли таким образом высказал свое личное несогласие с тем, что я учил по новым учебникам и впитывал из воздуха перемен.

Нужную мне пятерку я получил, бойкий ответ был как по нотам, но реакцию профессора и формулу насчет «намеченных рубежей» запомнил и задумался. И думаю до сих пор.

Были ли ростки будущей Победы в тех трагических днях 1941 года? Драпала наша армия или все-таки это были «временные трудности»? И что помогло преодолеть эти трудности? Ведь объективно говоря, всё было безнадежно. Немцы нанесли нокаутирующий удар. Они оказались сильнее и опытней. Боксеры знают, как тяжело в таких случаях встать с колен и продолжить бой. Часто это бывает сделать невозможно.

Разве не видел, не понимал всё это Сталин, обращаясь к народу 7 ноября 1941 года? Но прозвучавшие тогда слова о «временных неудачах» еще можно понять, вождем хотел вселить оптимизм. А вот почему упорно держался за старые формулировки и концепции серьезный ученый, и не только он, причем, в период, когда новые данные, разоблачения полились как из рога изобилия, когда ему самому, не только ученому, но и академическому чиновнику следовало перестроиться и быть проводником гласности. Он ведь свидетель той эпохи, сам страдал, но продолжал цепляться за старое. Что это, привычка стариков приукрашивать прошлое, держаться за старый багаж, неспособность ориентироваться не только в меняющемся материальном мире, но и в новом мире идей? Неужели так тяжело отказаться от старого? А в период перестройки этого требовали и высшая власть, и близкое начальство, и издатели, и ученое сообщество, и само время. Быть консерватором в эпоху перемен невыгодно со всех сторон, да и опасно, по крайней мере, для личного благосостояния и карьеры. Что это, упрямство, заблуждение или отстаивание до конца правды, за которую и на костер не страшно?

За кем начало войны? Как увидеть победу в поражении? Можно ли отрывать июнь—декабрь 1941 года от мая 1945-го? И какие из всего этого сегодня стоит извлечь уроки? Или никаких? Ведь современные войны уже совсем другие.

В 1941 году мы отдали немцам значительную часть своей территории, враг дошел до Москвы. Не на высоте во многих случаях оказались и стратеги, и низовые командиры, и бойцы. На первые 6 месяцев войны приходится более трети всех наших потерь.

В моем домашнем архиве тома книг, папки вырезок со свидетельствами героизма, организованности наших бойцов и командиров и тут же, толстеющие на глазах, тома и папки с доказательствами ошибок и просчетов, трусости, бездарности, преступной халатности. Я не раз перебирал все эти исследования и свидетельства, пытался соединить и сопоставить часто противоположные мнения специалистов и комментаторов на одни и те же события, встать на ту или другую сторону, вычленив истину. Однажды я увидел, что всё это, как мне казалось, богатство в книжных шкафах самоуничтожилось. Плюс на минус, искра, и всё сгорело. Противоречащие друг другу мнения развалили цельную картину. Истина ушла. Остался хаос. Громкий призыв «Больше света!» привел к темноте.

Как смотреть на этот начальный период войны: гордиться или осуждать действия власти, военачальников, армии? Могут ли нас чему-то научить пережитые испытания? На телевидении, в газетах шли шумные и яростные споры, но картина не оживала. Для того чтобы выйти из темноты, мне нужны были новые впечатления, не из мира СМИ, науки и высокой политики. Далеко ходить не пришлось. Из Белоруссии, в Москву, в гости приехал отец жены, мой тесть Григорий Адамович Манжос.

Еще раз я убедился, что каждая семья — это бесценное хранилище истории. Ее сгусток. В армию он уходил в 1940 году из родного Брагина, что в Гомельской области, туда же и вернулся в 1946-м, только уже инвалидом. Здесь он прожил жизнь, построил дом, с женой растил детей, пока чернобыльская катастрофа не согнала местных жителей с родных мест. На старости лет, как и других брагинцев, их с женой переселили с зараженной территории в более безопасные места. Тянули жребий. Вытянули Минск. Долгое время, находясь в опасной зоне, они спасались от радионуклидов проверенными народными средствами. Лечебный источник — самогонный аппарат — переехал с кем-то из переселенцев в девятиэтажный дом в минском микрорайоне с красивым названием Малиновка. Аппарат кочевал из квартиры в квартиру. Погостил он и у моего тестя. Так что в Москву он прибыл с трехлитровой банкой, плотно закатанной железной крышкой. Крышка тут же слетела, не задержалась. У нас было время вспомнить войну.

Первый день войны Григорий Адамович встретил на границе, в литовском Алитусе. Их подразделение входило в 11-ю армию. Как он вспоминал, обстрел границы немцы предприняли в начале четвертого утра. Накануне была учебная бое-

вая тревога. Подумали: может быть, продолжаются учения? Но очень быстро поняли: сейчас всё по-настоящему. Появились первые убитые и раненые. Бой приняли прямо на заставе. Отходить стали, когда увидели, и услышали, что их обошли, и сражение уже идет далеко в тылу. Около десяти дней они пробивались к своим. Вышли из окружения под Борисовом. Дошло человек 25, не больше. Отсюда их направили в Вязьму. Там недолго, но с пристрастием проверяли. «Что за фамилия Манжос? Литовец?» — «Нет, белорус». — «А откуда фамилия такая?» — «Идите у батьки спросите». Репрессий не последовало. Всю их выжившую группу определили в пехоту. До первого тяжелого ранения Григорий Адамович воевал под Москвой. Потом госпитали в Иваново, Новосибирске и Томске. После выздоровления уже обстрелянного бойца направили в Тульское оружейно-техническое училище, непродолжительная подготовка и звание младшего лейтенанта. Волховский фронт, бои под Ленинградом. Снова ранение. Госпиталь в Свердловске. Запись в военном билете: ограниченно годен в военное время. До конца войны сопровождал эшелоны с военными грузами.

Подобные воспоминания всегда заканчивались слезами. Так было и на этот раз. Потом тесть пел. Пел он здорово, был талант, не зря, работая киномехаником, по совместительству руководил мужской группой хора в Брагинском клубе. С особенным чувством исполнял «Артиллеристам Сталин дал приказ». Пел с надрывом. Я видел, как на шее у него вздувалась жила. Поразительно, но уже перед смертью, в 87 лет, он забывал то, что говорил 15 минут назад, но в мельчайших подробностях вспоминал многие детали войны и без запинки пел военные песни.

Мой тесть, инвалид войны Григорий Адамович, награжденный медалями «За отвагу», «За Победу над Германией», орденами Великой Отечественной войны первой и второй степени, открыл мне не всю картину того страшного лета 41 года, но многое помог понять. Как свидетель и участник он говорил о неразберихе, об ужасах окружения, обо всём, что ему пришлось пережить. Но я вдруг между строк его рассказов увидел, что на самом деле была страшная, неустойчивая, свалившаяся на страну фашистская сила и была Красная армия, оглушенная, истекающая кровью, но устоявшая на ногах. Пограничники, в числе которых был и мой тесть, хоть и с большими потерями, смогли пробиться из окружения, догнали своих. Их отправили в резерв, обмундировали, вооружили, снова поставили в строй. Нашлось время и на проверку. После ранения молодого солдата не бросили на произ-

вол судьбы, а отправили в тыл, где его не только поставили на ноги, но и выучили, подготовили из бойца офицера. Разве это бегство? Разве это поражение?

И может быть, прав был старый профессор истории, что не отказался, как это требовало новое время и новые взгляды, от старой формулировки. По крайней мере, не забыл ее и передал мне. И ведь я запомнил! Зародились сомнения в бесспорности новых формулировок и полной несостоятельности старых. Но где истина?

После захвата Польши немецко-фашистские войска оккупировали: в 1940 году — Данию, Норвегию, Францию, Бельгию, Голландию; в 1941-м — Югославию, Грецию и другие государства. Всего за 1939—1941 годы фашистская Германия покорила 11 стран Европы с населением 130 миллионов человек, захватила крупнейшие военные заводы этих государств. Около 5 тысяч предприятий на оккупированных территориях вооружали и обслуживали вермахт. Общий объем производимого Германией вооружения к лету 1941 года был на 75% выше, чем 1 сентября 1939 года.

К середине 1941 года возникла военная коалиция, главную роль в которой играли Германия, Япония и Италия. Для активного участия в агрессии против СССР Германия привлекла Румынию, Финляндию, Венгрию. Гитлеровцам оказывали помощь реакционные режимы Болгарии, а также марионеточных государств — Словакии и Хорватии. С фашистской Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия и Турция. Гитлеровцы интенсивно использовали экономические и людские ресурсы захваченных и оккупированных европейских стран и территорий — Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Люксембурга, Голландии, Бельгии, Франции, Югославии, Греции. Интересам Германии, по существу, была подчинена экономика и нейтральных стран Европы. Следовательно, на реализацию плана «Барбаросса» фашистская Германия фактически бросила ресурсы почти всех европейских государств — как своих прямых союзников, так и оккупированных, зависимых и нейтральных стран, население которых превышало 300 млн. человек.

К 22 июня 1941 года, в соответствии с планом «Барбаросса» у границ СССР было сосредоточено 190 дивизий, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных. Их поддерживали 4 воздушных флота, а также финская и румынская авиация. Группировка насчитывала 5,5 млн. человек, около 4300 танков, свыше 47,2 тыс. полевых орудий и минометов, 4980 бое-

вых самолетов. Таким образом, немецко-фашистские войска и соединения их союзников, развернутые к началу войны на границе, превосходили войска СССР более чем в два раза. Таковы неоспоримые факты истории. С такой силой нам пришлось столкнуться.

О том, что история начального этапа войны стала полем ожесточенных схваток, что развернута настоящая пропагандистская война, смысл которой развенчать в глазах народа этот период, превратить его в сплошной позор и неудачи, с нескрываемым гневом и озабоченностью не раз публично говорил фронтовик, Герой Советского Союза, маршал С.Ф. Ахромеев. Мне запомнилась пресс-конференция, которую он дал в июне 1991 года, накануне пятидесятилетия со дня черной даты начала войны, и за два месяца до путча и распада СССР.

Вот что он сказал о себе: «В войну я вступил в возрасте 18 лет младшим командиром, а закончил в 22 года командиром батальона. С 1945 года служил на различных командных и штабных должностях, включая должность начальника Генерального штаба. Всю свою жизнь я изучал и осмысливал предвоенный период и трагический 1941 год». Действия армии оценивал не любитель, а высокий военный профессионал. Приступив к анализу обстановки на фронтах войны, маршал обратил внимание на ошибку многих журналистов, касающихся этой темы, особенно подчerkнув, что начальный этап войны — это не три самые трагические первые недели. Истина в том, что начальный этап четырехлетней битвы — это весь 1941 год. И это не только боевые действия. Это все 6 месяцев, и они вместили в себя очень многое, в том числе и эпизод нападения, и Смоленск, где немцы были остановлены, и ожесточенные сражения за Москву и наступательную операцию наших войск, в результате которой фашисты были отброшены от столицы на 100—300 километров. Красная Армия потерпела ряд неудач, но в то же время был сорван гитлеровский план молниеносной войны, вермахт понес крупные потери.

Так характеризовал ситуацию Сергей Федорович Ахромеев, являвшийся тогда советником президента СССР Горбачева. До сих пор у меня перед глазами его сухопарое, строгое, волевое лицо, его стройная подтянутая фигура, форменный китель с маршалскими погонами. А потом, как выстрел, прозвучавшее сообщение, что он повесился на батарее у себя в кабинете в Кремле. Повесился или повесили? Это не выяснено. В самоубийство маршала поверили немногие из знав-

ших его людей. К этому не было поводов у боевого офицера. Зато слишком активную позицию он занимал по принципиальным вопросам развития страны в тот период развала, слишком высок был его авторитет в войсках. А вот это уже нравилось не всем. Война с Советским Союзом продолжалась. И война нешуточная.

В 1941 году чаша весов могла склониться в любую сторону. Но — факт, что раньше времени страна не собиралась умирать и сдаваться. И гитлеровцы это почувствовали.

Где народ черпал силы для организации сопротивления на фронте и в тылу? Первый год войны — самый черный период. Со всего маху грохнули кувалдой по голове. Всё было залито кровью. Всё рушилось. Ведь сверхчеловеки, белокурые бестии надеялись прийти на своих танках, машинах, самолетах, со своими автоматами, пулеметами, пушками и увидеть страх и ужас в глазах дикарей, железной рукой навести свой порядок, продемонстрировать во всей широте могущество арийской расы. А попали вдруг в драку, натолкнулись на кулак, сопротивление, хотели воевать понарошку, а получилось всерьез. Оттого и неожиданное уныние в письмах фашистских солдат и офицеров, которые они посылали на родину своим женам и родителям вместе с трофеями во второй половине 1941 года.

Мою домашнюю библиотеку неожиданно пополнила очень любопытная, я бы сказал, уникальная книга — «Война» Ильи Эренбурга, издания «Гослитиздата» 1942 года. Томик карманного формата. Библиографическая редкость. Я ее нашел в грудe книг, выложенных за ненадобностью в подъезде нашего московского дома. В книге писателя и фронтового корреспондента «Красной Звезды» собраны публикации с июня 1941 года по апрель 1942-го. Многие из них построены на письмах, дневниках убитых или взятых в плен немецких солдат и офицеров. Вот отрывок из очерка «Война нервов» 4 сентября 1941 года:

«На убитом ефрейторе Рузуме нашли три письма, он не успел их отправить. Первое письмо помечено 31 июля. В нём чувствуются первые сомнения:

«Прошло уже шесть недель, как мы находимся в чужой стране. Войну на востоке мы представляли себе иначе. Мы знали, что русские будут драться, но никто не предполагал, что они будут так отчаянно драться. Мы принимали участие в районе Орши. Надеемся увидеть скоро русскую столицу. Тогда эта ужасная война кончится...»

Прошла всего неделя, и 5 августа ефрейтор пишет:

«У нас одно желание — скорее бы кончилась эта ужасная война! Если Москва падет, русские увидят безнадежность своего состояния. Но я думаю, что лучше было бы не начинать этой войны. Во всяком случае, то, что мы пережили в России, нельзя сравнить с Францией и Польшей. Здесь в любой день можно потерять жизнь...»

Ефрейтор ее потерял».

А вот отрывок из материала «Варвар под Ленинградом» 9 октября 1941 года. Фельдфебель Эйген Кроненберг перед смертью получил письмо от супруги по имени Гильдегард из Дюссельдорфа. Она пишет:

«Хорошо, что ты сейчас с саперами. Хотелось бы, чтобы у вас всё поскорее кончилось, только я боюсь, что Петербург так легко не сдастся...

Говорят, что русские стали крепко драться. Трудно себе представить, чтобы такой невоспитанный народ требовал от нас столько жертв! Но надо его раз и навсегда выкинуть из мировой истории — теперешние события это ясно показывают.

Будь осторожен и держи ухо востро. Хорошо, что ты невысок ростом».

23 сентября «невоспитанные» русские закончили земные труды фельдфебеля Эйгена Кроненберга. Я не хочу оскорблять горе его супруги, но она заслужила ответ: русский народ не выкинут из мировой истории, из жизни выкинут немецкий фельдфебель невысокого роста, Эйген Кроненберг».

Подобными откровениями завоевателей и их родственников наполнены все страницы книги. Здесь война глазами, наступающего во всю мочь, успешного противника. Мы «драпали», как пишут о том периоде некоторые современные историки и публицисты, а сами фашисты свидетельствуют, что впервые почувствовали мужественное, хорошо организованное сопротивление.

Гитлеровцы собирались завоевать Советский Союз за 4—5 месяцев. Был расчет на международную изоляцию СССР, на непрочность советского строя, на социальную, национальную рознь, на панику и дезорганизацию в тылу, на слабость вооруженных сил. Победоносный поход должен был закончиться еще до наступления зимы. И даже не до зимы, а до осенней слякоти! Немцы настолько были уверены в своем успехе, что даже не позаботились о зимней одежде, обуви, запасах горюче-смазочных материалов, необходимых для эксплуатации техники в условиях морозов.

Теперь понятно, откуда нескрываемое уныние в письмах немецких солдат.

План молниеносной войны «Барбаросса» гитлеровцы тщательно разрабатывали и готовили в течение целого года. Это не был скороспелый продукт несерьезных малоквалифицированных людей. Его готовили, обсуждали и принимали лучшие военные стратеги Германии. Немцы не ожидали столь серьезного сопротивления. Они хотели лететь, а им пришлось ползти, топтаться у каждой переправы, каждого более-менее крупного населенного пункта, а под Смоленском вообще задержаться на 63 дня. Впервые за всю историю Второй мировой войны Гитлеру пришлось здесь отдать приказ о переходе группы армий «Центр» к обороне. И это на направлении главного удара!

То, что блицкриг не удался, позволило осажденной стране эвакуировать на восток промышленные предприятия, отмотелизовать резервы, провести первоочередные мероприятия по перестройке экономики на военный лад.

В «Комсомолке» было опубликовано интервью с офицером госбезопасности, который даже через много лет не раскрыл свое имя, ограничившись псевдонимом Михайлов. Этот человек был допущен к очень большим секретам. Он рассказал о том, как готовилась Москва к тайной войне, в случае, если немцы войдут в столицу. В то время, когда над городом шли воздушные бои, в кабинетах с затемненными окнами люди разных профессий получали новые паспорта, пароли, явки. Создавалась разветвленная нелегальная сеть. Вымышленные фамилии были вписаны в домовые книги, так что ни одна проверка не могла бы их раскрыть. В подполье должны были войти известные ученые, артисты, священники, члены религиозных сект. Свое согласие дали и многие из тех, кто до этого числился противником советской власти. В их квартирах спешно наводили лоск, на книжные полки ставили книги на немецком языке. В городе Чехове под Москвой в психиатрическую больницу вдруг поступил новый поток «больных». Это были тоже подпольщики. На каждого из них завели «историю болезни» — не подкопаешься. Хитроумным способом в городе минировались жилые помещения, аптеки, заводские цеха, вокзалы — все места, где могли быть скопления немцев и где они могли наладить производство. Создавались тайники с оружием, подпольные типографии. Была разработана специальная операция по физическому устранению Гитлера во время уже объявленного на весь мир готовящегося парада на Красной площади. Планировалось, что Гитлер будет приветствовать своих солдат. Нашелся человек, который, пользуясь родственными связями, был способен осуществить это покушение.

Из подготовленных в специальных учебных центрах, школах и на курсах создавались небольшие, в 30–50 человек группы, которые переправлялись за линию фронта. На местах они быстро росли за счет населения, попавших в окружение и бежавших из плена бойцов и командиров Красной Армии. Против «нового порядка» — режима массовых убийств, грабежа, угнетения и рабской эксплуатации поднимались сотни тысяч народных мстителей. Получало размах партизанское движение.

Столицу защищали из последних сил. Но запасной аэродром для руководящего центра страны был подготовлен не за границей, и даже не за Уральскими горами, а в Куйбышеве, сейчас Самаре. Сюда переехала из Москвы часть Советского руководства. Сценарий правительства в изгнании, как это было в Польше, Румынии, Франции и других европейских странах у нас не допускался и не рассматривался.

Фашистам не удалось взять Москву, но даже при благоприятном для них исходе — всё самое интересное их ждало впереди. Они бы оказались на пороховой бочке с зажженным фитилем. Французам однажды удалось войти в столицу России. Но это для них, как известно, плохо закончилось. Гитлер имел дело с тем же народом, который был готов к борьбе до конца. Этот народ имел руководителей, которые понимали это и не только тоже были готовы идти до конца, но были способны повести за собой.

Кстати, для сравнения: когда в конце 1944 года Красная Армия, вступила на территорию Германии, командование ждало нападения немецких партизан в своих тылах. Было испытано громадное недоумение, когда узнали, что немецких партизан просто не существует.

В тот период великих потрясений и испытаний было все: неразбериха, неумение, расстрелы дезертиров-солдат и провалившихся генералов, были потери, оставленные врагу территории, страшные муки и страдания, но была и первая, решающая для этого этапа победа — блицкриг у фашистов не получился. Масса подвигов, стойкости, героизма, преданности долгу, военная подготовка и смекалка оказалась выше массы ошибок, недостатков, просчетов.

Кадровая армия встала насмерть, жертвовала собой, чтобы обеспечить мобилизацию, спасти, что можно, поднять резервы, суметь наладить хозяйство в условиях войны, перестроить экономику на военный лад. Победить или сгореть — другого не дано. И в тех условиях армия свое дело сделала, свою миссию выполнила. Она задержала поток, прорвавший границу, сбила его наступательный пыл и мощь. Потери были

трагическими, напор чужой силы неудержим, но страна, народ не ощущали поражения. Поэтому и не случилось общенационального краха. А ведь проиграть можно еще до того, как всё началось.

Популярный киносюжет: герой, окровавленный, оглушенный, почти убитый свирепым и сильным противником, встает с колен, чтобы в конце концов победить. Герой побеждает вопреки всем законам природы и человеческих возможностей. Мы переживаем, радуемся и хотим верить в победу героя, хотя и понимаем, что так в жизни быть не могло. Эту тему часто эксплуатирует Голливуд. Там понимают, на каких примерах надо воспитывать своих граждан.

Наши предки, отцы, деды и прадеды победили вопреки всем законам войны, вопреки всем расчетам немецких военных педантов, всем прогнозам, вопреки современным взглядам на ту эпоху.

Как найти в себе силы подняться после сокрушительного, почти смертельного удара — в этом пример на века начального этапа войны. Это сюжет, когда русский Иван, ошарашенный железным кастетом в лоб, в зубы, медленно поднимался с земли. Детали происшедшего можно мусолить, но при этом искривлять угол зрения и видеть исключительно выбитые зубы — значит всех вводить в заблуждение.

Сейчас много говорят, особенно на Западе, о неоченимом вкладе в Победу союзников по антигитлеровской коалиции. В середине сентября 1941 года, когда немцы неуклонно и неудержимо стремились вперед, занимали наши территории, Москва умоляла помочь — открыть второй фронт в Северной Франции. При этом Сталин, исходя из опыта и расчетов, напомнил Черчиллю, что высадка в Нормандии способна оттянуть с Восточного фронта 30—40 немецких дивизий. Этого было бы достаточно, чтобы Красная Армия не отступала.

Обращения о помощи услышали лишь через три года, в 1944-м, когда уже мы шли к Берлину. В сентябре 1941-го наше положение было критическим, и на мольбы никто не отреагировал. Сталин выходил из себя, не позволяя оставлять Киев. Обе воюющие стороны очень хорошо понимали значение этого района. Падение Киева открывало фашистам путь на Харьков и на Донбасс — с углем, заводами, отрезало большой экономический потенциал. Через пять дней после отчаянного и безответного призыва Москвы к союзникам, немецкие войска взяли Киев, захлестнулась удушающая петля вокруг Ленинграда, там начались ужасы блокады. Этого могло бы не произойти. И Ленинград остался бы наш, и Харьков, где 22 июня 1941 года состоялся школьный выпускной

вечер моих будущих отца и мамы, и многие другие разрушенные, сожженные города и поселки. И мои родители, и родители моей жены, как и миллионы других мирных людей не пережили бы всего того, что выпало на их долю. Стоило только союзникам не дожидаться, пока Красная Армия сама выпутается из трагической ситуации.

В 1941-м нам оставалось надеяться только на себя.

Фактор силы

Водоворот войны втягивал в свою безумную, беспощадную воронку молодых и старых, слабых и сильных, партийных и беспартийных — всех. Буквально вскочил на подножку последнего, уходящего из Харькова эвакопоезда мой будущий отец. Школьный отличник, допризывник Георгий Синенко превратился в беженца. В те горькие и страшные недели, остававшиеся до оккупации города фашистами, он почти ежедневно ездил в военкомат, подолгу стоял там в очередях, но от него отмахивались — он не подлежал призыву по возрасту. Лишь в ноябре 1941-го ему должно было исполниться 18 лет. Всё осложнялось тем, что его документы, еще до начала боевых действий, были посланы в военно-морское училище имени Фрунзе в Ленинград, куда он собирался поступать после школы. Сейчас на подступах к городу шли бои, и судьба училища оставалась неясной. Оттуда должен был прийти вызов, а его не было. На вопрос «Что мне делать?» в военкомате лишь строго говорили: «Жди повестку!» Железнодорожник-отец Дмитрий Иванович предлагал устраиваться в депо, получить бронь, но 17-летний комсомолец свое место видел только на фронте. Первой на восток, в Казахстан, эвакуировалась его мама, моя бабушка Таня. Ей не удалось уговорить сына уехать с ней. Отъезд, как он считал, был бы дезертирством. После нее тем же маршрутом, с эшелонам, на платформах которого стояли станки и другое оборудование депо, уезжал его отец. Он возглавлял сопровождающую груз бригаду. На прощанье он назвал сыну номер маминого эшелона и предупредил, чтобы в случае, если его не призовут в армию и придется оправиться в эвакуацию, он на станциях узнавал, прошел ли эвакопоезд под этим номером. Так можно было определить, куда доехала и где остановилась мама. В хаосе, неразберихе войны, сначала в Семипалатинске, а потом в Кзыл-Орде отцу удалось-таки отыскать своих родителей.

Замечательный французский писатель-гуманист Антуан де Сент-Экзюпери в книге «Военный летчик» пишет, как во

время Второй мировой войны из самолета наблюдал французских беженцев, которые, «будто сироп из опрокинутой бутылки, медленно растекаются по дорогам». И в это мгновение перед ним внезапно возник жуткий образ его родной Франции, из которой вываливаются внутренности. Та же беда в 1941 году свалилась и на нашу страну. Франция сдалась через две недели. СССР сопротивлялся уже пятый месяц. Незримо следуя вместе с отцом в эвакопоезде, я вижу, что при всех ужасах происходившего, у нас кишки не вывалились. Эвакуация проходила организованно и осмысленно. Я принялся искать материал по этой теме и вдруг открыл для себя, что государство и народ сотворили тогда невозможное, выходящее за пределы реальности. Переместить в считанные месяцы на огромные расстояния миллионы людей, миллионы тонн грузов, целые отрасли, возродить, создать фактически новую страну на новом месте, причем в условиях жесточайших боевых действий — такое может быть только в сказках.

В последние годы жизни СССР набатом гремели напористые голоса, что стоит стране уменьшиться — развалиться, рассыпаться, раздробиться — и все заживем весело и счастливо, почти как в Голландии. Тогда почему-то говорили о Голландии. Развалились, но не «зажили». Рост благосостояния, как оказалось, не связан с уменьшением территории. Необъятные российские просторы по-прежнему пугают Запад. И по-прежнему размеры страны многие относят к ряду непоправимых недостатков и причин многих российских бед. Хорошо ли, правильно ли быть большими?

В Великую Отечественную пространства стали спасением, надежным союзником для армии и народа. А ведь и в самом деле могли стать врагом. Так уже было в середине XIX века, в Крымской войне 1853—1856 годов, когда бездорожье, беспомощность военного и гражданского начальства не позволили оперативно перебрасывать на передовую войска, боеприпасы, подкрепление. Море и пароходы служили туркам лучше, чем русским их телеги и разбитые дороги.

Фактором нашей силы, а не слабости в середине XX века пространства во многом стали благодаря отлаженной, работающей как часы железной дороге. Не зря, готовя нападение на Советский Союз, гитлеровские стратеги предусматривали в числе первоочередных задач нанесение концентрированных ударов по железнодорожным магистралям. Об этом прямо говорится в директиве № Ц21 (план «Барбаросса»). В первые часы войны бомбардировкам целенаправленно подверг-

лись Литовская, Латвийская, Эстонская, Белорусская, Брест-Литовская, Белостокская железные дороги. Особенно сильный удар пришелся по крупным железнодорожным станциям и узлам.

Известно, что Г.К. Жуков, другие военачальники предлагали стратегию организованного отвода войск в глубь территории, чтобы сохранить в соответствии с военной наукой кадровую армию. Так когда-то сделал Кутузов. Сталин как Верховный главнокомандующий не пошел на это, заставляя армию драться, выполнять предписанную ей судьбой и воинским долгом роль. В то же время все силы и возможности были брошены на эвакуацию гражданского населения, специалистов, спасение всего самого ценного, возрождение промышленного потенциала и подготовку резерва в тылу. Кадровую армию сжигали, но сжигали во имя тыла и организации жизни в условиях войны.

Туркестано-Сибирская железная дорога входила в число самых известных строек первой советской пятилетки. Эта дорога дала импульс развитию Средней Азии. По ней передвигался из Харькова в тыл эшелон с оборудованием Харьковского депо, по ней тем же маршрутом спасался от немцев мой будущий отец, эвакуировались миллионы семей.

Для железной дороги операции по перемещению не то что отраслей, просто отдельных заводов были исключительно сложны. Например, только для перевозки металлургического комбината «Запорожсталь» из Днепропетровска в Магнитогорск потребовалось 8 тысяч вагонов. А ведь это еще демонтаж оборудования, доставка, погрузка, обеспечение сохранности, затем разгрузка, складирование. Уже в первый год войны, с лета из фронтовой зоны было вывезено 2593 предприятия (в т.ч. 1560 оборонных), эвакуировано 11 миллионов человек. Но эти цифры, взятые историками из сводок Комиссариата путей сообщения, не отражают всей картины. Здесь не учтены так называемые бездокументные грузы, спасённые от врага часто в последнюю минуту. В эти, сами по себе огромные цифры входит лишь часть того, что было переброшено в глубокий тыл и восстановлено в интересах фронта. Одновременно в обратном направлении за первое полугодие железные дороги доставили на запад, в пункты сосредоточения войск, 291 дивизию, 94 бригады и свыше двух миллионов человек маршевых пополнений.

Армия истекла кровью на поле боя, сдерживая из последних сил напор врага, тыл надрывался, но не упустил свой шанс на возрождение и не поддался хаосу. Огромные производства оказались за тысячи километров от места своего рож-

дения и начали новую жизнь. Уже в марте 1942 г. промышленность восточных районов, с учетом восстановленных здесь эвакуированных предприятий, произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР.

Народ защищал пространство — пространство спасало народ от уготованных порабощения и виселиц.

Железная дорога для России — это не просто отрасль, это — жизненная необходимость. Как воздух, вода, тепло. Советское государство это понимало. С 90-х годов либеральная экономическая мысль на просторах бывшего СССР изо всех сил бьется за превращение государства в службу частного интереса. Крепнувший промышленный, финансовый капитал отодвигает государство на периферию жизни, стремится потеснить и ослабить его как конкурента за обладание властью. Первична личность, государство вторично — это большими буквами написано на знамени либералов. Посторонись — государство! Приватизация всего и вся — как главный экономический постулат. Железная дорога — не исключение. Но вопросы экономической теории в годы войн, катастроф превращаются в вопросы жизни и смерти. Станет частник с риском для собственной жизни и без видимой прибыли заниматься эвакуацией, спасать «других», а не только себя, свою семью и своих близких, смогут ли владельцы вагонов договориться с владельцами тепловозов и электровозов, а они оба с владельцами рельсов? — вопрос остается открытым. Хватит ли у частника патриотизма? Да и кто управлял бы всем процессом при отодвинутом на задворки государстве — тоже непонятно. В таком случае приказы отдают финансовая и бизнес-мафия, «пятая колонна», сплоченные националистические группировки, бандиты, все, кто угодно, преследуя свои интересы и цели. В ту войну это проверить не удалось. Тогда этих вопросов не возникало. Государство держало в своих руках все ключевые отрасли экономики, в том числе и транспорт.

У Карамзина в «Истории Государства Российского» проходит мысль, что всем большим войнам на Руси предшествовали природные катаклизмы, будто посылались какие-то знамения, знаки с неба. Это всё фиксировали летописи. То буря невиданной силы, то град с куриное яйцо, то солнечное затмение, то летом, в жару — снег, а зимой, в лютый мороз — дождь. Я донимал отца вопросами о знаках, каких-то мистических проявлениях.

— Моя память каких-то особенных природных знаков не зафиксировала. Перед вторжением фашистов вместо знаменый были сообщения с театра военных действий в Европе. Война все время была рядом. Но если брать в целом начальный этап войны, то знаковым событием явились обращение Сталина к народу 3 июля и его речь на параде 7 ноября 1941 года. Это хорошо помню...

7 ноября 1941 года, над Москвой разыгралась пурга. Немцами бомбардировщикам отрезали дорогу к Красной площади не только зенитки, но и само небо. Покров Божией Матери будто укутал русскую столицу. Парады в честь 23 годовщины Октябрьской революции прошли в Куйбышеве, Воронеже, Иваново, демонстрации в Алма-Ате, Ташкенте, Улан-Удэ, Саратове, торжественные заседания и митинги в Ленинграде, Горьком. Их принимали Калинин, Ворошилов, Вознесенский, другие известные деятели того периода. Вся страна отмечала этот день.

Сегодня, с современных позиций, когда праздник 7 ноября утратил свое былое значение, кому-то может показаться странным сам факт такого парада в Москве: враг у ворот, даже уже открыл калитку, а здесь, с учетом возможных налетов с воздуха, устроили рискованное мероприятие, совсем не ко времени, зачем-то солдаты маршируют по Красной площади, тянут технику. Колонны отсюда шли прямо в бой, многие на смерть. Суть того парада всё дальше отлетает от современного сознания. Он теряет свое сакральное и одновременно мобилизующее значение.

Речь Сталина 7 ноября, и его обращение к народу 3 июля отец назвал знаковыми. Я попытался вспомнить, что же такого необыкновенного говорил в своих речах Сталин, и вдруг с удивлением обнаружил, что зная детали парада на Красной площади, сами выступления помнил смутно. В моей памяти они не оставили следа, разве что обращением «Братья и сестры!» да крылатой фразой о том, «что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить». Эти речи обходили на уроках в школе и экзаменах в ВУЗе. О факте говорилось, но что внутри — нет. На них не ссылались историки, публицисты. Они вообще были выведены из исторического оборота.

Сегодня, благодаря Интернету, эти исторические тексты легко можно найти. Перечитываю их еще и еще раз. Сразу обращаю внимание, что Сталин уже тогда давал ответы на многие до сих пор дискутируемые вопросы, в том числе насчет заключенного с Германией пакта и кто на кого напал.

Наша же публицистика, либеральная наука, СМИ почему-то не обращали на это внимание, в оценках больше опирались на то, что говорила в то время немецкая, а после западная пропаганда. Всё, что исходило от Сталина, считалось неправильным.

Что меня еще удивило в речах вождя? Например, сравнение сложившейся в 41-м году ситуации с 1918 годом, когда «было еще хуже». «Теперь положение нашей страны куда лучше», — сказал Сталин. И это в тот момент, когда немец дошел до Москвы, окружил Ленинград, взял Киев и оккупировал значительную часть страны.

И еще пассаж о том, что Германия не сможет долго выдержать такого напряжения и «должна лопнуть под тяжестью своих преступлений». Откуда это предвидение? Ведь оно было произнесено, когда впору было говорить о своей собственной кончине. В его речах — никакого внутреннего ощущения обреченности. Даже тени сомнения вождь не допускал насчет будущей победы. В его текстах ясно прочитывается вера в народ, в его силу, мужество, стойкость, талант. Обращает на себя внимание то, что Сталин почти не говорил об армии, о тяжелых боях, он почти не комментировал текущую ситуацию. Его мысль больше про тыл, а не про фронт. Он говорил о жизни, когда вокруг всё рушилось.

И всё же, перечитав речи Сталина, я не почувствовал подъема, который, очевидно, ощущали отец и его современники. В России отвыкли, что речи высших государственных лиц производят хоть какое-то впечатление и могут что-то серьезно изменить в реальной жизни.

По-разному можно относиться к Сталину, но волей рока ему пришлось встретить войну, находясь во главе государства. Слишком велика роль лидера в период катастроф, чтобы бездумно выбросить опыт человека, стоявшего у власти в трагическом 1941 году. Публицистикой да и исторической наукой много говорится о растерянности «вождя народов», о потере времени, просчетах в начальный этап войны и уже как-то смутно осознается, что сразу же активно заработал Государственный Комитет обороны под началом Сталина. Армия не разбежалась и не утратила управляемости, было организовано сопротивление в тылу фашистов, и паника не охватила собственный тыл. А ведь это было то, с чем немцы не сталкивались до сих пор, победно прошагав по Европе. Правительства оккупированных стран фактически сразу же перестали существовать, никак не влияя на ситуацию. У нас же, уже через два дня после вторжения, был создан Совет по эвакуации, а 27 июня вышло постановление ЦК ВКП(б) и

СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Это был конкретный документ. Перечислялись материальные ценности, которые следовало вывезти в первую очередь, указаны государственные органы, ответственные за эвакуацию. И за всем этим видна рука первого лица в государстве.

Уже на второй день после обращения Сталина к народу 3 июля 1941 года Государственный Комитет обороны отдал директиву, предусматривавшую перевод всего народного хозяйства на военные рельсы, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также эвакуируемых в тыл.

В первые недели войны среди рабочих возникло движение двухсотников и трехсотников, выполняющих 2—3 нормы за себя и за товарищей, ушедших на фронт. Тогда же родились такие формы соревнования, как фронтовые комсомольско-молодежные бригады, движение многостаночников, совмещение и овладение новыми профессиями, движение женщин за переход на «мужские профессии». Во многих случаях монтаж на новом месте крупных цехов и заводов завершался в течение нескольких недель, а уже через 3—4 месяца предприятие достигало довоенного уровня производства. Все ценные инициативы, примеры трудового героизма становились известными стране, они пропагандировались всеми возможными средствами.

Сталин в своих обращениях к народу говорил о необходимости перестроить всю работу на военный лад, о спасении всего самого ценного, о том, чтобы «не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона... ни килограмма хлеба, ни литра горючего», говорил об эвакуации, роли железной дороги. Это непосредственно касалось семей моих родителей. Оба мои деда дневали и ночевали в депо, как и все их друзья и коллеги.

Вот лишь один факт, из которых слагалась большая будущая победа. Всем хорошо известно, какую роль сыграли в войне танки Т-34. С первых боев эта новая машина ошеломила немецких военачальников, посеяла тревогу в не знавших до того поражений танковых войсках Германии. Уральский танковый завод, выпускавший знаменитые тридцатьчетверки, был создан на базе эвакуированного туда Харьковского завода, где эти танки, собственно, и родились. А ведь этой грозной для фашистов силы могло и не быть, если бы оборудование и документация остались под развалинами заводских корпусов в захваченном врагом Харькове.

Что было бы, если бы железная дорога и ее работники оказались не в состоянии вовремя эвакуировать предприятия и жизненно важные организации? Что было бы, если бы коллективы этих предприятий и организаций не сумели организовать и в считанные месяцы наладить производство на новом месте? Я видел, как в Москве, в мирное время самоуничтожился целый завод, гигант, известный всей стране, выпускавший популярные, еще недавно пользовавшиеся огромным спросом автомобили «Москвич». Завезенное сюда из-за границы перед развалом страны уникальное оборудование, которое во многом должно было изменить и облик завода, и качество машины, осталось нераспечатанным на складах и там сгнило или было растащено. Всё это происходило в буквальном смысле на глазах миллионов москвичей — поезд метро выныривает из туннеля и движется вдоль гигантских корпусов когда-то знаменитого на всю страну АЗЛК, когда-то ярко освещенных, а сейчас траурно-черных, вдоль огромной территории, а сейчас пугающе пустынной. И от корпусов, и от двора веяло жутью. И длилось это долго, пока на одном из корпусов не появилась гигантская вывеска на чужом языке с изображением французского «Рено». Но корпуса оставались мертвыми.

В 1991 году, так же, как и в 1941, тоже случился катаклизм, но завод пропал. В целом стране был нанесен колоссальный материальный ущерб, пущены на ветер огромные материальные средства и ресурсы. Нельзя сказать, что новая власть спала или была насквозь коррумпирована. Власть пыталась что-то сделать. Но у нее ничего не получилось.

В 1941 году задача перевода народного хозяйства на военные рельсы решалась в труднейших условиях оборонительных боев, в условиях, когда более сильный на первом этапе враг топтал нашу землю и грозил всех раздавить. В условиях войны налаживалась жизнь! Вот гениальное открытие и верно избранный властью и Сталиным путь. В тех условиях это оказался единственно верный ответ на немецкие планы блицкрига. Фашистам хотелось свалить нас с первого удара, а им предлагался длительный, изматывающий, затяжной бой. При такой стратегии советского руководства обесценивались все текущие победы, даже самые эффектные и громкие — они становились временными, так же, как и наши отступления.

Этот курс и эта философия сопротивления были объявлены и очерчены Сталиным в двух его судьбоносных выступлениях 3 июля и 7 ноября 1941 года. Стоит ли его упрекать за то, что он не поторопился к микрофону 22 июня и не выдал

пустышку? Речь лидера страны имеет материальную силу. Она может придать мужества, энергии, а может рассмешить, вызвать досаду, а то и презрение. Перед тем, как выйти на люди и что-то громко сказать, вождю стоит трижды подумать. Речь Сталина слушала вся страна. Её зачитывали бойцам на фронте, в партизанских отрядах, распространяли всеми возможными способами на оккупированных территориях и за границей.

Пытаясь понять, каков он, «новый взгляд» на войну, о котором говорил мой московский приятель-коллега, я пошел в архивы, стал целенаправленно внимательно сравнивать, что писалось на эту тему до 1991 года и после. Я хотел, как старатель, вымыть этот драгоценный кристалл. Я искал отличия в показе, но вдруг с удивлением обнаружил одну общую нить, общий концептуальный подход, связывающий разные по форме, манере изложения, казалось бы, отжившие советские и продвинутые современные публикации в самых разных жанрах. Все они, внешне такие разные, будто родились из одного корня, расцвели, как ответвления одного и того же вида. Что же их так роднит и объединяет? Я рассчитывал на открытие, но с разочарованием увидел, что и тогда и сейчас в основе большинства литературных и публицистических произведений лежит **антисталинизм**. Это как обязательный элемент, как пропуск «в свет». И тогда, и сейчас. В чем же здесь новизна? В нынешнее время подходы стали более заостренными, переросшими в антисоветизм, одобренный компьютерными спецэффектами в кино, матом в литературе, но суть, система доказательств, основа, фундамент умпостроений авторов остались прежними. Получается, что «новый взгляд» — это всё тот же замшелый, односторонний, тысячу раз перепетый в самых разных вариациях и ремейках хрущевский взгляд, впервые прозвучавший еще в 1956 году на XX съезде КПСС и развитый в период последующих разоблачений культа личности. Что касается фактов, доклад Н.С.Хрущева оказался насыщен натяжками, а то и прямой ложью. Это сегодня уже утверждается и российскими и зарубежными специалистами. А вот сущность, причины как репрессий, так и *культа личности* в том сенсационном, перевернувшем многим сознание докладе, к величайшей беде для страны, не были проанализированы и вскрыты. Истинные инициаторы и организаторы преступлений не объявлены, уроки так и не извлечены. Самого Н.С. Хрущева, в конце концов, обвинили в волюнтаризме и сняли с высокого поста.

В Москве стало хорошей традицией отмечать годовщину парада 1941 года. А ведь сам по себе парад для мобилизации общества на odpor врагу тогда был не самым главным. Телевидения, чтобы показывать впечатляющую картинку на всю страну, тогда не существовало в природе. Главным было не то, что покажут, а то, что люди услышат.

Речь Сталина убрали из сценариев современных имитаций парада на Красной площади. И сразу **всё рушится** — из величественной оды превращается в костюмированное представление, в шоу типа новогоднего катка, устраиваемого здесь же. Не спасает даже присутствие ветеранов. Они ёжатся, мнутя, хорошо понимая, что из современного действия вынули душу, стержень, смысл. Убирая сегодня из парада Сталина, убирая его речь, убирают и тот дух, который снизошел на Красную площадь вместе с произнесенными здесь словами 7 ноября 1941 года. А ведь в той исторической речи прозвучали имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Произошло соединение эпох, веков, герои прошлого вошли в настоящее и поддержали это настоящее.

Меня не отпускает вопрос: почему сегодня так упорно отрицается и замалчивается, совсем игнорируется роль первого лица в государстве в те трагические для страны дни? На виду штрафники, стихия сопротивления, неразбериха, какие-то опереточные факты. Почему в год 65-летия Победы в Москве происходила такая отчаянная схватка за то, чтобы вывешивать или не вывешивать портреты Сталина. Причем речь шла о двух десятках — не более портретов. Инициаторы из городских официальных структур, как они объясняли, хотели сделать приятное ветеранам. Портреты так и не появились, но зато очень неприятно стало инициаторам.

Ненависть к Сталину возведена в ранг абсолютной истины и прямо-таки религиозного символа: всё, к чему прикасался Сталин, несёт на себе печать зла. Монстр не мог быть прав. На отрицании Сталина, его демонизации строится вся антисоветская, антироссийская пирамида. При таком подходе мы никогда не поймем своей истории, мы всегда будем в тупике, мы всегда будем стыдиться себя. Ненависть к Сталину дала пропуск в наше духовное пространство не просто антисоветчикам, но и ненавистникам России, предателям, сбежавшим из страны и вещающим из теплого для них далека. Антисталинский миф сам по себе стал крайне вреден, он мешает понять и оценить опыт, приобретенный в условиях катастрофы. Отказываться от этого опыта, не учитывать

находки, прозрения, практические действия, старательно подгоняя ту жизнь под концепцию, что всё, идущее от Сталина, — плохо, значит обкрадывать самих себя. Опыт — это тоже богатство и немалое в условиях современных, всё чаще повторяющихся кризисов и угроз.

Иосиф Сталин в страшные дни 1941 года — это не сегодняшние победные фейерверки на Красной площади, не бутафорские автомобили и одежда, не праздничные торжества по случаю круглой даты. В головах потомков рождается иллюзия, что тогда всё происходило само собой, без верховной власти, организующей силы партии и государства. Слова «патернализм», «вождь» ныне звучат как ругательство. Через семь десятков лет после Победы без Сталина можно обойтись, даже отрезать его от «правильных» Черчилля и Рузвельта на известном фото. Но в то время без него было никуда. Я с ужасом представляю, что в Кремле в 1941 году оказался не Сталин, а какой-нибудь его яростный критик типа болтуна Хрущева или «гуманиста» Горбачева...

Либеральная идеология *по-своему* понимает суть власти. Она не хочет знать понятия ответственности. Она хочет знать только понятие собственности. Безответственность власти в постсоветской России долго оставалась нормой. В процессе всех перестроек, реформ и либерализации обществом оказался утрачен контроль за властью. Она оторвалась от людей и стала обслуживать исключительно себя. Рыхлая, безответственная, пустая.

«Лучше бы нами правили немцы!» — сколько безысходности в этой рожденной перестройкой и популярной в 90-е годы фразе. Это не смердяковщина, как мне тогда казалось, это крик души и страшное обличение власти. Если бы полвека назад внедрили этот лозунг в сознание людей, о победе можно было бы забыть.

В периоды катастроф, серьезных общественных катаклизмов проблема сильного лидера приобретает судьбоносное для всех значение. Мы видели, что происходило в России, во многих республиках в период распада СССР, знаем, кто там был у руля. Лишенный собственной воли лидер, имитатор власти стал образцом правителя. И только в Белоруссии, всегда первой встречавшей завоевателей и особенно пострадавшей в годы Второй мировой войны, одумались раньше других, избрали Александра Лукашенко, стали как-то естественно называть его Батькой. И как бы ни давили извне, ни угрожали санкциями, ни прельщали щедрыми посулами, ни строили козни, народ не дрогнул и лидера своего не сдавал. А

ведь к белорусскому президенту одно время прочно приклеилось определение: «Последний диктатор Европы». Но, как говаривал известный литературный персонаж, «шутки здесь неуместны». У общества сработал инстинкт самосохранения.

Слишком дорого может стоить для народа безволие лидера, отсутствие жизненных и политических принципов, корысть, беспечность. Съеденные в 1991 году вклады, разрушенная экономика, социальная сфера, разъевшая всё коррупция, дефолт 1998 года, катастрофическая убыль населения, презрение и насмешки всего мира — это то, что коснулось россиян. Каждый может продолжить этот печальный список дальше — прелести безвластия испытали на себе все. На Украине падение оказалось еще глубже, дошло до гражданской войны и фактического развала государства. Всё это не свалилось само собой с неба. Это результат политических, экономических, организационных, кадровых ошибок и просчетов власти. Но при этом горят дома рядовых граждан.

В 1941 году всё было совсем плохо. И речь Сталина могла попасть в пустоту. Как запустить в условиях катастрофы механизм сопротивления, как мобилизовать миллионы людей, нацелить их на созидание? Как это получилось тогда? Сегодня в ходу один ответ: людей держал в узде страх перед властью и НКВД. Но известно, что страхом можно усмирить, пристукнуть, обозлить, но уж никак не вдохновить. Здесь же требовалось организовать огромные массы на сверхусилие, на подвиг. Ни США, ни Англии, ни Германии, ни Японии, никому еще в мире не приходилось перестраивать свою экономику и всё хозяйство в таких суровых обстоятельствах.

У нас была сила, которая оказалась способна объединить людей и повести за собой. Почему разбежались при одном виде фашистских танковых колонн, отдали на поругание врагу свои земли французы, поляки, бельгийцы, другие европейцы? У Франции была сильная армия, как утверждают специалисты, по каким-то параметрам сильнее немецкой. В недостатке патриотизма, трусости обвинять французов язык не повернется. И к войне они готовились. Чего стоит одна линия Мажино! Но на них цыкнули — и они побежали.

Как превратить растерянных, ошарашенных, разъединенных людей в способную к сопротивлению силу? Индивидуальный героизм, высокая ответственность и сознательность — это явления спонтанные: может быть, может не быть. Государство с его мерами принуждения, структурами может сработать, может не сработать, а самый достойный лидер оказаться в изо-

ляции. Но существовала система, приводившая в действие все колесики и механизмы движения огромной страны. Импульс шел сверху донизу. Много говорится об издержках сталинской сверхцентрализации. Но тогда она обернулась благом. Все передаточные звенья исправно крутились, передавая команды сверху вниз. Единая воля управляла страной. Благодаря цементирующей страну единой партии, власть доходила до каждого человека, связывала всех в единую силу.

В разные периоды своей истории партия была разной. У кого-то слово «партком» вызывает усмешку или зубовный скрежет. Партия — это живой организм. В период катастрофы, мобилизации общих усилий ее роль трудно переоценить. В партии состояла элита общества без деления на социальное положение, национальность, профессию, должность, образование, возраст. Это было ядро, способное сплотить и повести за собой. Партия везде и всюду вносила свое организующее начало. Однако этот опыт, раздувая антисоветизм, все глубже и глубже закапывают в землю, заливают его серной кислотой, превращая в страшилку. А партия представляла авангард, элиту общества. Элита была спрессована в партию. Мы пытаемся изучать войну, понять ее, извлечь уроки, а рассматриваем лишь фрагменты. Это всё равно, что понять, как летит космическая ракета, разглядывая ее обожженный, но выстоявший в невероятных температурах корпус, в музее космонавтики.

...В День парада 7 ноября 1941 года 28 тысяч бойцов прошли по брусчатке Красной площади. Выдвинутые из резерва свежие сибирские дивизии уходили с парада прямо в бой. Это не метафора. Москву отстояли. Наши резервы оказались неисчерпаемы. Будущие дивизии рождались по всей стране.

Выступая с речью на параде, вождь говорил не в безвоздушное пространство. Он обращался лично к каждому гражданину необъятной страны. И слова, прорывавшиеся на волю из дрянного трескучего репродуктора, на забитой эвакуированными, далекой казахстанской станции Арысь, ложились на сердце, заставляли воспринимать их как просьбу, приказ, зов о помощи. Речь Сталина еще больше укрепила решение отца идти на фронт. До 18 лет ему оставалось три дня.

Живая вода

Запись в сохранившемся военном билете отца свидетельствует, что уже 12 ноября 1941 года он стал курсантом Гомельского военно-пехотного училища — на третий день пос-

ле своего восемнадцатилетия. Училище сумело выжить в тяжелые первые месяцы войны, когда враг стремительно продвигался по территории Белоруссии. Поначалу часть училища эвакуировалась в город Кирсанов Тамбовской области, часть оказалась в Великих Луках. В сентябре 1941 года вышел приказ НКО о передислокации училища в Катта-Курган Узбекистана. Разбитое, покалеченное, чудом выбравшееся из-под обломков своих собственных корпусов, без должной материальной и учебной базы, с большим недобором преподавателей оно продолжало функционировать, готовить для истекающей кровью армии офицерские кадры.

Нехватку офицерских кадров после первых месяцев кровопролитных боев стали испытывать обе воюющие стороны, только в СССР сумели оперативно организовать их подготовку, а в Германии нет. В вопросе обучения и воспитания солдат, унтер-офицеров и офицеров немцы ориентировались на доктрину «молниеносной войны». Ставка делалась на практическую подготовку офицерского состава непосредственно в войсках. Как показало время, наши резервы оказались прочнее.

Система подготовки офицерских кадров в Советском Союзе получила мощный толчок в 1937 году. Именно в этот год были открыты почти все наши военные академии и военные училища. Их вызвали к жизни резкое количественное расширение армии, ее реорганизация, необходимость прилива свежей крови в командирский корпус.

К началу войны командные, военно-инженерные и технические кадры для Вооруженных Сил СССР готовили 19 военных академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 7 высших и 203 средних военных училища, 68 курсов совершенствования офицерского состава. Сложная и быстро меняющаяся обстановка первых месяцев боевых действий, стремительное продвижение противника поставили военные учебные заведения в крайне тяжелое положение. Не прекращая учебного процесса, по указанию Генерального штаба здесь формировали и отправляли на фронт боевое пополнение. Большинство военных училищ эвакуировали в глубь страны, в неподготовленные помещения. Они имели крайне скудную учебно-материальную базу. Почти вся боевая техника и вооружение были изъяты для нужд фронта. Положение усугублялось значительным оттоком преподавателей и командиров при формировании новых частей. На замену им поступали люди, не имевшие ни навыков преподавательской работы, ни опыта боевых действий. Тем не ме-

нее, несмотря на все трудности и издержки, систему сохранили и не отказались от нее даже в самые трудные времена.

Отец попал в училище в очень сложный период, в середине ноября 1941 года. Его воспоминания относятся к этому времени. Училища 1943, а тем более 1944 года — это уже совсем другое дело. Система подготовки офицерских кадров в условиях войны развивалась и крепла.

Из воспоминаний отца

...Вскоре я был в Кзыл-Орде у мамы. Мне исполнилось 18 лет, и на следующее утро я пошел в Кзыл-Ординский военкомат. Там посмотрели документы, что были со мной, аттестат и сказали, что направляют не на фронт, а в очень хорошее училище, так как у меня среднее образование, и я отличник, но в какое училище — военная тайна, узнаю на месте. Мне дали пакет и назначили старшим в группе из 6 или 7 человек. Ехать предстояло из Казахстана в соседний Узбекистан.

Эвакуированное в Катта-Курган Гомельское пехотное училище расположилось в приспособленных помещениях барачного типа с казармами, учебными классами и подсобками. Казарму заполняли сплошные трехэтажные деревянные нары, густо забитые нами, курсантами. Мы терпеливо относились к бытовым неудобствам, понимая временность пребывания в этих условиях, и все без исключения ждали скорейшей отправки на фронт.

Время в училище летело быстро. С утра до ночи мы овладевали навыками ведения боя и другими премудростями. Особенно тяжелы были марш-броски при полной боевой выкладке по долине к реке Заравшан. Мы шли, изнывая от жажды, переступая через раздавленных орудиями черепах. Отдельные курсанты, ослабленные от недоедания, поначалу не выдерживали, падали, даже теряли сознание.

Выжженная солнцем растительность не ласкала глаз, глинистая почва местами была усеяна колючей травой. Мы привыкли и к пасущемуся здесь ослику, который каждый день в одно и то же время протяжно громогласно всхлипывал-кричал. Мы, как по сигналу, обычно делали перерыв. Это была редкая возможность улыбнуться.

Тактические занятия проводились на макетах в классах и на открытой местности за городом. Здесь можно было пообщаться с местным населением. У небольшой прямоугольной саманной мазанки часто сидела женщина и курила чилим — большую глиняную трубку, вдыхая через чубук дым прямо в легкие, не задерживая его во рту. Я как-то заглянул в ее жилище.

В пустой, тускло освещенной комнате в углу возвышалась пирамида аккуратно сложенных ковров, а в другом углу сдвинута какая-то утварь. На стенах висели пучки высушенных трав. Это было в зимнее время — хозяйка с кучей детишек сидела, опустил ноги в потухший, но теплый очаг. На колени был наброшен небольшой коврик.

Унас в училище было не просто голодно, а по-настоящему голодно. Выручали местные торговцы орехами. Я обычно покупал двадцать штук (родители мне регулярно присылали небольшие суммы денег), на время утоляя постоянное желание есть.

С большой радостью мы заступали в наряд по училищу. Появлялась возможность в завтрак, обед и ужин наесться досыта. Часто это кончалось бедой: мы обедались, а затем всю ночь маялись животами.

Унас в отделении был курсант с Алтая. Присадистый, широкоплечий, с рыжей огромной головой, выпукло резкими чертами лица — он особенно страдал от ежедневного недоедания. Парень отказывался от трехразового питания, просил, чтобы его кормили один раз в сутки, но досыта. В обед он сливал в одну большую алюминиевую миску первое, второе и чай, крошил туда хлеб (мы иногда давали ему лишний кусок) и жадно все это поглощал.

Занятия проводились по ускоренной программе. С теоретическим курсом у меня было все благополучно, преуспевал я и в строевой подготовке, считался самым метким стрелком в роте. Труднее давалось соблюдение уставных предписаний, бездумное подчинение и выполнение, как иногда казалось, ненужных, а порою и нелепых команд и распоряжений младших командиров. Происшедшая конфликтная ситуация со старшим сержантом, нашим помкомвзвода, который придирался, был несправедлив ко мне, «антиллегенту», как он с пренебрежением произносил, — несколько отрезвила меня, положила конец моему гражданскому анархизму. Эта стычка с помкомвзвода перевернула многое в сознании.

А дело было так. Через Катта-Курган проходил канал — что-то наподобие противотанкового рва, только гораздо шире и глубже. На дне этого канала протекал небольшой ручей. Это было местом наших занятий — постоянных штурмов, осад, атак с ходу и других видов упражнений. Для меня не составляло большой сложности спуститься или взобраться по крутому глиняному склону канала со своим отделением или взводом, которыми мы попеременно на учениях командовали, и выполнить учебное задание. Беда была в другом. Я унаследовал от предков большой размер ноги. Отец, глядя на мою ногу, однажды пошутил:

— Как у Нахимова на памятнике в Севастополе...

А дедушка удовлетворенно улыбнулся и добавил:

— Это хорошо, крепче на земле стоять будет.

В училище нас одели в ярко-желтую иранскую форму, обули в ботинки с обмотками, стягивавшими ногу вместо голенища привычного сапога. Обычно после штурма канала мы возвращались в училище вымокшими и грязными. Немного тесноватые мои ботинки к подъему не успевали высохнуть и полусырые не лезли на мою «нахимовскую» ногу.

Однажды утром, как всегда, помкомвзвода дал команду подъем и засек время. Я быстро оделся, но с ботинком замешкался — нога не лезла в него. Помкомвзвода переместился ко мне, и я услышал: «Отбой!». Я мигом разделся и укрылся одеялом. «Подъем!» — я вновь вскочил, мгновенно оделся, попытался без портянок натянуть ботинки. Мой мучитель, старший сержант позволял зашнуровать их, а затем вновь давал команду «отбой».

Так продолжалось несколько раз. Мое первоначальное отчаяние постепенно переходило в безразличие, я перестал торопиться, заворачивал ногу в портянку и медленно, с усилием проталкивал ее в ботинок... Наконец, терпение сержанта лопнуло, он бросил что-то презрительно грубое в мой адрес, а я не сдержался и ответил ему тем же. К моему несчастью, свидетелем этой сцены оказался его приятель — помкомвзвода соседнего подразделения.

После занятий меня вызвал командир роты. Это был пожилой капитан, опытный командир, разумный и добрый человек. Он ценил меня за мою общую подготовку, считал примерным курсантом, я постоянно чувствовал его расположение. На этот раз он был неузнаваем. Мне показалось, что лицо его выражало испуг и негодование. Он несколько минут полусшепотом отчитывал меня, то и дело, спрашивая: «Жить надоело?», «В штрафники захотел?». Но заряд гнева постепенно таял в его доброй душе и он совсем не по-военному, а скорее по-отцовски спросил:

— Рассказывай, почему не выполнил приказ командира и оскорбил его?

Он внимательно меня выслушал и произнес:

— Это несколько меняет дело, хотя не знаю, удастся ли мне тебя спасти...

Тон, поза, сомнение и неподдельная тревога в его голосе буквально убили меня: я понял, что влип в крайне неприятную не только для себя, но и для командира историю.

Так произошел переломный момент в моей курсантской судьбе. Я понял главное: приказ командира для тебя закон незави-

симо ни от чего, твои воля, ум и жизнь в его власти, ты перестаешь быть личностью и превращаешься в орудие в его руках, в слепого исполнителя команды. Независимо ни от чего, прав ты или нет, он может покарать тебя своей властью.

Воинская дисциплина не укладывалась в рамки здравого смысла гражданского человека. После беседы с командиром роты я был в отчаянии, готовился к плохому. Вскоре меня вызвал командир батальона. Он расспрашивал о родителях, о школе. О моих увлечениях. Коротко и ясно он объяснил мне степень моего проступка, видимо, убедился в том, что я осознал и понял свою вину. Он обратил внимание на знак «Активист оборонной работы» и попросил подробнее рассказать, за что я его получил. Я ушел в казарму еще более обескураженным, чем после беседы с командиром роты.

А через несколько дней нашего помкомвзвода перевели в соседний батальон. Дело в том, что на его счету это был не первый конфликт с курсантом. Старший сержант представлял собой вымуштрованного исполнителя, службиста. Мы знали, что он боится отправки на фронт и поэтому из кожи лезет, чтобы выслужиться перед начальством. И всё же я в своем озлоблении не совсем был прав по отношению к нему. Наблюдая за ним и другими командирами, потом я понял, что его излишняя строгость и промахи по отношению к нам были связаны не столько с желанием проявить и насладиться своей властью, сколько со стремлением подготовить нас к безупречной службе. Но в его исполнении добро превращалось во зло.

Нас готовили к еще более страшным испытаниям. Мой конфликт с помкомвзвода — это не совсем конфликт двух индивидуальностей. Скорее это конфликт двух форм и принципов жизни, мирной, где я еще находился, и военной, где я оказался, и в которой мне еще предстояло освоиться. И всё же, из стычки со старшим сержантом я извлек, как мне кажется, очень важный для себя урок: командир в отношении к подчиненным невзирая ни на что, должен оставаться человеком — совестливым, честным, справедливым...

Короче говоря, мы успешно продвигались в командирской подготовке, в овладении воинскими знаниями и рвались на фронт.

Мы сидим с отцом за столом, в зале, в нашем Борисовском деревянном доме по улице Батарейной. Отец достал со дна шкафа простую картонную коробку из-под какого-то канцелярского набора с надорванной крышечкой и перевязанную крест-накрест тонкой бечевкой. Коробку давно не доставали. Здесь военный архив отца, награды. Материальные сви-

детельства той страшной поры. Сверху сохранившиеся треугольники фронтовых писем.

По военной статистике пехотный лейтенант жил на войне не больше недели, комбат чуть больше. Это в среднем, а так — кому как повезет. Но что ни говори, а пехотные училища готовили камикадзе. Только в Японии будущих смертников, пока их учили, всячески облизывали, укрепляя их дух, и вселяли веру в собственное предназначение и значительность. В Катта-Кургане, как я понял из рассказов отца, с курсантами не очень церемонились, их заставляли, что говорится, спать на гвоздях. Сыновние комплексы охватили меня, вытеснили всё остальное.

Отец прикрыл ладонью письма. А я спросил:

— Вы сами разве не понимали, не видели, что попали в школу смертников? Вы же камикадзе... Только тех перед смертью шоколадом поили...

Отец вскинул голову, вздохнул, плечи его опустились.

— Если бы мы тогда об этом думали, война бы закончилась еще в 41-м. Как Гитлер и предполагал. Мы думали, как бы найти лишнюю краюшку хлеба да поскорее попасть на фронт... Мы не жаловались. Мы думали, как будем бить немцев и отомстим за всё. Из нас делали не смертников, а смерть фашистам...

Последние слова отец произнес устало, без всякого пафоса, но я и не смог удержаться, чтобы не задать давно вертевшиеся на языке вопросы.

— Но вам же в училище организовали ад. Голодали по черному, жили в бараках, терпели издевательства, муштру, предвзятость сержанта и еще кучу всяких лишений.

— Ада не было. Ад был на фронте, особенно для тех, кто к нему оказался не готов. В училище нам сопли не подтирали, некому там было это делать, но и не бросили без подготовки на заклание, на бойню. Нас учили жить в условиях ада. Училища превратились в неиссякаемый источник пополнения офицерского корпуса. Живая вода для истекающей кровью армии. На немцев вот эта неиссякаемость резервов наводила просто мистический ужас. Они увидели, что эта война никогда не закончится. Просто не может закончиться. Победа над русскими невозможна в принципе... Ты вот, я чувствую, хочешь меня пожалеть. А знаешь, что я хочу?

— Что?

— Чтобы вам, вашим детям, моим внукам и правнукам польза была от наших страданий, стойко перенесенных трудностей, в том числе и во время учебы в училище. Не жалость, не сочувствие мне и моим ровесникам уже нужны — на ско-

рую слезу мы стали к нашим годам мягкими — нам нужны надежда и уверенность, что опыт нашей жизни не пропал зря. Что он вам пригодился и еще сослужит службу.

... Я слушал отца и думал, как мне не заблудиться в дебрях истории. Как найти ветер в паруса сюжета? А может быть, и искать не надо. Этот ветер дует из Москвы, Борисова, Харькова, Кызыл-Орды, Брагина, Катта-Кургана — всех городов и поселков, встретивших войну. Я снова и снова погружаюсь в прошлое. Голос отца — это голос навсегда уходящего поколения. Я пытаюсь его задержать, воскресить, сохранить и расслышать.

Военные училища не могут похвастаться вниманием к себе киношников. В этом смысле событием стал 12-серийный фильм «Курсанты», который прошел по второму телеканалу в начале 2005 года. В аннотации к фильму говорилось: «Действие происходит зимой 1942 года в одном из тыловых артиллерийских училищ, где готовят новобранцев для отправки на фронт. Это история мальчишек, которым суждено стать «пушечным мясом», но они об этом еще не знают, но инстинктивно чувствуют, что им осталось жить совсем немного». Сюжет фильма закручен вокруг кражи двух мешков овса курсантом Рэмом и лейтенантом Добровым. Воровали они для девушки Яны и ее мамы. В дочку влюблен Рэм. В маму Добров. Начинается расследование, сотрудники НКВД сви-репствуют. Училище лихорадит, летят головы невинных. И всех сковывает страх — и мальчишек-курсантов, и закаленных в боях командиров. Антисталинская тема снова, в который раз вышла вперед, все собой заслонила. Были в кино и «шутки», типа взрыва в уборной, куда зашел нелюбимый курсантами офицер, были самоволки, опоздания из увольнения, пьяные преподаватели... Одним словом, накручено. Моментами я вспоминал жизнь в палатках под Деревной, близ Барановичей, на университетских военных сборах. Казалось, что и вся творческая группа, работая над фильмом, опиралась на подобный опыт. Воспоминания отца и его конфликт со старшим сержантом на этом фоне не впечатляют и выглядят даже наивно.

Мне было интересно мнение отца об этом фильме.

— Не видел... Последнее время не смотрю кино о войне, — ответил отец. — Жалко времени и нервов.

Я кратко рассказал ему содержание.

Отец пожал плечами.

— Кино не про нас. В училище таких страстей не могло быть в принципе. Жизнь наша строилась по законам воен-

ного времени. Самоволки и «шутки» исключались. Мы были загружены с утра до ночи. Программа подготовки настолько плотная, настолько насыщенная, что на выходы в город, любовь и дружбу с местными жителями физически не оставалось времени, да и сил. Я не помню, чтобы я там художественную книжку почитал, хотя был большой любитель этого дела. Подъем и всё до самого отбоя расписывалось по минутам. То, что в мирное время в училищах проходили за 4—5 лет, в нас пытались вложить за 5—6 месяцев. А это 12-часовой учебный день, включавший 8 часов занятий в классах и в поле, и 4 часа обязательной самостоятельной подготовки. Здесь не поскачешь...

Сценарий фильма по мотивам автобиографической повести фронтовика, кинорежиссера Петра Тодоровского «Вспоминай — не вспоминай» написала опытный и популярный сценарист Зоя Кудря. Оговорка «по мотивам» дает широкий простор для фантазий. Но и сам автор первоисточника в интервью журналу «Искусство кино» признавался, что многих описанных в повести персонажей и событий в Саратовском училище, курсантом которого он являлся в 1943 году, на самом деле не было. Это художественное обобщение, собирательный образ, переплавленный в художественное произведение. Наша современница «переплавил» еще раз. Я читал отзывы ветеранов, которые фильм посмотрели, они выражали свое резкое неприятие. Слишком выпирающий в фильме антисталинизм и придуманная интрига заслонили правду, которую знали они. Но фильм понравился моему старшему сыну. Ему было интересно.

— А разве художнику нельзя менять, подправлять, перекраивать правду факта в пользу интереса? — спросил я отца. — Законы творчества и реальная жизнь часто расходятся. Не вызвав интерес, потеряешь и читателя, и зрителя.

Отец ответил, не скрывая эмоций:

— В творчестве всё можно. Но зачем для этого брать войну?! Разве мало других тем? В современном кино часто играет не только интерес, но и политика. Заказ. Искажаются не только факты, искажается суть, внутреннее содержание той правды, которая была на самом деле.

Я не соглашался с отцом и пытался защитить своих коллег:

— Идет поиск форм, изобразительных, художественных средств. Все-таки современное кино про войну не дает нынешнему поколению забыть ту эпоху. О войне говорят, спорят. Это лучше чем забвение. Так войну могут совсем забыть.

— Ну и забудьте! — резко сказал отец. — Только не издевайтесь над памятью. Спорьте о своей армии, своих вождях. Самовыражайтесь и самоутверждайтесь, но на своем жизненном материале. Пишите о том, что хорошо знаете... Нужда придет, и о войне вспомнят. Но сейчас очень часто происходит подмена. Меняется матрица. Настоящую войну скоро не смогут понять. Оригинал основательно уродуется. Творцы, гоняясь за интересом, популярностью, деньгами, политическим запросом только углубляют пропасть между эпохами...

— Не кипятись, — остановил я отца. — Вопрос, как показывать войну сегодня, — не праздный. Не все конъюнктуристы и циники. Нужна помощь, а не нотации и отповедь.

— Поймите же! — Отец не внял моей просьбе не кипятиться. — Я говорю не о форме и не об изобразительных средствах. Угол зрения хранит в себе тайну воссозданного художником мира. Под каким углом, через призму чего смотреть на жизнь того же военного училища? Если через неустроенность быта, глазами активистов «Клуба солдатских матерей» — это одно кино. Через «сталинщину», которой пронизали, как ты говоришь, «Курсантов», — другое. Что во главе угла авторского видения мира: великая Победа или «лучше бы нами правили немцы»? Смотря что сияет путеводной звездой. Какая звезда — такое и кино... Наша жизнь была совсем не похожа на вашу жизнь в брежневские, горбачевские или нынешние времена. Мы голодали, но просо с воинского склада не воровали. Даже мысли такой не возникало. И проклинали мы тогда Гитлера, а не Сталина. И НКВД мы не боялись так, как его часто бояться в кино. Вот почему старики, большинство, и не принимают современный показ войны. Кино ведь не про нас. Нельзя, чтобы за новыми представлениями о жизни уходила суть того, чем жили люди прежде.

— А в чем суть?

— А в том, что через лишения, муки, слезы, поджатые от голода животы, мы шли к победе.

Я снова не удержался, чтобы не зацепить отца:

— Может быть, и во время твоей стычки со старшим сержантом ковалась эта победа?

— Понимаешь, осмысление внутренней сути случившегося пришло ко мне очень скоро, когда я попал на фронт. Сержант открыто, не считаясь с моими чувствами, проявил свою власть. Но глубинная правда этого эпизода в том, что умение быстро натянуть мокрый сапог на фронте может спасти жизнь. Это не философия Гегеля, не теорема Ферма, не теория относительности. Это сапог. Я знал много стихов, и

много того, чего, наверное, не знал старший сержант, но он меня опустил на землю. Истина в том, что в училище мальчишек готовили к страшной взрослой жизни. Морально, физически. Меня за шкирку, не церемонясь, потащил туда старший сержант.

Как-то довелось прочитывать мнение зарубежного исследователя, что «русские воевали нецивилизованно». Особенно досталось партизанам, именно за эту самую «нецивилизованность». Но что такое «правильная» война? Как же воюют цивилизованно? А вот как: сошлись две армии, стукнулись лбами. Более сильный победил, забрал трофеи, дом, землю побежденного, принялся властвовать. Проигравший утерся, съехал с пожитками в сарай или баню в конце огорода и стал работать на более сильного победителя. Таковы правила «правильной» войны, где роли распределены. Чего непонятно — всё решает сила. Кто сильнее, тот и сверху. Объективно более сильные немцы хотели в 1941 году победить, а еще лучше — совсем уничтожить неполноценную расу, и захватить. Расширить и свои границы, и границы своей цивилизации.

В плане «молниеносной войны» всё было с педантичной немецкой скрупулезностью подсчитано и учтено. Даже про заключительный победный парад на Красной площади не забыли. Составили сценарий, расписали роли, пофамильно исполнителей, участников и тех, кто потом должен был взорвать Кремль и другие святыни побежденных. Всё грамотно, как положено в цивилизованном мире. Но в России, в Белоруссии, на Украине они столкнулись с партизанами. Казалось бы, обреченный и уже покоренный народ смотрел на войну не как на цепь сражений, где следует по правилам покориться сильному, а готовился жить и бороться в условиях катастрофы.

А ведь это величайший пример и опыт, который нам завещали предки. Нет победы врага. Есть этап, временные неудачи, временные трудности. Нам важно сохранить это ощущение в борющемся мире. Ведь не зря на Западе сочиняются философско-социологические труды о конце истории. Что же в России во все тяжелые времена рождало это ощущение перспективы, будущего — даже в безвыходных, как, казалось бы, для страны ситуациях? Наши пространства. Никто не способен их за один раз проглотить, поставить под контроль. Не получается властвовать над всей землей. Вот почему в борьбе с СССР, а сейчас и Россией на первое место вышли развал, раздел, расчлененка. Порезать территории на кус-

ки. Разделить границами, укрепить эти границы, возвести заборы, поставить своих управителей. При этом очень важно всех соседей перессорить или хотя бы не позволять им слишком сблизиться. Только так можно победить. Вот почему строительство Союзного государства Белоруссии и России и Евразийский Союз вызывали и вызывают такое яростное сопротивление явных и тайных внешних врагов, «пятой колонны» внутри государств. Сценарии очередного распада отработываются с 1991 года. И у России будут отщипывать или пытаться отщипнуть куски территории, будут изо всех сил дробить, не позволять снова объединиться и даже налаживать прочные отношения с соседями.

Война как форма бытия. В годы Великой Отечественной такой подход не оставлял шансов захватчикам. Гомельское пехотное училище в Катта-Кургане продолжало выпускать кадры для фронта. Каждый уголок необъятной страны был способен производить для сражающейся и истекающей кровью армии живую воду. Это неиссякаемый источник. Он рождался в народной почве, в глубинах земли.

У «цивилизованных» немцев в конце войны, когда ситуация коренным образом поменялась, безжалостно стали гнать на фронт, в бой стариков, инвалидов и необученных мальчишек из гитлерюгенда. Их просто бросали в топку войны. Это к вопросу о «цивилизованности», «пушечном мясе» и цене победы.

В 1942 году Красная Армия дополнительно получила более 135 тысяч молодых офицеров — выпускников военных училищ. На месяц раньше срока 13 апреля 1942 года состоялся очередной выпуск Гомельского военно-пехотного училища в Катта-Кургане. Свежие резервы были крайне нужны фронту. Среди новоиспеченных лейтенантов был и мой будущий отец. Впереди его ждала кровавая Ржевская битва.

В секретной фашистской Инструкции о поведении должностных лиц на территории СССР, подписанной 1 июня 1941 года и получившей название «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими» говорится:

Пункт 6: «Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции и новой Европы.

Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство. Слабость характера у отдельных лиц, безусловно, явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самого рейха».

Пункт 11: «В течение столетий испытывает русский человек нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему. Не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособливая его к немецкому жизненному стандарту».

Сколько самомнения, цинизма, презрения в этих посланиях. Одно слово — высшая раса. Этим духом проникнут каждый пункт «заповедей». «Знаменосцы» со своим «новым порядком» планировали задержаться у нас на столетия.

По свидетельствам Кальтенбруннера и Геринга на Нюрнбергском процессе в 1946 году, за несколько минут до самоубийства 30 апреля 1945 года, Гитлер произнес: «Новые поколения начнут там, где мы остановились...»

Ж. «Белая Вежа» №6, 2017 г.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

НАСТОЯЩЕЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Я помню, батя меня учил: чем, мол, отличается воспитанный человек от невоспитанного... Невоспитанный, если навернётся мордой в грязь, так тут же и выдаст — и так и этак и по такой-то матери... А воспитанный — всё это подумает, но вслух — ничего. Промолчит. Я это вспомнил всё, когда на исповеди был у старца в монастыре одном. Он-то мне другое сказал: чем, дескать, отличается настоящий православный от ненастоящего — ненастоящий упадёт и, падая, и так и сяк, но про себя — молча. Ибо неудобно и Бога боязно... А настоящий — хлоп мордой, и при том «слава Богу за всё», — скажет...

Ну... этот разговор давно приключился. А вспомнил я его в один миг, в одно мгновение у меня в мозгу промелькнуло. Пел я, напевал за работой... Настроение хорошее и чуть не Иисусову молитву творил, и тут молотком по пальцу как зашарашил:

— У-у, ч... — не православное слово вырвалось... И вот когда вырвалось — тогда и промелькнул у

ПРОЗА

меня в памяти разговор тот монастырский. Это как Петр у-
лыхал петуха и сразу всё вспомнил...

Стыдно.

Нет, думаю, так дело не пойдёт — не совсем же я человек пропащий: в следующий раз, когда по пальцу стукну, обязательно скажу: «Слава Богу за всё!»

Работаю дальше и ловлю себя на мысли, что вот даже как-то жду этого следующего раза. И чувствую, что если специально по пальцу-то стукнуть, то, пожалуй, стерпеть можно и тут скажешь по заученному: «Слава Богу»... Но ведь это нечестно. Чего ж я себя обманывать буду! Нет, специально стучать не годится... Но как-то даже, смотрю, и не поётся уже — в ожидании. А долго ждать-то? Ведь плотник я не худой, не из последних... Может, до конца сезона по пальцу ни разу и не попаду! А так, чтобы мордой в грязь, — этого ожидать не приходится, не пьяный ведь... Да и грязи на нашей улице не видать...

И всё колочу, колочу, этак-то рассуждая, и так вот жду и напрягаюсь, и не поётся вовсе... Ну, в общем — дурак дураком.

Затеял было молитву — какая там молитва! Одно искушение... И работа не в радость — уж скорей бы что-нибудь да стукнуло!

И стукнуло. Полез по лестнице на кровлю обрешетку подрезать — ступенька гнилая и проломилась... А в руках бензопила заведённая — по ноге полоснул...

— У-у! — вырвалось... А потом: «Слава Богу за всё...» Ну не сразу за Бога, но хоть и ч... не помянул. «У-у» — это уже первая ступенька на лестнице... Сапог разрезал — это жалко, а нога — заживёт. Главное — опять поётся за работой, и не жду ничего. А чего ждать? Чему быть — того не миновать.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Захожу я в бытовку в обед, а там дым коромыслом — с морозу-го в тепло зайдёшь — всё мило, всё любо... Но раньше меня заходит мой кашель — вот «проклятые рудники», как в школе мы шутили — как зима, так хронический бронхит наваливается.

А в бытовке накурено, натоплено — на одной печурке рукавички сушатся да портянки, на другой — хлеб жарится. От хлеба запах вкусный, от курева — дрянь, от рукавиц и прочего — сами понимаете... и всё вперемешку... Тут под чаёк и домино все мировые вопросы решаются, весь народный фоль-

клор создаётся... Рабочий класс начальничка своего уважал и сразу все с советами (так и называлось тогда — страна советов) — как хворь вылечить...

— У меня метод бабкин — самый верный: берёшь стакан водки, красный перец и настоять надо неделю...

За неделю, отмечаю про себя, кашель-то и сам пройдет...

— Я так завсегда так лечусь — берёшь стакан водки, мёд и не красный перец, а чёрный...

— У меня ж тот месяц вот вся семейка слегла, дак тёща живо всех на ноги поставила: берёшь стакан водки...

Ну и так далее — народ у нас добрый, каждый спешит самым лучшим рецептом поделиться... Поскольку все прочие ингредиенты, кроме водки, неизменно менялись, то я сделал вывод из народной медицины нашего строительного объекта: берёшь стакан водки и... собственно всё — остальное не имеет никакого значения. Но вот беда — человек я не пьющий — и вылечиться нет никакой возможности. Так до сих пор и кашляю...

Водкой у нас лечат всё: от рака до инсульта. Вот, вспоминаю, мой сосед по даче (не то чтобы сосед, а так — через улицу). Звали его Тарасыч. Вот он со своей Тарасихой самогонку пил беспробудно. Но... с совершенно противоположными результатами. Она, как выпьет, — добрая такая делается, всё, что на огороде произросло... — а произрастало у них как-то всё самостоятельно — начинает соседям раздавать: кому кабачок, кому — огурчики... Тарасыч же напротив, как выпьет, то если ещё может ходить, идёт к людям и начинает ругаться. Вот я там избу рублю, а он сядет на брёвнышко и давай:

— Это кто таких плотников, пальцем деланных, нанял... Да руки оборвать таким...

Но я спокойно относился — это мне для смирения ну и для повышения квалификации посылает Господь. Тарасыч, действительно, когда-то как плотник славился. Но потом — опустился и рубил тяп-ляп. Самая кривая избушка в посёлке — это была его избушка. Ну а когда Тарасыч запивал всерьёз, а запивал он на неделю и более, причем Тарасиха разделяла с ним все его подвиги, то узнавали мы об этом через день по дикому вою его цепного пса Дея... Он выл не столько от голода и жажды, как от сострадания к трудному душевному состоянию хозяев... А выть он начинал в полночь, выл на всю долину, так что собака баскервилей отдыхала. Ведь та собака от чего выла? Так, от скуки... или просто по заданию Конан Дойля... А эта — от неизбывного собачьего горя.

Я приходил покормить пса, ибо иначе и уснуть-то было невозможно... Но помочь Тарасычу не мог.

Первым паралич разбил Тарасиху. Я пришел покормить Дея и, почувяв что-то неладное, заглянул в избу. Тарасыч лечил супружницу самогоном. Я пытался его вразумить, но напрасно...

— Ничего-ничего, встанет! Отпою — самогон средство верное...

Отпоить не удалось, а через пять дней пришлось отпевать... но это уже без Тарасыча. Он даже на похороны не прибыл. Пришлось хлопотать мне... — они с Деем поминали хозяйку — Дей по-собачьи, а он — уж не знаю, как и определить... Дей теперь выл почти непрерывно, не просыхал и Тарасыч...

Пришла осень. Дей сорвался как-то с цепи и бегал по окрестным лесам, наводя страх и ужас... А Тарасыч слёг с тем же диагнозом... И вот — народное средство опять не помогло: представился и Тарасыч.

Но это я отвлёкся сильно... Уж сколько лет минуло... Упокой, Господи, их души — и человечьи и собачьи...

Придя домой с объекта, я напился чаю с малиной и хотел уже завалиться спать, но тут меня поднял звонок. Звонил по литературным делам мой старый знакомый, человек давно, можно сказать, вышедший из народа — кандидат филологических наук и прочее и прочее... И я совсем не ожидал, что, услышав мой кашель в трубке, он первым делом скажет:

— Есть верное средство: берёшь стакан водки...

Нет, ребята-демократы, этак-то совершенно невозможно... Приплыли, — как говорил Репин.

ТЁТЯ ЗИНА СИДОРОВА

Солнышко-то какое. Тепло... Ну, прям, июль, а ведь — весна: первые желтенькие одуванчики кой-где едва-едва...

Смотрю — тётя Зина Сидорова картошку садит. Я к забору подошел:

— Бог помощь, тёть Зин!

— Спаси Бог, Ваня... — и дальше копает... — В этом году конец света будет — ты знаешь?.. — спокойно так сказала, даже радостно.

— Зачем же вы картошку сажаете?

— Так конец-то в сентябре, а картошку я в августе уберу...

Мне это как-то не показалось... Я головой ей кивнул и пошел...

Оно, конечно, будет когда-то конец, но откуда знать — когда. По телику ведь правды не скажут, а тётя Зина...

Смотрю, той стороной улочки мужик прошмыгнул — и в заулоч. На Васю похож... Вася-то, дружок мой по школе, — давно помре... Не перепил всей водки — разве ж всю перепьёшь! А этот... вроде как и кивнул мне, сворачивая... Странно. Уж больно похож...

Дальше смотрю: Иван Иванович перед домом телегу чинит. Чинит и с петухом разговаривает. Передок вытащил, шкворень выбивает: петух смотрит неодобрительно. Иван Иванович ему слово — тот на ответ ему — своё... Я ближе подошел.

— Здоров буди, Иван Иванович!

— Так здоровье-то нынче вроде как и ни к чему...

— Что ты, Иван Иванович, — окстись!

Иван Иванович перекрестился. Удивительное дело — совсем безбожный был человек. Вот что делается! Я ведь годков пять, да не... все десять в родном городке не был!

А петух посмотрел на меня одним глазком и прокукарекал... То ли сердится, то ли одобряет...

— Помочь, Иван Иванович?

— Ты иди, иди. Вон у тебя сколь делов ещё... — я не понял, о чём он, но пошел. Больно он уверенно это сказал. Спокойно.

Улицу-то как размыло вниз к реке... Как не было асфальта при царе Горохе, так и нет поныне.

У пивточки народ стоит, вроде как всегда... Вот где информационный центр — тут вся правда-матка обнаружится... С виду-то тихо так, спокойно...

Подошел поближе — тоже про конец толкуют:

— Он, конец-то, — совсем конец, али не конец ещё?

— Совсем конец.

— А дальше-то как? Ведь после конца что-то же да будет?

— Не знам.

Смотрю: все с кружками в руках, ну как положено... Только пива в них нет! То ли выпили всё, то ли так стоят... Или уж так теперь полагается...

Вот дела... Приехал, называется, на родину...

А ведь тётя Зина Сидорова, точно-точно, ведь Лизка в Питер приезжала — сказывала, а я и забыл, — тётя Зина тот год померла... И Вася... и Иван Иванович. Да и вообще все эти мужики — незнакомые совсем лица... Уж в своём-то городке я вроде всех знаю! Может, это которые тоже — умершие все? Может, это... конец-то уже наступил, а я один проспал как-то? Или уж сейчас сплю?

Не разберёшься...

СНЫ ЖЕНЩИНЫ

Сон первый

Набрала я продуктов и толкаю тележку к кассе, подаю карточку, а там сидит себе узбечка или таджичка, а может, и не таджичка... и говорит мне:

— У вас тут трех цифр не хватает. Вот тут — шесть, шесть и шесть. Так что оставьте продукты и ступайте себе...

— Как же я домой без ничего пойду! У меня там трое мужичков голодных и еще один — хвостатый!

— Ничего не знаю — проходите, проходите, не задерживайте!

Стала я плакать: что же это делается! А она нажала на кнопку, и уже охранники бегут... Я к ним со слезами:

— Как же мне быть, ведь у меня дома трое мужичков голодных и еще один хвостатый дожидаются!

— А пройдемте, — говорят, — с нами...

Я продукты оставила, не до них и — бежать... На улицу выбежала — смотрю, дядечка какой-то идет. Я к нему:

— Дядечка, спасите меня, за мной охранники гонятся!

— Какие охранники?

— Что же такое, говорю, — у меня дома трое мужичков голодных и еще один хвостатый дожидаются! А тут каких-то цифр не хватает...

Дядечка в подозрительно длинной еврейской шляпе (а это сам Антихрист и был) мне говорит:

— Я вам помогу, только дайте мне свою руку и сердце!

— Как это — руку и сердце? Это замуж, что ли?! А охранники за мной, слышу, бегут — разговаривать некогда...

— Да, — говорит, — руку и сердце! И я вам помогу...

— Фу-у! Насилу проснулась! Уж не знаю, что и делала бы, если б не проснуться!

Сон второй

— Какая у вас температура?

— Тридцать девять... вчера была... Нет, вчера была тридцать восемь, а тридцать девять позавчера. Поза-позавчера я не мерила, но тоже была...

— А сейчас какая? Возьмите, померьте.

— Да-да, конечно...

— Да что вы в руке держите, вы в подмышку вставьте... Так, полных лет сколько? Какими болезнями болели? На учете не состоите? Больничный надо?

— Нет-нет, не надо больничного! И на учете я не состою... И не болею ничем...

— Отчего же не состоите! Надо, надо, матушка, состоять! Будем записывать...

— Нет-нет! Не надо меня записывать!

— Как так не надо! Непременно надо! Врача вызывали? А записываться не хотим! Не полагается! Непременно запишем!

— За что же меня записывать, я ничего такого не делаю!

— А вот и запишем! Не полагается...

— Как так «не полагается»?.. Вот, смотрите — у меня уже тридцать семь с половиной. Это же почти нормальная... За что же меня записывать...

— А вы не додержали — вы еще подержите, а мы вас пока запишем...

— А зачем же мне еще держать, когда тут на градуснике черным по белому видно — тридцать семь с половиной, а это все равно что тридцать шесть и шесть... а вы меня хотите на учет записать...

— А вы не волнуйтесь так, не волнуйтесь! Зачем вам волноваться... Мы вас и так запишем!

«Ну, просыпайся же, дура, скорей, а то и вправду запишут!» — кричу себе во сне, но как-то слабо кричу и сама себя добудить не могу... Проснулась — вся в поту... Градусник на тумбочке: смотрю — тридцать семь и пять, а это же почти тридцать шесть и шесть... Слава тебе, Господи, — опять не записали! А вызывала ли я доктора? Нет, не помню... Кажется, не вызывала... Это я во сне вызывала... А наяву — нет, не могла успеть... Лежу, тихо радуюсь, что доктора не будет.

И тут в дверь позвонили...

— Здравствуйте, где у вас руки помыть? Да, спасибо... Какая у вас температура?

— Тридцать девять... вчера была... Нет, вчера была тридцать восемь, а тридцать девять позавчера, а поза-позавчера — я не мерила, но тоже была...

— А сейчас какая? Возьмите, померьте.

— Да-да, конечно...

— Да что вы в руке держите, вы в подмышку вставьте... Так, полных лет сколько? Какими болезнями болели? На учете не состоите? Больничный надо?

Подождите-подождите... это было уже, надо срочно просыпаться! Или я проснулась уже? Или нет? Или опять сплю... Опять записывать пришли!

— Нет, не состою! Нет-нет, не надо меня записывать! Нет, тут черным по белому, русским языком на градуснике сказа-

но: тридцать семь и пять — это почти нормально, за что же меня записывать! «Ну, просыпайся, дура, скорее, просыпайся!» — Я не знаю, я проснулась или нет! Смотрю: градусник на тумбочке... тридцать семь и пять... доктор сидит... За что меня записывать!

Сон третий

Я вижу в окошко — дятел прилетел. Сел к нам на качель: сначала на первый столб — потюкал-потюкал — нет ничего... потом на второй — опять потюкал — и опять ничего... Вот тут я и заплакала:

— Господи, почему ты так дятла простого нарядил — шапка красная, сам — красавец, а я хожу торфушкой-подергушкой, хуже бомжа, и одеть нечего да и не на что...

Тут дятел посмотрел на меня строго-строго и улетел... А мне и сказать нечего.

Это мне не приснилось. Это на самом деле...

ЖИЛ-БЫЛ ЧЕРВЯК

Жил-был червяк. А что, собственно, червяк — ни глаз, ни носа, ни мозгов в голове... Да и головы-то тоже, знаете, нет. Есть только дырка для заглатывания земли — начало кишки и есть вторая дырка, в которую всё выходит... А в остальном — полная симметрия: совершенно одинаковые дырки. Вся разница в том, что та сторона в которую первый раз пополз, стала считаться головой — там заглатывает... И как ведь не перепутает? Ведь мозгов-то нету — мог бы и перепутать и ползать то так, то этак, но за миллионы лет привык как-то ползать в одну сторону — вот эволюция и пошла...

И так, говорят ученые, доползлся до того, что сначала гадюкой стал, а потом, чтоб зря брюхо по камням не тереть, лапы выросли и уже — ящерица или даже целый ящер... С этими ящерами — ну я просто не могу: никто ничего не знает. То ли они в чешуе были, то ли так — гольшом, то ли в перьях — такое чудо... А потом, говорят другие ученые, упал метеорит и они все вымерли... Но это — ерунда полная... Они 150 миллионов лет вымирали — одни появлялись, другие на покой, да и не все вымерли — множество осталось... Что ж каждый день эти метеориты падали 150 миллионов лет? А маленькие ящерки почему не вымерли, вараны-крокодилы там всякие... А другие говорят, что все они не вымерзли, а в птиц переродились... Так что не кормите голубей — кто их

знает, не обернется ли всё назад, опять тираннозаврами станут и вас же слопают, ума-то никакого, не вспомнят ведь гады, что вы им хлебушка крошили...

Но это всё сказки-байки, меня больше всего в этой истории Фридрих Энгельс интересуется. Я его несказанно уважаю, когда он про экономику пишет. Оговорюсь сразу, чтобы чего не подумали, но вот что он сморозил в книжке своей «Происхождение семьи, частной собственности и государства»... Ну, про второе и третье — это я как-нибудь отдельно. Про первое тоже, кстати, всё понятно... Но там между строк говорится (и так говорится, будто сам всё и видел — жил, видеть, как патриарх Авраам тысячу лет и... видел). И говорится, что, мол, обезьяна встала на задние лапы и думает: это уже теперь не лапы, а ноги, а передние лапы, то есть ноги, нет, не ноги, а пусть «руки» называются (чтобы не перепутать!), они теперь освободились и надо ими что-нибудь делать... И вот стала она чего-нибудь делать и делает, делает до сих пор. И чтобы уж её с остальными обезьянами не путать, с теми, у кого лапы, эту стали звать человеком... Я всегда по этому поводу вот что думал: ну, ладно, прошло там несколько тысяч лет и разобрались, где ноги, где руки, и вставать на четвереньки — уже как-то не удобно... Это понятно... Хотя и сейчас такое нередко случается... Но вот ящеры эти — ведь задолго до нас на две ноги встали (чтобы чешую или там перья — я уж не знаю) зазя по камням не тереть... И ходили на задних лапах (простите — ногах) не тысячу лет, а триста миллионов, и что же? Стали они человеками? Отнюдь... Передние лапы (ах, простите — руки!) у них совсем отсохли, так сморщились, что и в зубах не поковырять, — непонятно и зачем они! — да и вымерли совсем... Остались только самые умные, которые Энгельса не читали и продолжали честно ползать на всех четырех и ползают до сих пор, аллигаторы и вараны там разные. Тут и задумаешься — это, может, мы зря на задние-то встали? Может, это, пока не поздно, пока еще триста миллионов лет не прошло, встанем дружно на все четыре? Пока не отсохли руки-то... Ведь у многих уже к тому все и идет...

Ах, да, я ведь совсем и отвлекся — вот она какая история про ящеров-то волнительная... Я ведь про червяка хотел рассказать... Ну, в общем, те червяки, которые наловчились на задних лапах бегать, — они уже вымерли, это понятно: не суйся поперек батьки в пекло... А те, что долго еще на четырех, а потом шкурой обросли и млекопитающими стали, а уж потом — на задние, те, это значит, удачливее — они-то и превратились в нас... Но, собственно, если взглянуть научно, — всё тот же червяк: одно ротовое отверстие, прямо переходя-

шее в кишку и... заканчивается другим отверстием (и тут, главное, их не перепутать), ну и там... дополнительное навесное оборудование — руки, уши и нос... Чтобы держаться по ветру. В передней части развился еще так называемый «мозг», и считается, что мы им «думаем» — в чём я совершенно не уверен. И заметьте, первоисходный червяк, он без всякого мозга сообразил, что надо «головой» всё время вперёд ползать и не путать... А то начнёшь землю заглатывать то спереди, то сзади — она в животе собьётся комком... и ни туда ни сюда... Это неудобно получается... И вот он без мозга всё сообразил... И знаете, их много, кто и сейчас без мозга проживает: вот пчелы, например. И ведь не скажешь, что такие глупые. Они, опять же, например, мёд умеют делать, а мы — увы! Воск изготавливают, а мы — только парафин... Он Богу не угоден! Или вот муравьи — у них не только что мозга нет, но даже и глаз не имеется, однако сумели в своих муравейниках полный коммунизм построить, а мы, даже имея такое надёжное руководство, как книжка Энгельса, — опять-таки! увы! — не сумели...

Нет, что-то я с этим коммунизмом опять отвлёкся... Я не о том хотел рассказать... Я о том, что вымираем мы — совершенно вымираем в прямом и в переносном смысле. И руки отсыхают и слабеют, и ничего мы ими не можем уже — разве «мышку» двигать... А то еще айфоны придумали — и «мышки» не надо... Совсем мышей не ловим. В общем — полное вымирание. Что же делать? Опять на четыре лапы? Это тоже, знаете, сомнительно. Многие ведь пробуют — начинают употреблять и — бац! — на четыре, но, как опыт показывает, — не помогает! Что же делать? Я ведь совершенно двумя лапами за коммунизм — ведь, посудите сами, ведь невозможно без коммунизма! Ведь как мы хорошо при советах жили! Но ведь не пчёлы-муравьи — у иных и глаза имелись, и даже мозга какая-никакая, и давай жужжать, диссиденты проклятые, — и всё испортили! Развалили муравейник. Что, лучше стало? Нет! Явно эволюция не туда идёт: лежим на диване, жрём — кишка работает, качает продукцию в одном направлении, навесное оборудование шевелится пока — можно на клавиши давить... Полная деграция червеобразная... Что же делать — как муравейник восстанавливать?.. Вон другие муравьи — черные, уже со всех сторон обложили, скоро пожрут — ничего и не останется, а наши личинки — себе... И перевоспитают по-своему, по-черному... Просто тупик получается: и ящерам (если по-татарски, то — кирдык-хана), и червякам кирдык — возвращается всё в первоначальное состояние. Явно, если только о кишке думать, то всё по кругу и

движется... Это напрасно мы поверили Энгельсу, что по спирали, — по кругу, где тут спираль! Вымираем...

Да, и не это главное, что я хотел вам сказать, товарищи-червяки, — опять отвлекся... Чего-то там у меня клинит, всё время отвлекаюсь — явная деэволюция... А-а-а, вот главное — чтобы не перепутать, где рот, а где... противоположное отверстие, чтобы движение пищи не нарушалось: сверху вниз, а то... У иных проблемы уже... И вот что ещё главное: лапы отсохнут, глаза и нос — тоже не главное (у иных и нет, а всё люди!)... Мозг отсохнет — это несомненно, но не отчаивайтесь, не мозгом и думаем, а — душой. Мозг ладно... — штука преходящая... А вот душа... Без неё, знаете, — червяк червяком, и всё по кругу... Тут уж ничего не поделаешь.

НА СЛУЖБЕ

Степан Семеныч встал не с той ноги, не выспавшись, но с твердым намерением причаститься в такой день... А день был — Троица. Дорогою он свернул с шоссе — наломать берёзки, но берёзка по обочине вся была в пыли, не годилась... Он полез было поглубже, но стал проваливаться в болото, замочился... Да и березки здесь были повыше — не достать веточек... Он подпрыгнул, как мог, и потянул ветку на себя, а когда притянул — увидел, что ветки тут совсем дрянь... Он уже опаздывал и лазить по лесам было не с руки...

— Та-а, Бог с ним, — не париться! — Сломал пару веточек... Потом подумал и добавил третью... а то... как на кладбище получается... — Троица всё же! — Вылез из грязи и зашагал к храму.

На службе у него разболелась голова и он как-то плохо соображал... и в очередь на исповедь он становиться не стал — ибо, во-первых, как-то вдруг стыдно стало, что и покаянного канона вчера не вычитал. Пришел с работы поздно, отужинал, сел вычитывать (не на коленки встал, а просто сел за стол) да и уснул от усталости на середине... И не заметил даже, как со стола на диван переполз...

И вот в храме вдруг вспомнил, как пионером еще послан был за славные успехи в Москву из своего незнаменитого городка, и там его фотографировали на память с другими отличниками вместе с ветеранами на фоне Кремля и даже возле мавзолея... И вот он тогда расплакался — так как стыдно стало необычайно: «Не достоин я, не достоин!» — шептал покаянно Степка... Но его успокоили добрые, все в орденах,

дяденьки, и снимок всё же состоялся... И вот лежит где-то незримо в дальнем ящичке и берedit душу...

И-и-и... столько лет прошло: смотрит Степан Семеныч, как народ толпится, лезет к батюшке на исповедь с целыми венниками березовыми... И как-то суетно в большинстве лезет... И жарко в храме, и толкотня, а день-то какой... «И сколь же раз я вот тоже так-то лез и никогда вот так, как в детстве, меня не прохватывало: что, мол, не достоин! Ползу и всё, как и все, — мол, вечно достоин... А сам и полканона вчера не вычитал...» И так-то ему нестерпимо стало стыдно, ну прямо как в своём пионерском детстве... И решил он, что — нет... не сегодня, а в другой раз... И как-то отлегло...

Написал он записки... По десять имен, как полагается... И глянул с удивлением: вот-те на! Сколько раз писал, а только теперь заметил, что записки одинаковые — что за упокой, что за здравие!.. Всё одно у Семёныча: три Николы, Иван, Анастасия, две Елены, Степан, Семён и Татьяна... Ну, в разной последовательности... А так что усопшие, что его дети-внуки — все одни имена... «Это, пожалуй, хорошо», — подумал он... Но голова болела и спина еще после вчерашней смены не отошла... Невмоготу. Вот он добрался до голгофы... Протолкался... По случаю праздника и множества народа свечки за упокой поставить было просто некуда, и Степан Семеныч держал зажженную свечу в руке и поминал мысленно всех своих усопших, а их, если дальнюю родню и друзей еще припомнить, то много больше десятка выходило... Старушонка там на подхвате, глухая, что ли, послеинсультная, — уж больно сильно у неё руки тряслись — бегала вокруг кануна и пару раз прикрикнула на Степана Семеныча, что мол, не там стоит. Но где бы он ни становился, — все не там... Её бы нужно было пожелать да помолиться за неё... Но то ли от того, что Степан Семеныч не был сегодня причастником, то ли от того, что поднялся не с той ноги... он стал пристально смотреть за её руками... А старушонка — руки её тряслись изрядно — с превеликим трудом быстро гасила свечи... и, что обидело Семёныча, ещё не прогоревшие наполовину — бросала вниз, в жестяную коробочку, зажигала новые, что передавали ей со всех сторон, и ставила на освободившиеся места... Но вот тут-то руки подводили её — зажечь свечку от свечки ей было трудно, трясло и... не попасть... И всё же она справлялась... И вот эта, видимо, «не та нога» (или уж боль головная давала знать), но суетные манипуляции старушечки не понравились Степану Семёнычу... Он даже порадовался, что не передал своей свечи, а стоял по-прежнему с ней в руке, возле голгофы... И она на него прикрикнула в третий раз, вновь обегая вокруг кануна...

«Ладно, — подумал, отодвигаясь, Семёныч, — пусть тут места нам не хватает. Там бы хватило...»

Но тут на него напало новое искушение. Вспомнил он батюшку с православного телеканала. Говорил тот всё правильно, даже слишком правильно... Но вот руки его, перебиравшие четки, что зачем-то брал крупным планом оператор, всё время тряслись... Не так сильно, как у старушки, но тряслись... Но батюшка был в целом вполне благообразный, однако, основное свойство его было таково, что после каждой неспешной правильной фразы он почему-то возвращался к нашему советскому прошлому и хаял его без меры. Какой бы вопрос ни задавали ему телезрители, он, ответив, всё сворачивал на своё...

Вот это совершенно не нравилось Степану Семёнычу... Он больших материй не постигал, в Писаниях начитан не был, он просто всю жизнь честно трудился на производстве... Но если в прежние советские времена он хоть знал, зачем трудился, а трудился он тогда во имя Родины и её светлого будущего, то теперь он не знал, во имя чего. Во-первых, светлое будущее было отменено, как ересь. Вместо светлого будущего постоянно вещали про апокалипсис и последние времена... А Родина?.. Ну, во-вторых, знали все, что доход от предприятия уплывает за кордон — к своим новым хозяевам... И Родине никакого прибытку от их труда не было. Да и вообще как-то тоскливо трудилось — без песен, без праздника... И если раньше он жил и всё, что хотел, детям своим купить мог... То теперь — не жил, а выживал и чтобы внуков побаловать — и думать не приходилось... И можно было бы и на пенсию, да вот своим надо было помогать — и он всё работал и работал, будто и помирать не собирался... Только вот спину ломило, ноги уже не стояли, да и сесть некуда: праздник — народу-у! И силится Степан Семеныч понять, всей душой силится понять, чевой-то так батюшка из телевизора поливает грязью советское прошлое, — но не понимал... И искал, изо всех сил искал что-то в душе, чтобы полюбить это нынешнее демократическое настоящее — и... не находил. «Да, видно, грешен и тёмен, и не понимаю ничего...» — не находил, за что любить это нынешнее время. Ибо что ни сравнивал он вокруг себя — всё не в пользу нынешнего выходило... Одно только было Божье благоволение на нем, что не закрыт, не сровнен с землёю был его завод, как тысячи других. И было ему где трудиться... И что инструментальщики теперь: ау-ку-ку! — не найдешь днем с огнем. Да и ПТУ, где их готовили, уж нет давно... А то был бы Степан Семеныч давно на пенсии...

И как-то незаметно для себя совсем отвлекся он от службы и стал осуждать неспешного этого, всё через «э-э» объяс-

няющего, батюшку: «Вот и он мой ровесник: тоже пионером был, поди, и комсомольцем, а то и коммунистом. И, верно, учился в вузе. И бесплатно учился, и жил с нами где-то на соседней улице... И дало ему государство квартиру... Почему же он так хает прошлое и видит одни черные пятна, которых я, жил-жил, и не замечал... А вот и на дальнейшее прошлое перешел: давай Сталина клеймить... Хорошо им гавкать на мертвого льва...»

Мысли его летали далеко, и всё вокруг слилось в сплошной гул... Но тут хор запел громогласный припев: «Творяй чудеса! Творяй чудеса!» Но никаких чудес за долгую свою жизнь Степан Семёныч не видел, а видел только труд и труд, который с каждым годом всё меньше оплачивался. И вот спина Степана Семёныча так разболелась, что он не вытерпел и ушел со службы, как только свеча его догорела, оставив у голгофы старушонку с трясущимися руками — жалко её, трудно ей... И пошел в сквер напротив, чтобы отсидеться на лавочке, ибо в хрამе пустых лавочек не было...

И тут бы надо написать вторую часть рассказа, как обычно пишут все наши православные писатели... Что, мол, пришло к нему покаяние... — луч как-нибудь солнечный упал... голос послышался... И явился в тонком сне какой-нибудь святой... И каялся Степан Семёныч в своих мысленных осуждениях, и понял наконец, за что надо ругать советское прошлое, обругал его как следует, и снова пошел в храм, и успел как раз на проповедь и на освящение... И окропил его батюшка святой водой, и всё закончилось благолепно...

Но... врать не буду... Никуда он не пошел, а ощутил как-то внезапно, что вот такого покаяния, как тогда, в детстве на Красной площади, возле ветеранов, у него теперь нет и, наверное, не будет. И никогда он не поймет, чем так уж скверен был его сорокалетний труд на родном заводе... Так что: «Спаси нас, Господи! Воистину, творяй чудеса... ибо сами не можем ничего, не то что спастись и службы достоять не можем!»

Вот такая беда.

ФИЛОСОФЫ

— Э-э-эх, что есть — то есть, а чего нет, того нет! Верно, старуха? — это старик прервал долгое молчание, сидя на завалянке и смотря сосредоточенно на весь белый свет...

— Верно.

И старик ободрился поддержкой жены: неожиданно быстро согласившись, вдохнула она в него силы...

— А уж что будет, то будет, а чего не будет, того не будет...

— И то верно...

И каждый из них думал о чем-то своем, конкретном, применительно к этим фразам. Поминая погибших ли, или не родившихся детей, а может друзей и близких... Но что-то непременно под каждым словом — понимая и поминая...

— А чего не было, того — не было... — продолжил старик. Может он тем уверял свою в былые времена сильно-подозрительно-ревнивую супругу, может, что иное имел в виду...

— Ну, не было, — значит, не было... — как бы облегченно вздохнула старуха. Это было взаимное признание в любви, о которой они за тридцать три года никогда не говорили. И вдруг сама зафилософовала...

— А чего не будет, когда нас не будет... То есть чего только не будет, когда нас не будет!

— Эх и у тебя перлы поперли... Перлы-шидерлы...

— Чегось — шиделры?

— Нет, я так... не сбивайся с сурьезного! Зри в корень.

— И то.

ВЕЧНОСТЬ

Старик и старуха пошли за черникой... Это уж дело извечное — запастись варенье на зиму... Уж сколько лет одними и теми же тропками... — сами и протоптали... День был жаркий, но не слишком, без духоты — набегал ветерок... Июль в конце... Травы в самом разгуле — да никто и не косит их нынче. А какие травы! Кузнечики под ногами так и стрекочут, так и пляшут... А небо высокое такое... Высоко-высоко почти недвижно — облака. Кто-то хищный там, в зените, почти незримый, ходит кругами... Чайки на озеро пролетели — переговариваясь о своем, о птичьем, на ходу...

Шли они и привычно молчали — о чем говорить? Всё переговорено за долгие годы... Хорошо, что ветерок, не душно — в духоту-то уж не вмоготу. И дождя вроде не ждать — и то хорошо. Да и вообще всё как-то, в общем, и не плохо. Они озирали окрестность — и не надо было фраз, чтобы выразить восторг души, который, как и прежде в детстве или юности, охватывал их — от шуршащих под ногами трав, от пролетающих птиц, от неоглядного поднебесного простора Родины... От чувства жизни, которым душа не уставала вдохновляться... А если порой и разговаривали — то о чем-то, что они постигали исключительно сами, и вряд ли слушающий со стороны, если бы случился, мог понять, о чем тут говорят...

Да и язык-то у них был свой, особенный, собственного производства.

Старик не хотел идти — у него болели суставы, ломило поясницу... Но отпускать старуху одну — опасался... В былые годы он плотничал и чтобы таким малым делом — ягодами заниматься, — это нет... Не серьезно... И старуха ходила без него: с детьми, потом с внуками, потом с собакой, а после и одна, а он всё работал, всё строил кому-то... Но теперь — какой он плотник...

Он уговаривал старуху вовсе не идти — к чему, мол, нам варенье... От роду сами не едали, а внукам в городе оно, мол, уже и не в охотку... Но старуха была непоколебима: на варенье надо ягоду собрать и в город отослать. Не обсуждаемо! Старик взял вторую корзинку, и они пошли... Спорить со старухой — это всё одно что цунами на полпути останавливать. Он и не спорил никогда, а так — препирался маленько, это было частью их одинокого общения.

— Ты старый, уж забыл, как ягоду брать.

— Я-то... Смотри, будешь в отстающих...

— Стахановец, прям. С доски почета слез... Посмотрим ещё!

Отцветал иван-чай, качался, дурманил хмель, белела кашка, попадался под ногами зверобой... Прежде старуха не прошла бы мимо — нарвала бы пучёчек для засушки... А теперь... Пошли в гору, вошли в редкий, солнечный соснячок, мелькнул-прошуршал вереск, а вот и черничник... Старая внаклонку: ягоду беру, другую примечаю, третья мерещится... Но так скорее говорят про клюкву. Черника берется стебельками. По несколько ягод: одной рукой поворачиваешь веточку, а другой обираешь россыпь. А старик собирал сидя на земле — не мог он ни на корточках, ни на коленках... Ломило — сил нету... Но и сидя он умаялся и порой просто ложился, переползая от кустика к кустику...

— Чего, старый, боевую подготовку сдаешь?

— Курс молодого бойца. Смотри — до тебя доползу!

— Напугал жук жужелицу...

— Бруснику брать?

— Бери всё в радиусе кругозора!

— Сама-то — за щеку... вона, и дна не прикрыла! — Ну, это была шутка: какое «за щеку», отродясь такого не бывало...

И снова солнце, облака неисследимо высоко — не плывут, кажется, а просто тают... Чайки над озером разволновались — там, в низине, под горой... А это кто-то, видать, приехал отдохнуть. Мужские голоса почти не долетали сквозь шум со-сен, а женский визг купальщиц — доносился...

-
- Визглявые какие...
 - Визжучие.
 - Визглючие.
 - Молодёжь...

И снова час или полтора тишины... Лишь изредка старик приподымется — глянет через кустики — как там его старуха: всё ли поздорову. Эх, давненько не хаживал старик по ягоду — и вышел с ним казус, грех приключился... Встал он, отвернулся от старухи, облегчился да и лёг в чернику и снова стал брать... Ползал-ползал вокруг кочки и попал на влажную ягоду и берет, берет — бросает в корзинку... Глубоко так о чем-то давнишнем задумался... Ибо если б не задумался, то смекнул бы — с чего ягода мокра: ни дождя, ни росы: сухие такие денечки стоят... А как понял свою промашку: глянул в корзинку — ан, там ягоды мокрые с прежними сухими перемешались! «Эх, бестолочь!» Это он молча про себя, чтоб перед старой не позориться... и давай по-быстрому мокрую ягоду из корзинки долой... «Э-э, теперь мне старую не догнать», — половину набранного высыпал да и ногой примял, чтоб кто не заметил греха-то...

Ещё час... другой, третий... корзинки еще не полны — где теперь по полной набрать! — не те годы...

- Пойдем уж, старая!
- И то...

И пошли... и тут же присела:

- Нет, надо вот хоть еще этот кустик!

Пособирали чуть...

- Ну, уж пошли теперь.

— Пошли-пошли... — Отшагали шагов двадцать:

— Вот и этот оберу. Смотри, какой хороший! — И старик тоже присел у какого-то не шибко хорошего, ободранного наполовину чьей-то грабелькой, кустика. Так присел, чтоб не ждать впустую... Пособирал.

- Ну, уж старая, идем же... Притомилась вся.

— Пойдем, пойдем... всю не соберешь... Ай, постой, вот этот только! Смотри какой!

- Ну, ты, старая, как последний раз в лесу...

— А мож статья, и последний... — И она присела обобрать еще один кустик. — Смотри, чистый виноград!

Помолчал старик. Очень может быть, что и в сам деле последний... Не то он ляпнул. И руганул себя молча: разболтался, мол! Хотя чего он разболтался: слов двадцать за день сказал.

День клонился к вечеру... Он шагал и думал об одном — что не хотелось бы помирать позже старухи... «Пусть бы она

меня проводила. Так бы оно лучше», — рассуждал он. А ноги несли под уклон...

— Ты куда, старая влево забираешь... Удлиньшишь путь-то...

А у старой загорелись глаза... Перед ней, внизу, за соснами лежало одинокое благодатное озеро... Машина с купающимися давно уехала и первозданная благодать тишины почил над водами...

— А что, старый, освежиться бы... А? Удлинючим дорогу!

— Кой век не купалась!

— Да и ты бы окунулся — помолодел бы лет на сорок, а!

— С моими-то костями на печи лежать...

Они подошли к берегу...

— Ты отвернись, не смотри на меня... Я женщина последней стройности! — Она разделась донага... Всяких там купальников старая уж лет двадцать-тридцать не держивала... Да, ходили купаться девками... Да, потом, когда ребята пошли, ходили с ними на озеро. Да, еще потом — немного... А после уж дело стариковское... Так, за внучатами приглядеть... Да уж и внучата к ним сколько лет носу не кажут... Плещутся где-нибудь на Гавайях...

— Ты входи тихонько, не прыгай!

— Чтой-то?

— Смотри, колыхнешь озеро — на том берегу беду наде-лашь!

— Не смотри! Срамнец какой!

— Ой ли, не видывал, что ль! — Старый как-то не специально повернулся к старухе... Просто не привык говорить, стоя спиной, а тут она раздетая... Видывал-то видывал, да давно... И он поспешно отворотился... Скинул сапоги, сам зашел в озеро по колено... Омьлся... Черные ветхие трусы полоскались на худых костях... «Да, отпиратствовал», — подумал старик. А старуха знай плавала, пыхтела и фыркала от восторга, как девчонка. Благодать... Даже чайки как-то присмирели — сидели на своих гнездах, полные удивления... И маленькие чайчата плавали между ними — от кочки к кочке... Старая вышла, оберлась подолом, оделась, и они пошли...

— Как наново родилась, а, старый?!

— И то.

Они пошли по старой тропинке, по которой хаживали с озера домой в прежние годы... Но она вдруг заузилась, замуравела, да пропала под ногами — пришлось лезть кустами...

— Ты куда меня, старый, завел! Сусанин! Ты там не удумал чего! — шутила старуха... Она не винила старика — ей и самой эта тропка знакома была с детства... Кто виной, что сами

столь уже не хаживали, а только на горы за черникой да до-мой... В общем, они удлинили дорогу, сбились маленько и вышли к железнодорожному полотну.

— Ой, смотри, какая малина! Ой, старый, надо набрать на баночку деткам. Черника — черникой, а малины еще пошлём... — И она принялась брать дикую мелкую, но ароматную малину... Своя, садовая, давно на огороде повымерзла, а как уж не ездил никто из детей, то новой и не заводили.

Старый тоже стал пособлять — брать малину в пригоршню... Да заметил внизу, под малиной, еще и землянику и брал её заодно... Он протянул старухе полную пригоршню, но не к корзинке, а прямо ко рту... Она не ожидала — отшатнулась даже ненароком... Ибо за столько лет (с юных годов еще!) не брала ягоды в рот, а только в корзинку. А как иначе. Такое уж воспитание у нас от века — для себя жить не обучены...

— Ешь! Что ты, старая! — И он вложил в это слово столько нежности... И она взяла: припала губами к жесткой, шершавой, сильной еще ладони старика, не спеша собрала ягоды в рот...

Что за чудный забытый вкус! — или уж день такой чудный: с высоким июльским небом, с благодатным озером... Или уж всё вместе... И только сок ягод коснулся языка, как пробежало что-то в крови, мелькнуло в душе — припомнилось былое и всё, что было в нём замечательного...

И они пошли вдоль полотна к дому, не спеша, останавливаясь у кустиков малины, срывали ягоды и, чего прежде с ними никогда не было, — клали в рот...

А что спешить? Чтобы скотина какая была не поена, не кормлена, не обряжена... Так нет. Пес один — Полкан... Старый звал его: «Товарищ полковник» — так и этот давно уж не на цепи... Это он по молодости бегал к своим собачьим девушкам (так старик говаривал, он крепких слов не любил), и вот приходилось на цепь сажать. А теперь... беги — не хочу. Лежит при доме на солнышке и никуда не торопится...

Старуха, бывало, его воспитывала: «Ах, ты песья морда, цена тебе, как человеку, — три копейки! Вот лежи в углу и держи морду лица ниже плинтуса!» — но это она с виду строгая была... Для порядку. Теперь уж Полкан сам держался ниже плинтуса. Даже за ягодой со стариками не пошел — куды, годы не те!

Не торопятся и старики... Дети давно разъехались — или по заграницам летают, или так, просто не ездят.

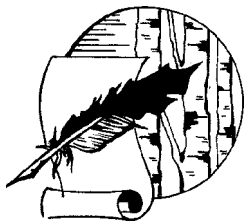
И что бы работы какой — нет. Своё в селе старики давно отработали, а по хозяйству... Всю жизнь думали, что работа

по хозяйству никогда не кончится, не переведётся: «Всей работы не переделашь!» И вот с удивлением обнаружилось, что всё переделано... Приплыли. Большого огорода, как прежде, держать не надо: за картошкой, морковкой да соленьями всякими по осени никто не приедет. А что старикам на пропитание — так почти всё само и вырастет: и крапива со щавелем — на щти... Да капустки чуток, да огурцы... Дом починять? Да какое теперь — починять... Не нужен он... Так дочка и говорила в последний уж раз: «Доживайте, мол...» Ну, не договорила, посовестилась, а уж ясно: мол, доживёте — продадим.

— А что, старый, — в былые времена говаривала старуха, — мы чо жили? Ин, жили-жили и всю жись мимо цели прожили? А?

— Отчего ж мимо?.. В самый аккурат прожили... — отвечал бывало старик. Он был главный по философской части.

Но обо всём об этом старые сейчас и не думали — всё уже было давным-давно думано-передумано. Они просто шли к дому и не спешили, вдыхали благодатный воздух, ощущали райский вкус молодости — малины вперемешку с земляничкой, смотрели на чудное небо... Спешить в самом деле было совершенно некуда. В запасе у них была вечность.

Борис ОРЛОВ

МЕЖ ТЬМОЮ И СВЕТОМ

* * *

Мы — дети оклеветанной страны,
Трудились на заводах — не на пляжах.
Мы — доходяги и доплясуны,
И в ней своё доходим и допляшем.

А пели и плясали, как могли,
Но получалось — делали на славу.
Нас погубили длинные рубли
И вера в бесконечную халяву.

Не знали, что вожди нас предадут,
Что будем у бандитов на прицеле.
Считали, что всего важнее — труд,
Почетный труд, ведущий к высшей цели.

Создали батискаф и марсоход...
Мы были и останемся народом!
Мы — доходяги, но пойдем в обход
Ростовщиков, живущих сверхдоходом.

* * *

Я воевал. Ты чалился на зоне.
Мои враги сидели в Пентагоне,
Ну а твои враги — в прокуратуре,
И в базе данных ты у них, в натуре.

Я прохожу по базе данных НАТО.
Твои друзья — братки. Мои ребята —
Подводники. Они другой закваски.
Они умней. Браткам баюкай сказки.
Откинулся из зоны — быть крамоле.
Твои друзья — чинуши в комсомоле.
По ваучерам вышли из народа,
К рукам прибрав газеты и заводы.
Готова в жизни новые порядки,
Они с народом наигрались в прятки.
Теперь они у нас в стране — элита,
А ты к ним мордой тычешься в корыто.
Себя ты выдаешь звериным взглядом,
Стал для тебя народ калашным рядом.

* * *

Берегите кровь народа —
Сбережете кровь вождей!
Безграничная свобода —
Мясорубка для людей.

Страсть темна и незаконна,
В светлых чувствах — благодать.
Помолясь перед иконой,
Не спеши митинговать.

Волны криков и полотен...
Чтоб пошли уроки впрок,
Усмирите буйство плоти.
И тогда поможет Бог!

ОППОЗИЦИОНЕР

То про Хайфу кричит, то про Питер.
И с него, словно с гуся вода...
«Да идите вы все! Да идите!»
А куда? Сам не знает куда.

То протестом грозит, то войною,
То поет, как шумит Колыма.
И приводит гражданство двойное
К раздвоенью души и ума.

* * *

Не бил я первым, но достойно сдачи
Всегда давал, мужскую честь храня.
Когда умру я, кто-нибудь заплачет,
Узнав, что в этой жизни нет меня.

Ценил друзей и уважал искусство,
Но у всего под солнцем есть предел.
Когда умру, кому-то станет пусто,
Хотя, наверно, многим надоел.

Свои дела вокруг вершили люди,
Кружились в мутной жизни, как во сне.
Когда умру я, кто-нибудь забудет,
А кто-то будет помнить обо мне.

* * *

Уже четвертый день подряд
Живу на даче.
На мир — и этому я рад! —
Смотрю иначе.

А телящик не терплю —
Чужие страсти.
С улыбкой разному зверью
Киваю: «Здрате!»

Плеснется выдра в ручейке,
Промчится заяц.
Живу в ближайшем далеке,
В домишке с краю.

Цветут нарциссы у крыльца,
Щебечут птицы.
И благодать теплом с лица
В цветы струится.

И нет эпох, и нет времен —
Ушли пунктиром.
Здесь плотский мир соединен
С духовным миром.

* * *

Памяти Николая Колычева

Прятки полюбив, сыграли в ящик.
Тесен мир без правил и границ.
Карнавал без масок — в настоящем
Потому, что у людей нет лиц.

Словно птицы, собирали крохи
Бытия. Вокруг — туман и мгла.
Мы поэты будущей эпохи,
Что, как солнце, за леса зашла.

* * *

Смирись: мелеет и река,
И даже звезды гаснут.
Жизнь человека коротка
И потому прекрасна.

В пар превращается вода
И улетает в тучи.
А смерть откроет дверь тогда,
Когда нам жить наскучит.

* * *

Листопадом дома замело,
Закатилось за рошу светило.
Выпал снег — стало ночью светло,
А растаял — и тьма возвратилась.
День за ночью спешит след во след,
Утепляя в деревне оконца.
Первый снег — замороженный свет
И луны и осеннего солнца.
Полудрема — и спишь, и не спишь!
И нисходит прозренья к поэтам.
Я люблю эту звонкую тишь
На границе меж тьмою и светом.

* * *

Я живу, и душа — нараспашку,
И в нее прилетел соловей.
Говорят, что родился в рубашке,
И она стала кожей моей.
Отцвели васильки и ромашки,
А ветра заблудились в бору.
Говорят: я родился в рубашке,
И в рубашке, наверно, умру.

* * *

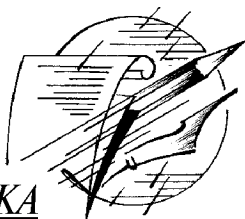
Спят облака, трава, листва и крыши.
Уснул на дачах поздний скрип дверей.
Такая тишина, что даже слышно,
Как падают пушинки с тополей.
В цветочном сне сады беззвучно дышат.
Все замерло под сумрачной луной.
Такая тишина, что даже слышно
Мне ангелов, поющих надо мной.

г. Санкт-Петербург

ОБРАЗ БУДУЩЕГО ДЛЯ РОССИИ И ДОНБАССА

Будущее России неизбежно связано с нашим образом и представлением о нём, с нашей светлой мечтой о достойной человека жизни, воплотить которую в реальность способна лишь твёрдая вера и коллективная воля народа. Проблема создания лучшего будущего сейчас выдвигается на первый план, особенно в условиях наших резко обострившихся отношений с США и странами Запада.

Взгляд Запада на Россию не изменился за тысячелетия. Для них мы — одичалые варвары, подлежащие уничтожению, а наши минеральные ресурсы должны служить процветанию экономически развитого торгово-колониального мира. Нам фактически объявили войну. Много лет тому назад довелось мне прочесть роман Михаила Бубеннова «Белая берёза» о событиях первых месяцев Великой Отечественной войны. Запомнился один-единственный эпизод: эсэсовец, увлечённый антропологией, убивает кроткого деревенского юридивого ради овладения его редчайшим деформированным черепом. Цель убийства — вещественное доказательство неполноценности русских. Об этом же сейчас во все-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

услышание трубят все западные идеологи. Вспомните знаменитую сатиру Марк Твена: «Мы — англосаксы. А если англосаксу что-нибудь надо, он идёт и берёт!»

Время, ныне переживаемое нами, очень сходно с кануном Великой Отечественной. Отличие лишь в том, что у нас пока нет сильного лидера-государственника, подобного Сталину, нет мощной команды в верхах, способной действовать во благо страны, а у большинства людей нет уверенности в будущем. Многим оно видится как реставрация имперской или советской эпох.

Русский педагог, писатель и философ Василий Васильевич Розанов в своей книге «Уединённое» справедливо предостерегал от преобладания негативного восприятия России, что сложилось в имперскую эпоху: *«У нас нет совсем мечты своей родины. И на голом месте выросла космополитическая мечтательность. У греков она есть. Была у римлян. У евреев есть. У француза — «chere France» (прекрасная Франция), у англичан — «старая Англия». У немцев — «наш старый Фриц». Только у прошедшего русскую гимназию и университет — «проклятая Россия». Как же удивляться, что всякий русский с 16 лет пристаёт к партии «ниспровержения государственного строя»... У нас слово «отечество» узнаётся одновременно со словом «проклятие». Посмотрите названия журналов — «Тарантул», «Оса». Целое издательство — «Скорпион». И все «жалят» Россию. Как бы и куда ей запустить яда. Дивиться ли, что она взбесилась? Жалит её немец. Жалит её еврей. Жалит армянин, литовец. Разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол. И в середине всех, распоясавшись, «сам русский» ступил сапожищем на лицо бабушки-Родины».*

Результатом всего этого стала революция 1917 года. За два минувших столетия ситуация, о которой говорил В.В. Розанов, фактически не изменилась. Прискорбно, что, по данным статистики, до сих пор более десяти процентов жителей России желали бы навсегда покинуть свою страну. Среди них не только ограбившие нас олигархи с их челядью да чиновники всех мастей, в числе которых бывший губернатор Пермского края Олег Чиркунов, но и талантливые учёные-изобретатели, чьи открытия не получили признания на Родине. Главной целью разрушения Советского Союза был удар по России и Русскому миру, разрушение двигалось семимильными шагами: в ход было брошено всё — прежде всего десталинизация, огромную роль в которой сыграли либеральные СМИ. Вспомним журнал «Огонёк» под редакцией Виталия Коротича. В каждом его номере преподносились чрезмерно раздутые ужасы лагерей, воспоминания былых заключён-

ных, типа еврея Льва Разгона и ему подобных. Ныне теле- и радио каналы «Дождь», «Эхо Москвы» и многие другие успешно продолжают дело Коротича. Там в порядке вещей бранить Россию, её подвижников и героев, праведников и поэтов, глумиться над самим словом «русский» при полном попустительстве правящей власти.

В какой стране доведётся нам жить через пять, десять, двадцать и более лет? Может ли каждый из нас повлиять на грядущие годы? Актуальна эта проблема и для всех республик постсоветского пространства, особенно для залитого кровью Донбасса, где уже четвёртый год идёт война, продолжаются обстрелы мирных жителей, не работают изначально обречённые на провал минские соглашения. Какой образ будущего видится нам?

Этот образ свято хранит наш особый цивилизационный код, заложенный в 988 году, когда в Киеве, на берегах Днепра, состоялось всемирно-историческое событие — крещение Руси по православному образцу. Фундаментом нравственности и государственности для наших предков стала православная вера в её восточном, неискажённом варианте. Вместе с крещением родилась русская идея спасения, нацеленная на спасение человека от собственных грехов, спасение своей семьи и рода, своей земли и оказание благотворного воздействия на всё человечество.

Идея спасения сформировала идеологию великой России, величие которой исходило от православной благодати, веры в Божественный промысел, добро и справедливость, а не в силу оружия и формальное соблюдение закона, положенные в основу идеологии стран Запада. Именно об этом говорил митрополит Илларион в знаменитом трактате «О Законе и Благодати».

Но что способно объединить русский и другие коренные народы России? — Великая идея и идеология построения мощной духовно-нравственной державы, социально справедливой и экономически сильной. Огромная роль принадлежит здесь творческим союзам, особенно писателям. Однако Александр Проханов в каждой из своих публикаций заблуждается, уверяя читателей, что в сегодняшней России действуют две силы, исключаящие одна другую. Одной, по его мнению, управляет Путин при одобрении большинством народа. Другая сила — олигархический строй, намеренный после прихода в Кремль сразу вернуть Крым Украине, пустить карателей в Донбасс, а Россию превратить в колонию Запада. В действительности всё обстоит гораздо сложнее. В 2014 году многие верили в «революцию сверху», в то, что Влади-

мир Путин поменяет всё своё окружение на честных и преданных Родине профессионалов. Но долгожданные кадровые изменения, увы, не произошли.

Публицист Александр Русин из Новосибирска назвал это «кремлёвским тупиком»: *«Этот тупик носит системный характер, и выход из него возможен только после смены власти — не отдельно взятых персон вроде Путина, Медведева и прочих Шуваловых, а смены власти в целом, с ротацией элиты, сменой общественно-политического строя, экономической модели и парадигмы развития страны. Все стенки тупика находятся в жёсткой связке и удерживают друг друга, поэтому ни одну из стенок невозможно подвинуть или сломать отдельно от других».*

Есть ли выход из нынешнего тупика? Наше грядущее формируется не только из достижений, побед, героических свершений, но и из ошибок, просчётов, преступлений прошлого и настоящего. Что и почему может перевесить на чаше исторических весов? Нынешняя олигархическая власть через подчинённые ей СМИ призывает народ изо всех сил держаться за действующего правителя, пугая людей тем, что любой другой будет заведомо хуже. Однако нам надлежит противостоять этой порочной технологии.

Нас спасёт объединение всех здравых сил. На религиозной основе всем православным христианам — староверам и сторонникам РПЦ — необходимо поддержать потенциальное правительство народного доверия и молиться о его скорейшем приходе к власти. На материалистической основе оно должно быть поддержано атеистами, кровно заинтересованными в спасении России. Поддержать его необходимо политическим партиям, профсоюзам и общественным движениям, людям всех возрастов и профессий, всем народам страны.

Будущему подлинному главе государства надлежит выступить с обращением к народу, как сделал это Иосиф Сталин в начале Великой Отечественной войны. Оно могло бы прозвучать так: «Братья и сестры! При пассивности народа класс олигархов и правление либералов загнали Россию в тупик, привели её на край пропасти, за которой маячит её расчленение и полная колонизация. Мы больше не можем следовать навязанным нашими противниками правилам игры. Отныне правительство народного доверия провозглашает курс на национализацию всех природных ресурсов, на защиту национальных интересов России, на развитие производительной экономики и социальной сферы. Вопиющее социальное

неравенство и позорная бедность должны быть ликвидированы! Хозяевами страны, которой Господь дал огромные природные богатства, будут не воры и разрушители, а труженики-созидатели!»

Чтобы такое обращение действительно прозвучало в обозримой перспективе, каждому из нас надлежит отказаться от статуса «маленького человека», «колёсика», «винтика», от слов и действий которого ровно ничего не зависит. Подлинный хозяин заботится не только о собственном душевном спасении и телесном здравии, о порядке в своём доме и на усадьбе, но и о воспитании гражданами страны собственных детей и внуков, о благополучии в стране, о развитии её на долгосрочную перспективу.

Уже сейчас общественный контроль мог бы навести элементарный порядок в пресечении поборов и взяток, в деятельности фирм-однодневок, да и во многих других сферах.

Наш образ будущего — достойный жизненный уровень всех созидателей материальных и духовных благ, кратное повышение пенсий, повышение зарплат учителям, врачам, учёным, труженикам сельского хозяйства, сильная армия и флот. При этом нельзя забывать, что цивилизационный код России — приоритет духовных ценностей и традиций, что без укрепления Православия, без Божьей помощи нам не выстоять в окружающем нас безбожном и враждебном мире.

С ещё большей остротой образ будущего встал перед жителями непокорённого Донбасса, народ которого укрофашисты нарекли «сепарами», «колорадами» и «ватниками». Привожу полные драматизма строки из недавнего письма донбасского друга-писателя: *«Наша главная мечта — полноценная и всеобъемлющая интеграция в Россию, но, очевидно, при нынешнем российском руководстве этого не случится. А время идет, гибнут русские люди, разрушается промышленность и инфраструктура. Но главное — у людей ИССЯКАЕТ ВЕРА! Нерешительность Кремля уже стоила нам десяти тысяч убитых и покалеченных, эмигрировавших и просто разочаровавшихся. Россия старается впихнуть нас обратно в Украину, придумав для этого Минск и Минск-2, но я лично не представляю, как мы будем жить в нынешней Украине, после всего того, что она с нами сделала. Как будем славить Бандеру, Шухевича, Мельника, Коновальца и иже с ними. Как будем говорить на мове и проводить гей-парады?.. Вот только жаль, что Кремль этого «не понимает». Вернее, конечно, понимает, но делает вид, что он здесь ни при чем».*

В 2014 году Донбасс, русский регион с православной верой, русской культурой и историей, сделал свой осознанный

исторический и цивилизационный выбор на воссоединение с Россией. Тысячу раз правы те политики и общественные деятели, которые призывают руководство РФ в корне поменять свою позицию по Донбассу, уйти от глухой обороны и оправданий, поддержать право народов ДНР и ЛНР на самоопределение, оказать им все необходимые виды помощи, вплоть до военной.

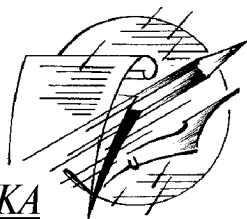
Образ будущего для России и Донбасса един: наш народ кровно заинтересован в скорейшем устранении навязанного нам Америкой всевластия либералов и олигархического проекта, без чего невозможно национальное возрождение.

Сотни иностранных агентов продолжают пристально отслеживать растущее количество преступников, алкоголиков и наркоманов в современной России, а западные «теоретики» продолжают убеждать своё население, что природные ресурсы «варваров» должны принадлежать «цивилизованному миру». И только наши герои, подвижники, молитвенники, праведники и созидатели вызывают у «стратегов» Запада подлинный страх и ненависть как никем и никогда не сломленные, непобедимые. Патриоты волевого и делового склада призваны стать героями современной литературы и публицистики. Именно такой тип человека должна формировать наша семья, средняя и высшая школа, вся окружающая среда. В этом залог нашего достойного будущего.

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ЛОЖЬ

Редко какой из фильмов привлекал столько внимания современного общества, как фильм «Матильда». Однако ошибочно сегодня делать акцент по тематике ленты только на «кинопродукте» Алексея Учителя. Очередная активная фаза по дискредитации образа Российского Императора берёт начало куда ранее: с 2015 года. Тогда «мастера исторического жанра», в силу им известных причин, вдруг вновь обратились к личности балерины Матильды Кшесинской. И поток лжи, целью которой являлся Царственный Мученик, заполнил своим зловонием страницы газет, телеэкраны, интернет-пространство. Завершился этот поток в 2017-м грандиозным по масштабу извращением в виде «исторического блокбастера». Логичен вывод об организованной кампании в преддверии трагической для истории России даты: столетия революционных событий.

Любовные отношения между яркой звездой балетного искусства и последним из царствующих династии Романовых — миф возраста более века. Различные псевдоисследователи, сочиняя

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

небылицы о физической близости балерины и Цесаревича, бессознательно ссылаются на «Воспоминания» Кшесинской, которые ничего подобного не содержат.

«Воспоминания» Матильда Кшесинская писала в 60-е годы прошлого века во Франции и вряд что-то скрыла о своих отношениях с Государем. Наоборот: напиши она в стиле дешёвого любовного водевиля — и прибыль от продажи «Воспоминаний» возросла бы в разы. Но измышлениями бывшая балерина не увлекалась, что делает честь достойной женщине, не менее оболганной, чем хозяин Земли русской. «Воспоминания» излагаются по годам. Однако в них — ни слова о близости с Николаем Александровичем. Тем не менее ложь о любовной связи балерины с Наследником прочно осела как в информационных изданиях, так и в головах доверчивых граждан.

И правда: почему обычному читателю не поверить «Аргументам и фактам», поместившим в 2016 году на своих страницах статью Андрея Сидорчика «Грешная Матильда. Как балерина Кшесинская свела с ума мужчин дома Романовых»? Приведём один из фрагментов той публикации: «В январе 1892 года к Матильде в дом прибыл некий «гусар Волков». Удивленная девушка подошла к дверям, а навстречу ей шел... Николай. Ту ночь они впервые провели вместе».

Опровергнем «товарища» Сидорчика: в январе 1892 года в дом к Матильде «прибыть гусар Волков» не мог за неимением у Кшесинской такового. Балерина проживала у родителей — людей нравов крайне строгих. А собственный особняк (Английский проспект, №18) приобрела только во второй половине 1892-го. Фамилия гусара Волкова в «Воспоминаниях» упоминается всего один раз: «Товарищем по полку Наследника был гусар Евгений Волков, которого я хорошо знала. Он должен был сопровождать Наследника в кругосветном путешествии».

Обратимся к «ночам» балерины с Наследником. В «Воспоминаниях» есть лишь одно упоминание о совместной ночи. Приведём его полностью, ибо оно даёт понимание действительных отношений Цесаревича и Кшесинской:

«В один из вечеров, когда Наследник засиделся (!) у меня почти что до утра, он мне сказал, что уезжает за границу для свидания с принцессой Алисой Гессенской, с которой его хотят сватать. Часто Наследник привозил с собой свои дневники, которые он вёл изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах, которые он питает к принцессе Алисе. Он её (Алису) считал наиболее подходящей и что к ней его влекло всё больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение».

Изложенное подтверждает наличие между Матильдой и Николаем Александровичем близости исключительно духовной. Будучи человеком чести, грань этой близости Цесаревич перейти не мог из-за понимания невозможности брака с балериной, будучи наследником престола. Данное обстоятельство подтверждает и Кшесинская: «Чувство долга и достоинства было в нём (в Цесаревиче) развито чрезвычайно высоко». Отсюда любовный роман балерины и Наследника с переодеванием — абсолютный вымысел.

Между прочим, статье в «Аргументах и фактах» годом ранее предшествовал документальный фильм «Матильда Кшесинская. Загадки жизни». В нём бурная фантазия Елизаветы Горобец — автора сценария фильма — разыгралась куда круче, особенно в описании первого свидания Матильды с Николаем Александровичем. Оно, по фильму, произошло после выпускного экзамена Кшесинской в Императорском театральном училище в марте 1890-го. Тогда, как известно, экзаменационное выступление балерины понравилось Александру III, и он посадил Матильду за стол рядом с собой и Наследником престола.

К слову сказать: эпизод с Царём-миротворцем в документальном фильме единственный, где его создатели почти не лгут. Почти: ибо шутовское, с улыбкой, обращение Александра Александровича к юной Кшесинской: «Смотрите, только не флиртуйте слишком», ими мерзко перевернуто в угрозу Императора семнадцатилетней девушке.

Далее зрителям откровенно вешают лапшу на уши. Оказывается, после короткого общения за столом влюбленный Николай Александрович стал засыпать Кшесинскую драгоценными подарками. «Матильда рассказала своим подружкам по училищу, как за ней красиво ухаживает Наследник престола. Кто-то из девушек позавидовал, кто-то посмеялся над её хвастовством. «Держу пари, — воскликнула Матильда, — Николай будет у моих ног!».

В фильме ведущий рассказывает о первой личной встрече Матильды Кшесинской с Цесаревичем, как будто находился рядом. Кшесинская возвращается со сцены в гримёрную и «вдруг чья-то рука схватила её за лодыжку. Балерина потеряла дар речи и даже не сумела позвать на помощь. Матильда не знала, чего ждать от наглого поклонника, и с ужасом смотрела, как он неуклюже выбирается из-под стола. Незнакомец снял парик и очки, и Кшесинская поняла, что причина для паники нет. Перед ней был Наследник престола». После чего завязывается бурный роман, и Николай Александрович теряет голову от любви к Матильде. Александр III

в гневе на сына упрекает его: «Стыдно из-за женщины забывать о державе» и отсылает Наследника на крейсере в Японию.

Описанное — развесистая клюква. Не осыпал Цесаревич Матильду бриллиантами и жемчугами, не было любовных встреч, парика, хватания за лодыжку под столом и клятв перед подругами юной балерины. Не отправлял Император Наследника в Японию из-за того, что тот «забыл о державе».

В подтверждение сошлёмся на «Воспоминания» реальной Кшесинской. В них она рассказывает о своих встречах с будущим Императором после выпускного экзамена — до отъезда того из России. На самом деле Матильда видела Николая Александровича лишь несколько раз в общественных местах.

«Дня через два (после экзамена) я шла с сестрой по Большой Морской, как вдруг проехал Наследник. Он узнал меня, обернулся и долго смотрел мне вслед».

«В другой раз я шла по Невскому проспекту мимо Аничкова дворца, где в то время жил Император Александр Третий, и увидела Наследника, стоявшего со своей сестрой. Опять неожиданная радостная встреча. Случайные встречи с Наследником на улицах были еще несколько раз».

«Мои мечты сбылись. Не только в первый день, но и на всех представлениях Наследник приходил на сцену и разговаривал со мной. Со времени училищного спектакля я мечтала снова увидеть его хоть издали, и теперь, когда могла даже говорить с ним, я была бесконечно счастлива».

«В это лето я раз была в Петергофе у Маруси Пуаре и весь день надеялась встретить Наследника на прогулке, но этого не случилось. Настал печальный день отъезда Наследника в кругосветное путешествие».

Вот и всё, что было! Добавим к изложенному: встречи (обычные, не любовные) Николая Александровича с Матильдой Кшесинской практически прекратились после вступления Цесаревича на Престол и сочетания браком с Александрой Фёдоровной в 1894 году. Безусловно, Кшесинская любила Государя. Однако, повторимся, то была любовь, не переросшая в нечто большее, чем духовная связь молодых людей.

Но если в документальном фильме проскальзывали хоть какие-то незначительные подлинные детали из жизни балерины, то в «Матильде» Алексея Учителя отсутствует даже малейший намёк на историческую реальность, подменённую примитивной пошлостью.

Начнём с того, что Цесаревич на экране появляется в виде грузного мужчины лет пятидесяти с бородой и одутловатым лицом человека, явно злоупотребляющего спиртным. Одет почему-то в генеральский с эполетами мундир голубого цвета, какой носил

шеф корпуса жандармов Александр Бенкендорф. Между тем Николаю Александровичу в 1890-м (речь об этой дате) исполнилось всего двадцать два года. Бороды молодой Наследник ещё не носил и был в звании гвардейского капитана.

В фильме есть сцена пародийная, когда наследник престола показан сверху обычных строительных лесов в сиянии огней. Да, обычных примитивных строительных лесов, какие, вероятно, авторы фильма арендовали у строительной фирмы. На лесах водружены и свисают полотнища государственных бело-сине-красных флагов Российской Федерации вместо императорских: чёрно-жёлто-белых. Внизу, к стоящей под лесами Матильде Кшесинской подвозят на инвалидной коляске (!) Александра III. С неё Император обращается к балерине: «Береги его!»

Комментировать подобную ахирию нет смысла. Конечно, можно посмеяться над дешёвой кинохалтурой. Но речь о Государе, зверски убитом с членами семьи и верными слугами. Речь о Святом и об оболганной истории нашей Родины. Поэтому противостояние Натальи Поклонской «Матильде» Алексея Учителя — это не борьба с фильмом. Это борьба за историческую правду, за духовные основы общества.

В действительности всё куда глубже, чем спор о качестве киноленты. Яростные нападки на Наталью Поклонскую отражают самый сложный процесс перехода от состояния нахождения в нежизнеспособном либеральном идеологическом болоте в страну с идеологией тысячелетней России, востребованной народом. Процесс, без сомнения, позитивный и созидательный. А все рассуждения о непродуктивности возврата к прошлым символам — циничная демагогия. Государственная идеология как продукт многовекового развития на пустом месте не возникает, но всегда базируется на прошлом, эволюционируя в настоящем.

Безусловно, правовая оценка фильма — дело органов власти. Идти в кинотеатр на просмотр «Матильды» или нет — решит каждый самостоятельно. Но вот что сказал по этому поводу глава Чеченской Республики: «Как мы можем говорить о величии нашего Отечества — России, если не оставим неочернённой ни одну страницу её многовековой истории? Назовите хотя бы одного императора, хотя бы один период в истории России, которые оставлены светлыми. Чем в этой ситуации должны гордиться наши потомки? В Чечне и так не станут тратить время на просмотр безнравственного, бездуховного и аморального по отношению к своей Родине фильма. Уверен, что и в других регионах фильм не найдёт зрителя». Остаётся только присоединиться!

ПЬЯНЫЙ ДОМ

РАССКАЗ

Пришли светлые лёгкие ночи. Возле реки пели соловьи перед зарёй. По улице бродили парни с гармошкой и с ними девчата в белых немеркнущих платьях. Казалось, вся деревня не спит, блуждает в смутном празднике. Видно, каждый ждал себе перемен, думая, что дорогое приходит только весной.

Не спал и Сёма Лисихин. В мае ему исполнилось сорок лет, но люди всё ещё звали его Сёма, а в голосе стояли не то усмешка, не то сожаление. А мне исполнилось тогда пятнадцать — пора зари, света, когда мир кажется пронзительным и понятным.

К вечеру надевал Сёма белую рубаху, выпивал водки и приходил к нам на лавочку.

— Уважаю. Книги читаешь. Ну-ко, кто выше — царь или король?

— Царь.

— Врёшь. Одно семя. А скажи «окунь» в женском роде?

— Окуниха.

— Садись — пять! — Хохотал Сёма, шёл дальше и запевал: —

ПРОЗА

«Деньги есть — Иван Петрович, денег нет — Иван...» — Заикался и раздирал рубаху от шивороты вниз. Начинал кататься по дороге калачиком и выть.

К нему подошла жена Зоя с папиросой в зубах. Как у всех курящих женщин, в лице у неё угасло тёплое, тихое, выступило сухое, мужское, и голос стал груб и обрывист.

— Родной, здорово! — кричала она Сёме издали и потихоньку к нему подвигалась. Поднимала его за плечи, морщась от непонятной боли, не выпуская папиросы.

Сёма шёл с ней покорно и усмехался. Она была его выше и тоньше.

На другой вечер — опять ко мне:

— Окуниха, в Америке живут цыганы?

— Не знаю.

— Помножь двадцать на пятнадцать!

— В уме, что ли?

— Чему вас учат...

Не знал я — зол он или ласков. Как-то пьяного его застала Зоя в конюшне и закрыла. Сама ушла в гости. Вначале он спал, потом открыл глаза, ужаснулся — в каком-то колодце.

— Спаси-и-и-те!

Сбежались соседи. Я тоже подошёл. Сёма рушил локтями двери. Вдруг узнал мой голос.

— Окуниха, где я? Зочка!

Я выдернул из засова палку. Он вышел печальный, стал курить.

Другой раз по дороге он запнулся об ушибленного голубёнка, потрогал его сапогом, задумался:

— Окуниха, иди-ко.

Я подошёл.

— Жизнь моя эка же. Не подберёт Зойка — никто не запнётся.

Голубёнка унёс домой. В ту светлую весну он особенно пил. Однажды подошёл трезвый:

— Окуниха, мне ночами весело!

— Как это?

— Глаз открою — Зойка из моей бутылки тянет, другой открою, вижу — ревет... Хэ-э, может, и не весело. А дом сотру. Пьяный дом...

Потом пить стал меньше. Из плотников его перевели в трактористы. Поднимали пары, людей случилось в обрез, а Сёма сызмала знал все работы.

К вечеру он пригонял трактор к дому, надолго пускал мотор и зажигал фары. Подходил ко мне и предлагал папиросу. А тот вечер особенно помню. Началось опять с папиросы.

— Мужик-о-ом будь, Окуниха. Прокоптишь тело — простуду не пустит... Эх, был бы сынок у меня!.. А был. Был сынок-то. Ты не помнишь — тебе он не ровня. Почему вокруг тебя кручусь, а? Догадайся?.. Васька на тебя сшибал, одно обличье... А на другого Зое не подняться, что-то сломалось...

Сёма курил, далеко сплёвывая, ресницы тихо мигали. По белому полю рубахи бегали мошки. Медленно темнело. Пролетела длинная бесшумная птица. После неё стало темней и глуше. В конце улицы раздался голоса, и Сёма вздрогнул, приподнялись плечи.

— Теплынь-то! Травы возьмутся. Поди, корову завести, Окуниха?.. А зачем? Жизнь моя зачем? Корень есть — отростелей нет... Умрём с Зоей — и кончатся Лисихины. И земля не соскучится. Э-эх, да-а... А Вася утонул. Семь годов было... Хорошенький рос. Ну не то чтоб, а из страшных-то выпал. Брови кругленькие, всё босиком бегал. Мать обует, а он сбросит... Добегался, поди уж, косточек нет... В половодье под ним яр подломился — подмыло. А он на кромку лёг — рыбок высматривал... Так и не нашли — не вынесло... А ты у нас был, Окуниха?

— Ни разу.

— Как? Пойдём!

Вот и дом Сёмы. В избе у стола сидела Зоя, курила, лицо уже красненькое и глаза блёклы. В длинных скатанных в потные проволочки волосах таился обрывок ленты. Лента была чужая на Зое, непонятная. Глаза метнулись в меня, напугались, но Сёма успокоил:

— Свои!

Пол не мыт, в углах — серая темнота, тошный запах. Потолок коричневый, но краска слиняла. На столе лежал на боку стакан, травинку бутуну держала Зоя в руках. В ноги мне кинулась тощая синяя кошка, заняла, глаза ее голодно сияли.

— Вот наши дворцы, — ухмыльнулся Сёма и побежал заглушить трактор.

Зоя, чувствуя себя на минуту хозяйкой, поднялась с лавки, пошатываясь, принесла стул.

— К нам гости не ходят. Не зовём — и не ходят. Мать-то выздоровела? — вздохнула Зоя и, вдруг побледнев, выдернула из волос ленту.

Мать мою топтали кони. Шла с вёдрами с Тобола, вдруг — сверху табун. Упала — и прямо им под ноги. Лежала неделю, но отлежалась.

Я ответил, что выздоровела. Зоя опять вздохнула — спросить больше нечего, но вернулся Сёма.

— Окуниха, будь гостем. Водку не пьёшь?
— Полно, Сёма-а, — вmeshалась Зоя.
— Ну, шучу. Люблю это... Ну-ко — может кошка прожить сорок лет?

— Сё-ё-ма...

— Давай, Окуниха, телевизор заведу. Купил от бессонницы. Песни любишь? Ну, конечно!.. Я цыган люблю. Только редко их допускают. Все песни в тоске, а хорошо. И хорошо, что на свете живут цыганы-то. Бывало, падёт в голову — побродяжил бы... А что? Ветерком бы обдуло — и болезни бы мои сникли. Как это? «В шатрах изодранных кочуют...» Цепкий народ, и весело им. Нам вот не весело.

— Сёма, сбавь обороты.

— Не вяжись, Зоя. Он на Васю похож — с ним можно... Иди-ко сюда! — Он повёл меня в комнатку напротив.

Зоя вцепилась ему в локоть, глаза выкатились, лицо скосило.

— Зойка, ему можно.

— Не скверни!

— Ему можно!

Зашли в комнатку. Он свет включил. Зоя потихоньку ревели. На стене висел портрет в белой рамке: мальчишка с длинными глазами в тёмной рубашке. Лицо круглое, выпуклое, вместо ноздрей чуть заметные точки. На столике лежит букварь и открытая с пряжками сумка. Рядом — вся школьная форма и крупная с сухим козырьком фуражка. Возле сумки валялась рогатка из красной резины. В углу — маленькая кровать под ярким серебристым одеялом, с окна спустилась длинная тюлевая занавеска, достала до пола. Пол выскоблен до синевы и мерцает.

— Васина комната. А вот он, — сказал Сёма, показав на стену. Осторожно присел на стул и прикрыл глаза ладонью.

— Оставили, как при нём... — Голос Сёмы дрогнул, напрягся, Зоя отвернулась к стене.

— Оттого, и пью, что сон смешался. Ночью глаза закрою, а в комнатке Васин голос вдруг возникает. Ножками стучит, по полу ходит. То начнёт: «Папка! Папка!..» К двери подкрадусь — нету голоса, Васи нету. Только лягу — опять ножками топочет... Выплю её — и полегче. И зимой бывает легче... А весна придёт — он в мае утонул, — каждую ночь блазнит... И Зою стронул. Гляди — всё курит. Теперь не родит — ведро пустое.

— Не задевай! Ты меня не задевай! Сам — ведро, нальёшься и бродишь... Сколько раз сама за Васенькой не ушла! Сколько земли в лесу съела... Сколько цветиков в воду бро-

сила! Не прибрали Васю к земле — потому и родить не могу... Ну что ты?! Ну, режь, коли меня! Ищи другую... И то бы легче, хоть был виноватый... — Зоя пала на стол грудью возле Васиной фуражки, тряслись плечи, и в горле клокотало.

— Зоя, тише, тише. Не одни же. Вот уйдёт — наревёшься... Мне других баб не надо...

Он принёс в стакане воды. Зоя взяла его двумя руками, стакан чокал о зубы. Со стены глядел на нас строгий спокойный мальчик, казалось, он прищурился, а ресницы шевелятся. Походил больше на Зою; говорят: сын — в мать, дочь — в отца. И здесь было так же. Я старался его припомнить, представить, но в памяти билось что-то смутное, белое: ночная рыбалка далеко в лугах за Тоболом, и нас много, и сидим у костра, ломаем руками красные арбузы, лениво жуём мякоть, а корки — в огонь, и он тухнет, а дым белый и высокий; уже август, и ночи страшно темны и огромны, а рядом со мной этот мальчик ловит в бадь чебаков и гладит ладонью. Был он с другой улицы, и я с ним не играл. А то катались давно на лодке, и опять он вроде был с нами. Свесился вниз головой и усталился в воду, кто-то из нас взбесился, раскачал лодку, мы галдели, а он посинел, напугался, волосы у него были короткие, белые, с низкой чёлкой. Но я не знал, был ли тот Васей.

Сёма тихо тронул меня за щёку:

— Будь мужиком, не дуйся. И за допросы не дуйся. Увижу тебя — в голову бросится: и Вася бы наш уж читал книги. Пять ведь годов прошло... Поди, и знал бы тебя больше... Дай-ко, думаю, над Окунихой поизгаляюсь — больно учёный, скоро очки прицепит... А дом свой разметая! Зачем эти гнилушки?! И начнём сызнова. Всю тоску — в землю... Может, и другой народится. На новом-то месте...

— Не чуди, Сёма. И так выселить прозятся. Пьём ведь. Людей обозлили. Вырежут бельмо...

— Зоя, не надо! Не надо! — Сёма снял рубаху, остался в майке, взглянул на меня в упор и улыбнулся:

— Ну, нагяделся. В другой раз не поманит. Телевизор не надо?

— Нет.

Я вышел на крыльцо. Ночь стояла спокойная, с высоким небом. За спиной стукнули двери. Оглянулся — Зоя держит в руках свёрток, закрытый полотенцем.

— На, поешь дома. Пирог с окуньками. Сёма по утрам сети ставит. И Вася наш радел порыбачить... Да не сердись ты на нас, мы не худые — подшибленные... Родишь своих — узнаешь. — В полутьме Зоины глаза раздались и блестели. На голове белелся платок, в голосе угастро больное.

— Ты забегай к нам. Хоть поглядим...

Я вышел за ограду. Улица пустая. Дорога привела на берег. Вода белёсо лилась под луной, она только поднялась, и свет её был нестерпимо ярок. На другом берегу в роще кашляля кони. Они паслись у самой воды, было видно, как лоснятся под светом их спины и переступают задние, свободные от пут ноги. Рядом с ними играла в лодке гармошка. Только стихала — начинали скрипеть уключины, хлюпала вода, и брызги от вёсел были тоже видны. В лодке сидели парень и девушка, они часто смеялись. Лодка медленно уплыла, и река стала совсем свободной, бесшумной, а вода сверху казалась твёрдой и гладкой: наступи — и удержит. Нынче не знали половодья. Талица прошла быстро, да и снегу было — лошади по запятки. А тогда река бесилась, взгоняла лёд, и льдины качали берег. Думалось, что я совсем вспомнил Васю, но в голове опять поднялся недавний чужой мальчик в твёрдой фуражке, глаза просты и серьёзны. Лодка вернулась, тишина двинулась, и сильно заржали кони.

Та ночь длилась долго, луна лезла в окна, а рассвет начался с тёплого розового огня, который заполнил всё небо и полыхал над землёй, над деревьями, а у домов родились новые острые крыши.

Вечером к лавочке снова подошёл Сёма, странно весёлый, но под этим стояло смущение.

— Что за день вычитал? — И, не дождавшись ответа, тихо сказал про себя: — А дом свой сотру. И всё по новой...

— Ты серьёзно?

— А что? Дом другой поставим. И сын другой будет. Всё сызнова будет!

— Был Сёма трезв и спокоен, смотрел прямо, не мигая, и походил совсем на молодого парня.

— Пора, Окуниха, жить по-людски. Горем сытёхоньки.

— А зачем дом уничтожать?

— В старом омуте не дышится. Душу надо сместить, стронуть... А домишко таковский, ничего не стоит. Я ж плотник! Такой отгрохаю, с тремя дверями... Да и молодые ещё. — Мне-то сорок, а Зое и того — нет... Да! Обрежу пуповину. В землю зарю, с землёй сровняю. — Он ушёл прямой и значительный, распугивая гусей по дороге.

Тёмная, душная мысль осталась после него и пугала.

Тот день начался с тёплого дождика, с тихого постукивания капель по окнам. Но прошли тучи, поднялось спокойное утро. Прошла Зоя к себе на ферму, прошумел Сёмин трактор — поехал на пашню. Шарахнулись от него гуси, по-змеиному склонив шеи, залаял вслед весёлый

шенок Борзя. Улица осталась пустая, тихая, от домов поднялись глухие тени.

Сёма вернулся рано, подогнал трактор к дому и заглушил. Обтёр радиатор тряпкой, вытер руки, шея была решительна и неподвижна. Спускался вечер, но до полных сумерек ещё далеко, и улица пустынна, как днём. Сёма зашёл на крыльцо, долго обтирал о порог ноги и оглядывался по сторонам, не видя меня. Пробыл долго, но вышел в чистой белой рубаше и в новых брюках, сапоги блестели от щётки, потом выглянула из ворот Зоя, тоже вся в новом, похожая издали на длинную узенькую девчонку. Сёма, почувствовав меня, засвистел весёлое, но сразу стал совсем утомлённым и тощим, рубаха обтянула низкие плечи. Зоя пошла от дома направо, не оглядываясь, длинные ноги слегка покачивались, высокая причёска от ходьбы дрожала. Сёма смотрел ей вслед, носок сапога постукивал о землю, руки заползли в карманы. Зоя свернула в проулок, Сёма залез в кабину и тут увидел меня.

— Окуниха, родной, включаю!

Мотор застучал, трактор крутнулся, встал лицом к дому. От лица Сёмы метнулся ко мне страшный свет, я бросился к трактору, закричал, замахал руками. И от этой молнии, от бьющейся в голове крови я сначала ничего не понял. Передняя ко мне гусеница уже сшибла угол, стена качалась, мотор ревел из последних сил, белая рубаха прыгала в кабине. Стена рухнула, высоко взлетела сухая извёстка, из кабины орал Сёма:

— Не лезь, придавит!

Крыша, ещё живая, скрипела, сползая туда, где стояла стена, гнилые стропила дымились. Трактор рвануло вперёд, он полез, как на гору, от извёстки запахло едким и горьким. Уже кричали люди, смешались матюги и угрозы, кто-то хватался за дверцу, Сёма бил сверху кулаком, шерил зубы. Трактор легко повернулся на месте — люди сзади отпали — и опять бросился вперёд, огромный, широкий. На землю легла крыша и развалилась, к ней подбежали люди, а трактор, свободный, весёлый, закрутился на месте, под ним вспыхивало и трещало. Завизжала чёрненькая бабёнка:

— Вон телевизор-то!

Все взорвались, загалдели, в проём кабины вылезла голова Сёмы и засмеялась, а трактор ринулся вперёд, но наткнулся на печку, взлетела вверх сажа — и мотор стих. В одну гусеницу впиалась алюминиевая кружка, в другой трепыхалась цветная тряпка, рядом поднялась на дыбы кровать, совсем целенькая, дикая в своей позе. Кто-то крикнул:

— Слезай, приехали!

— Остуди горло! — откликнулся Сёма и вышагнул из кабины. Он стал земляной и чёрный, по щекам тёк пот, оставляя канавки. Вытерся рукавом, огляделся. От развалин вилась дымок, всё улеглось, замерло, только в соседней ограде шумели гуси. Сёма резко спрыгнул на землю, побежал на народ, но вдруг опустил кулаки и согнулся.

— А, сволочь, налил глаза-то. Видно, легко наживал.

— За милицией айдате. Он всех спалит!..

Сёма печально улыбнулся, тихонько прошёл возле трактора, сел не опечек. Поманил меня глазами, сказал чуть слышно:

— Не горюй, Окуниха. Ещё заживём. Немного глупый народ...

Был он странно спокоен: вытер лицо платком, обмахнул сапоги и застегнул ремень потуже.

Вдруг вокруг стихли. В улице показалась Зоя. Она не спешила. Её нарядное платье ударило всех жалостью к ней — видно, ничего не знает. Сёма поднялся с опечка, притворно охнув:

— Жизнь моя тяжёлая — пуда полтора.

Зоя подошла к Сёме, посмотрела долго в глаза и положила ему на плечо руку:

— Всё к лучшему. Ночуем сегодня у родни.

Он взял её руки в свои, но ладони у него были чёрные, в саже, и он их сразу отдёрнул, боясь замарать Зою. У ней блеснуло в глазах светлое, росное — и закрылась платком. Мужики молчали, уж никто не ругался, бабы плакали в платки и сморкались. Давно пришли сумерки, домой возвращались коровы, наткнувшись на толпу, мычали, чуя запах беды. В небе низко пролетел самолёт с красным огоньком на крыле, и коровы замычали сильнее, залаяли с восторгом собаки. Вздрагивал маленький тополь, не срубленный трактором, может, это просто росли его листья, вытягиваясь от тепла. И вдруг Сёма озорно и резко шагнул в улицу, ударил кулаком по голенищу:

— Пропади земля и небо — я на кочке пролежу!

Люди опять всколыхнулись, ненавистно загудели, подошли ещё мужики и стали тревожно переговариваться, показывая руками на Сёму. Он стоял весёлый и дикий, глаза счастливо горели, из одного сапога выдернулась штанина, и вместо сапога образовался ботинок. Носок его стучал по земле, казалось, Сёма сейчас накануне разгула и пляски, да и руки сошлись скобкой выше пояса, взад и вперёд бегали локти. Гул усилился, подъехали пастухи на лошадях и смотрели

на Сёму сверху, сплёвывая слюну от папирос. В круг вышла Зоя и, как на собрании, подняла руку:

— Давайте по домам. Сёма с моего согласия...

Все подумали — с ума Зоя стронулась. К ней боязливо приблизились бабы, в глаза заглядывали из-под низу, и шеи у них вертелись, ища какой-то себе поддержки. Далеко, в конце улицы, затарахтел мотоцикл, вспыхнул световой луч, больно резанув по глазам.

Из мотоцикла вышел участковый милиционер Александр в форме и с кобурой на бедре. Он сделал два шага, высоко откинул ладонью фуражку, но она вцепилась в затылок.

— Кто воевал, ну?

— Сёму арестуй, Александро!

— Возьми верёвку. Он ненадёжный.

Верёвка явилась новая, её подали пастухи — она оцетинилась на свету жёлтыми волосками на сгибах. Александр брезгливо покосился на неё, тронул кобуру пальцем, достал портсигар и звучно им хлопнул. Сёма чиркнул спичку и поднёс огня — глаза его всё ещё влажно блестели. Александр, взглянув в них, попросил верёвку. Сёма картинно вытянул вперёд руки и надул губы:

— Пленяйте, гражданин начальник.

Александр виновато улыбнулся и отступил:

— Что, не впервой сидеть?

— Не сидел и не собираюсь.

— А дома сшибать собираешься?

— Наше дело неподчинённое. Не арбузы украл, — посерьёзней Сёма.

Стали кричать:

— Александро, не слушай лекцию! Он имущество погубил!

— Тури его в сельсовет!

— Ноги вяжи тоже! Исполняй! Ты на работе!

Сёма помог, как мог, замотать себе руки, по-солдатски печатая шаг, подошёл к коляске. Сиденье качнулось под его телом, сел, высоко выпрямив спину. Опять по глазам стрельнул свет, мотоцикл развернулся. Громко закричала Зоя, всхлипывая, махая руками, бросилась вперёд, но упала в пыль. Потом поднялась, оправила платье и медленно двинулась по улице. За ней увязалась та чёрная бабёнка, Зоя круто обернулась:

— Отстань, я к Сёме.

Ночь направилась светлая. Поднялись высокие синие звёзды. В клуб как ни в чём не бывало пошли парни с гармошкой, но говорили только о Сёме. Потом ночь схоронила

все звуки, и встала луна. Развалины всё ещё дымились,azole них ходил с ружьём сторож от сельсовета в длинном широком пальто.

В ту ночь снился мне белый мальчик в школьной фуражке. Александр вязал ему руки, но мальчик смеялся и одновременно плакал.

Через месяц я уехал в город поступать учиться. Потом слышал, как Сёму судили, как Зоя умоляла районного прокурора, рассказывая о Васеньке, о своей женской беде и доброте Сёмы. Суд выезжал в деревню, свидетелей пришла вся улица — где взяли столько бумаги для протоколов? Сёма держался хорошо, отвечал на вопросы плавно и подолгу, но всё равно его осудили условно на год.

Время проходит быстро. И трудно сохранить чистое, ясное сердце для всей, хоть и короткой, но всегда неожиданной жизни. Судьба посадила меня в город, в каменные стены без травы, без деревьев. Но как придёт весна, встанут тёплые белые ночи — всё о Сёме думаю, ударит и засверлит в голове его насмешливый голос: «Здорово, Окуниха!» — и скрутит горло от давней боли за них. «Что с вами, Сёма, Зоя, построили ли дом, родили ли сына?..»

АТУЛАЙ АТУЛАЕВИЧ

РАССКАЗ

Пролетев по гальке обочины вдоль длинного хвоста автобусов, фур, иномарок, самосвалов, скопившихся перед развилкой, водитель-узбек погнал маршрутку по свободному шоссе, не отрывая мобильника от уха. Замелькали прогоны штакетника, сетки-рабицы, разгороженные дворы безлюдных деревушек. Среди охваченных молодой зеленью тополей и рябин смиренно выглядывали стареющие домишки. В отдалении виднелись трёхэтажки разорённых совхозов. По этой дороге, летом, на каникулах, они не раз гоняли с Игорем на мотоцикле на Щучье озеро...

До райцентра оставалось километров двадцать, в запасе почти час, но тревога щемила и там, в городе, и здесь, среди зеленеющих полей. От встречи, назначенной месяц назад, зависело много.

Строительство жилья — дело дорогое, рискованное. Как ни пытается власть удешевить эти заветные для многих горожан квадратные метры, ничего у неё не получается. Причин много. Но главная — к строителям, в том числе и к тресту «Жил-

ПРОЗА

строй-7», где Елена Александровна работала заместителем директора, мало-помалу прилипло столько сторонних организаций! Каждая предлагает свои услуги, выполнение их затягивается, а деньги, немалые, плати в срок. Захочешь обойтись без этих контор-прилипал, строительство остановится, можешь обанкротиться, вылететь в трубу.

Одна из таких организаций, которую ни объехать, ни обойти, — «Росреестр». Раньше с ней приходилось встречаться в конце строительства, после подписанного уже акта государственной комиссии; регистрация была формальностью, без придинок и вопросов. Теперь же отношения строителей с чиновниками-регистраторами начинались с первых колышков на зелёном лугу. «Росреестр» и раньше затягивал сроки, волянил, долго не выпускал документы, но главный документ, акт государственной комиссии о приёмке объекта, был уже подписан. В новых условиях, когда этот самый «реестр» стал фигурой решающей (именно ему предписывалось регистрировать все договоры с дольщиками), строителям, как говорится, пришёл кирдык. В президентском указе дольщикам, покупающим квартиру в недостроенном доме, предписывалось после заключения договора зарегистрировать документы в этом учреждении. Только потом подрядчик мог получить деньги. Взял раньше — штраф, да такой, что дальше можешь не строить.

Срок регистрации пять дней. Почему пять — никто из руководителей и крупных строительных компаний, и средних, как «Жилстрой-7», толком не знал. Указы верховной власти не обсуждаются. На деле всё происходило так. Чиновники принимали бумаги, держали у себя месяц-полтора, а потом возвращали документы в окно, как неправильно оформленные. Дата на проверенных листах давняя, а в соответствии с указом должна быть не позднее пяти дней. Тому, кто возмущался и жаловался, срок мытарств удлинляли. Случалось, дом построен, готов, а первые договоры с дольщиками «зависли» где-то в чиновничьих кабинетах.

«Жилстрой-7» возводил дом в одном из посёлков области, его уже готовили к сдаче. Ни один договор ещё не подписан, денег для зарплаты строителям нет... Узнать причины волокиты невозможно: в целях «борьбы с коррупцией» пакет с документами сдаётся для проверки дежурному в окно и из этого же окна возвращается. Ничего не добившись от мелких начальников, Елена Александровна рискнула записаться на приём к *самому* — районному руководителю этого «реестра». Встречу назначили через две недели, потом, ссылаясь на занятость государственного лица, перенесли на неделю, ещё на неделю... Наконец, дату утвердили окончательно.

За годы, пока Елена Александровна поднималась от инженер-сметчика до нынешней должности, в чиновничьем мире произошли крупные перемены. Начальник-«демократ», вчера ещё рубаха-парень, прорвавшись наверх, занимал кресло, обжился в кабинете, стал самостоятельным бароном, окружённым многочисленными услужливыми помощниками. Производственников-работяг обложила всемогущая каста.

...От остановки маршрутки до чиновничьей конторы кварталов пять. Опаздывать нельзя. Не позвонила даже домой, Максиму, узнать, как температура. Уходя, не стала будить, пусть поспит. За три дня до экзаменов привязалась ангина. В девятом два обязательных: литература и математика. С литературой ничего, а с математикой надо бы позаниматься. Через месяц шестнадцать. Обычно Игорь (старший) накануне звонит ему, решают, где встретиться, в кафе или в парке... Домой не зовёт, там двойняшки-дошкольники. Жена против, чтобы братья встречались...

Спешила зря. Молоденькая секретарша с распущенными волосами, одна, без посетителей, в просторной приёмной, с деловым видом постукивала по клавишам компьютера.

— Ждите. Должен быть.

Елена Александровна направилась к диванчику у журнального столика.

— Нет, нет, ждите в коридоре. Нечем дышать...

Монитор повёрнут так, чтобы посетители не видели экрана, но Елена Александровна, как вошла, заметила мелькнувшую картинку: пальмы, пляж, рослый красавец в плавках...

В узком коридоре рядок продавленных стульев. В торце — решётка, окно с открытой наружу форточкой. Двенадцатый час, пора будить. Мобильник последней модели, приходится следить за собой — по одежке встречают... «Абонент выключен или находится вне зоны обслуживания». Повторила... Парень загружен, не бездельничает, два раза в неделю спортзал, бассейн, а может, просмотрела что, с пяти лет без отца...

«Не отвлекайся», — дала себе команду, главное сейчас уладить с документами, подписать договора, получить деньги на завершение строительства. Максиму обещала после экзаменов куртку, джинсы, смартфон...

В другом конце коридора мужской туалет, узкая лавочка. От зарешёченного окна к этой лавочке, мимо двери с огромной вывеской «Начальник районного отдела «Росреестр» Атулаев Атулай Атулаевич». Промаявшись полчаса в коридоре, заглянула в приёмную. Долго ещё?

— Он здесь.

Значит, в кабинет начальника, помимо приёмной, есть другая дверь.

Из мобильного секретарши — музыка. Отвернувшись от посетительницы, девушка весёлым голосом, намёками, стала вспоминать вчерашнюю пирушку.

Елена Александровна сделала два шага к массивной двери. Секретарша, с мобильником в руке, моментально перекрыла доступ.

— Куда? Я же сказала — ждите!

— Что вы себе позволяете? Почему на меня кричите?

Повидав всего и среди строителей, и среди чиновников, Елена Александровна могла твёрдо, с достоинством осадить зарвавшихся.

— Не указывайте мне! — отрезала девушка.

Елена Александровна не отступала.

— Я обязана доложить. Отойдите!

Дверь вдруг приоткрылась.

— Что за шум?

Зелёные глаза из-под набрякших век глядели сонно, равнодушно. Смуглый, небритый, средних лет, заметно толст. Льняной костюм, на размер-два больше, чем надо, мятый, неглаженный. В клине расстёгнутой рубашки витая золотая цепь.

— Что за шум?

— Я к вам записана на приём... — в меру приветливо-требовательным взглядом Елена Александровна пыталась пробиться сквозь эту сонную муть.

— И что, надо орать?

«Не срывайся, так здесь заведено, у них власть» — Елена Александровна держала, готовая к докладу, папку перед собой.

— Я не шумела. Я сделала замечание вашей сотруднице, что нельзя на посетителей кричать.

— Посмотрите на неё! — Секретарша не выключала мобильник, и вся перепалка летела в эфир.

— Входите. — Начальник грузно повернулся и на ходу, через плечо, бросил. — Десять минут. Я уйду.

У окна — письменный стол с пачками документов. Одна стопка отдельно, на ней массивная чёрная ручка с золочёным колпачком. Ближе к приставному столику для посетителей — держатель визиток с гербом России. Над огромным креслом, как заведено в таких кабинетах, президентский портрет. У окна, на тумбочке, монитор без клавиатуры. Длинный стол для совещаний, вдоль стены, завален как попало газетами, журналами.

Сбоку от хозяйского кресла открытая дверь в комнату отдыха. Угол дивана, круглый столик, заставленный тёмными и светлыми бутылками.

Всё это Елена Александровна охватила разом, на ходу, направляясь к столику для посетителей. «Где я могла видеть его?.. Каждый день столько встреч на стройках, в кабинетах, на совещаниях. Или, может, — в стройотрядах, на уборке картошки, на практике?»

Хозяин кабинета, прикрыв дверь в личные апартаменты, бесцеремонно развалился в кресле.

— Слушаю. Кто вы?

Елена Александровна представилась. Визитку не дала, выбросит.

— А-а-а...

Что означало это «а-а-а»? Нажав кнопку на пульте, Атулай Атулаевич попросил кого-то к себе.

Минута, две... Неловкая, странная тишина. Начальник не избражал никакой работы, как будто в кабинете был один; отталкивался слегка руками, затем подтягивался к столу. Кресло, ламинат под колёсиками поскрипывал, сонный взгляд странствовал за окном среди цветущих кустов шиповника.

Наконец появилась дама в красном коротком пиджаке и светлой юбке, заместитель начальника. Елена Александровна была как-то у неё на приёме.

— Вот, посмотри, Валентина, — фамильярно обратился начальник к сотруднице, лет на десять старше его. — Претензии.

Заместитель ждала указаний.

— Посиди, Валентина, — небрежно махнул рукой чиновник, и, повернувшись к посетительнице, кивнул:

— Слушаю.

— Атулай Атулаевич, наш пакет документов уже пятый месяц у вас, а он идёт по двести четырнадцатому федеральному закону, и сроки его рассмотрения минимальные.

Задача не простая, не начинать с упрёков, не дразнить гусей, и в то же время не отступить, стоять на своём.

— Надо делать всё правильно, а у вас грубые ошибки.

Взгляд оставался всё там же, за окном, ненадолго возвращаясь к делам службы.

— Какие ошибки? — Елена Александровна закипала, но сдерживала себя.

— Мы не юридическая консультация... «Какие ошибки?»... Надо внимательно читать инструкции.

— Вы можете выслушать меня? — Голос сам по себе набирал резкость.

— А я что делаю? Я на вас время трачу. Другие делают правильно, замечаний к ним нет. Тоже мне, контора... Ни мяса, ни шерсти клочок...

— Если я правильно поняла, мы должны вам заплатить?

Набрякшие веки дрогнули, сошлись в ленивый прищур.

— Валентина, ты слышишь? Меня провоцируют на взятку. Да... Я с вами отказываюсь разговаривать. Вы свободны.

— Что же мне теперь — жаловаться прокурору?

Зря бросила, зря, само сорвалось с языка. Нервы натянуты, каждый день споры, стычки. Без отпуска третий год...

— Прокурору? — Повеселевшие глаза смотрели на неё с любопытством. — И вдруг, откинувшись лысеющим затылком к президентскому портрету, Атулай Атулаевич расхохотался, не сдерживаясь. Живот колыхался из стороны в сторону. — Про-ку-ро-о-ру...

Отдышавшись, как после рубки дров, начальник подвёл черту.

— Передайте своему директору, что беседовать я буду только с ним. И ни с кем больше.

Всё рухнуло. Елена Александровна, неожиданно для себя, почувствовала, что впервые за много лет, может здесь, в кабинете, расплакаться. «Неужели такое может быть? Они ничего не боятся. Могут делать всё — оскорбить, унижить, посмеяться... И ничего им не будет. Ничего!» Сколько за эти годы она видела таких — тупых, развязных, самодовольных, малограмотных...

Встать и уйти сейчас ни с чем она не могла.

Елена Александровна сама не узнала свой голос, тихий, просительный.

— Я ничего не успела сказать вам. Почему к нам такое отношение?

Атулай Атулаевич сердито оттолкнулся ладонями от стола, откатился в кресле.

— Она ещё спрашивает, почему... Кто жалобу в министерство отправил?

— Не жаловались мы никуда. Ни в министерство, ни местным.

Атулай Атулаевич повернулся к заместителю.

— Валентина! Они или нет?

Чиновница взяла из рук Елены Александровны бумаги. Просмотрела страницы, помолчала.

— Похоже, другая контора. Всех не запомнишь. Меняют каждый год названия.

— Названия... — Взгляд его снова был там, среди цветущего шиповника. Кусты, густо наполненные зеленью в начале лета, подступали к самому окну.

Елена Александровна отважилась попытать счастье.

— Атулай Атулаевич, у нас всё правильно, ошибок нет. Прошу вас, дайте указание выпустить документы.

Подтянувшись к столу, он встретился с её взглядом, и ей показалось, что где-то там, в краю прожитых лет, далеко-далеко, такой же взгляд устремлялся к ней, близкий и родной.

— Посмотрим. Вам позвонят.

... Забыв свернуть в переулок к булочной, где в очередной приезд брала для Максима рулет с орехами, Елена Александровна вдруг оказалась возле маршрутки на остановке — словно её подждал всё тот же водитель-узбек с неразлучным мобильником. Первые места, где меньше трясёт, были заняты, устроилась в конце и сразу поплыла в дрёме, вечный недосып. Очнувшись от резкого толчка, маршрутки не могут без этого, глянула в окно и ясно, как будто это было вчера, поняла, что здесь, на этом месте, они с Игорем чуть не улетели в кювет. Мотоцикл развернуло в обратную сторону и пошло по встречке. Раннее утро, часов пять, на деревенской улице ни души. Тот же колодец, клён, лавочка...

И в странном единстве с этим клёном, лавочкой, глотками колодезной воды поднялся из глубин времени другой день. Школьный двор, от стадиона аллея с цветущим шиповником, из-за болезни учителя физики отменили шестой урок... В белой футболке, кедах, постукивая на бегу баскетбольным мячом, он приближался к ней, смуглолицый, крепкий. Один взгляд, снизу, от мяча, к ней — застенчивый, робкий, открывающий всего себя. Из параллельного класса, полгода, от зимы до весны, а потом, в десятом, уже не появился. Кто он, как зовут, спросить у подруг не могла, стеснялась.

Куда, в какой океан устремляется всё самое близкое, тайное, тот цветущий шиповник, стук мяча, один-единственный взгляд...

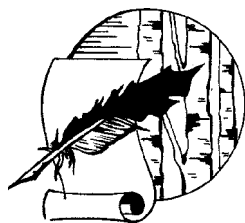
В сумке на коленях мобильник сыграл «Лебединое озеро».

— Мам, ты далеко? Скоро?

— А ты почему пропал?

— Да не пропал, разрядился мобильник... Температуры нет, купи лимон.

Косые нити бежали, ткали на стекле светлое полотно. Начался дождь. Но далеко, за зелёным полем, небосклон розовел, как бескрайняя долина шиповника.

Сергей ЧЕПРОВ

МОЛЮСЬ ЗА РОССИЮ

* * *

Полёт больной кукушки над жнивьём
Тяжёл, как в храме поступь иноверца.
Я знаю, что неправильно живём.
Не по уму. И вовсе не по сердцу.

Я чувствую, что выход где-то есть,
Но кабы знать тот путь, ведущий к счастью,
Я б наизнанку вывернулся весь,
Из кожи б вылез, чтобы докричаться...

Увы, не знаю. Круг на спад идёт.
Ещё немного — птица канет камнем.
Больной кукушки над жнивьём полёт
Слежу. И только развожу руками...

ЧТО ТЕБЕ СНИТСЯ?..

Пьяная «Мурка» нестройного хора,
Шаткие «па» трепака да лезгинки...
Что тебе снится, крейсер Аврора,
В пивом пропахшей утренней дымке?

В юность свою, ожидая сигнала,
Грозное жерло направив на Зимний,
Ты о подобном и не мечтала:
Стать кабаком или магазином.

Были надежды. Была и вера.
Были салюты и встречи в радость:

Юные ленинцы-пионеры,
Фронтовики седые в наградах...

Праздники были крестьян да рабочих.
Палуба светом улыбок искрилась.
А в долгожданные белые ночи
Светлое будущее тебе снилось.

Снилось... Да вышло совсем иное:
Словно воскресли прежние лики...
Наглые толпы буржуев новых
Палубу топчут под пьяные крики.

Тешатся здесь проходимцы да воры,
Те, что в ночи, словно тать, не дремлют...
Что тебе снится, крейсер «Аврора»,
В наше, отнюдь не доброе, время?..

* * *

За сто лет, как вышло на поверку,
Что имели там — находим тут.
Вновь верха поплёвывают сверху,
А низам опять невоготу.

И никто надежду не лелеет,
Песен не поёт: мол, не с руки...
Лица всё угрюмее да злее.
И по кухням громче шепотки...

Заглянул к соседу, между прочим,
Разузнать, как жив да как здоров...
Глядь, а он в сарае вилы точит...
Но к чему, коль нет давно коров?..

ПРАВДА

Всяк над нею может посмеяться,
Преподав жестокости урок.
Словно прокаженную, боятся,
Не пуская даже на порог.

Травят ясным днем и темной ночью,
Петли ставят и спускают псов...

В сытости своей никто не хочет
Слышать детский плач да видеть кровь.

Там, где страшно, — там и непонятно.
А зачем зазря тревожить дух?
Ложь, она красива и приятна.
Тешит сердце и ласкает слух.

Кривда многим, что пустыне — влага,
В знойный полдень — свежий ветерок.
Вот и бродит правда-бедолага,
Как побитый брошенный щенок.

Где без края льются лжи потоки,
Где в глаза друг другу нагло врут,
В мире этом, хитром и жестоком,
Правда нынче, ох, не ко двору...

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

Закаленные школой и жизнью,
Заучили мы назубок,
Что в проклятом капитализме
Человек человеку — волк.

Этот лозунг мы знали твердо,
Как правдивейшую из правд.
А у нас — отвечали гордо —
Человек человеку — брат.

Так на самом деле и было.
Жили, может быть, рая близь.
Но какую-то злою силой
Нас вогнали в капитализм.

Враз сменились и гимн, и знамя.
И, нырнув в бурлящий поток,
Мы на собственной шкуре узнали:
Человек человеку — волк.

Жить по волчьим законам негоже.
И средь всех потерь и утрат,
Я надеюсь, что станет всё же
Человек человеку — брат.

* * *

На фоне затертых буден
То крики «браво», то свист...
Одни твердят: «Не подсуден!»
Другие же — палец вниз.

А может, слова — на ветер?
Лукавый у века нрав...
Их поровну, тех и этих.
И каждый, возможно, прав.

Когда тепло и не больно,
То начинается смердить...
Тогда со своей колокольни
О чём бы ни посудить...

А он... Это он, не иначе,
Поглубже надвинет картуз
И только ухмылку спрячет
В прокуренный желтый ус.

Надменен. А может, скромненький? —
Уже не поймешь сквозь года:
«Судить — не ломать да строить,
Товарищи-господа...

А в пересудах праздных
Увы, не прибавишь дней...
Вот выгащить воз из грязи —
Пожалуй, будет трудней...»

* * *

За жестокость упрекая предков,
Мы совсем не думаем о том:
«Занавес железный» был — не клеткой,
А от разложения — шитом.

РУСЬ-ТРОЙКА

Ни сам ответить не берусь,
Ни даже те, кто круче.
Куда ты мчишься, тройка-Русь,
С какой несёшься кручи?

По бездорожью да во тьме
К какому краю света?
А с облучка — «ни бе, ни ме».
Нет. Не даёт ответа.

Судьбу послав ко всем чертям,
Никак не протрезвимся.
Глаза зашорив лошадям,
Всё мчимся, мчимся, мчимся...

РЕЗОНА НЕТ..

Над нами в небе снова ворон кружит.
Из рощ окрестных слышен волчий вой...
Мы б затянули пояса потуже,
Что делать нам, конечно, не впервой.

Тянули их и прадеды, и деды
С тяжелым вздохом: «Господи, спаси!»
Отцы для достижения Победы
Затягивали из последних сил.

И бабушки, и матери тянули
На талиях осиных пояса.
От голода под стылым ветром гнулись,
Молитвы посылая в небеса.

И мы б тянули. Через силу даже...
Да руки опускаются, когда
Над нами, изгаляясь и куражась,
Толстеют и жиреют господа.

Как видно, не над их страну тучи,
Не их детей пугает дальний гром.
То ворону помашут пухлой ручкой,
То стае волчьей кинут на прокорм...

Одни сквозь жир не видят белу свету.
В других душа же теплится едва...
И пояса тянуть резона нету,
Когда в стране кто в лес, кто по дрова.

* * *

С назубок заученным Гимном,
С верой в светлые времена,
Как в трясине болотной сгинула,
Потерялась моя страна.

Сирота, без отца и матери,
Не найду дороги никак.
И мечусь с кабака до паперти,
А потом обратно в кабак...

Только раны никак не лечатся.
В беготне, видать, не с руки...
И со мною бок о бок мечутся
Потерявшиеся мужики.

Мне бы встать да расправить спину,
Не в кабак бы снести пятак...
Да слова из нового Гимна
Не укладываются никак.

Хоть убей, никак не даются.
Не под силу, похоже, груз...
Как ни пробую затянуться, —
Всё выходит «Советский Союз».

* * *

За чайком, за пивком ли, за квасом,
В задушевных беседах иль вне —
Я не вижу рабочего класса
По моей необъятной стране.
Не отпетый злодей, не пугайтесь, —
Мне с улыбкой представиться рад
То банкир, то стилист, то бухгалтер,
То топ-менеджер, то адвокат.
Даже тренер по уличным танцам,
Даже сваха с дипломом здесь есть...
А охранников и консультантов, —
Тех, по-моему, просто не счесть.
Мне навстречу сквозь улицу льётся
Беспрерывно людская река...
Может быть, хоть один отзовётся,
Кто сегодня стоит у станка?..

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

...Ты силу обретаешь снова,
Под снегом стужу переждав,
Рождать Емелек Пугачевых
И Стенок Разиных рождать.
С. Чернов, «Моя Россия»

Прошла зима. Прошла другая...
Но... всем законам вопреки,
Тепла не жди. И вновь от рая
Мы бесконечно далеки.

Уже народы воем воют
В бесправии да нищете.
Страна хиреет без героя.
А всё рождаются — не те.

Я с мыслью этой не смирился,
Что Бог совсем забыл про нас.
Звоню в роддом: там кто родился?
А мне в ответ: опять Чубайс.

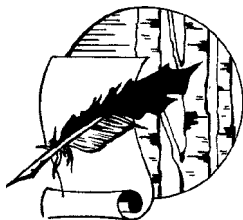
НА КРАЮ

От горя сердце просто выгорает,
А нам твердят с усмешкою про рай.
Я вижу, как Россию тянут к краю.
И вот уже он близок, этот край.

— Всё кончено, — лукаво бесик шепчет.
Не слушаю. Не верю. Не смирюсь.
Ни снадобья, ни палочки волшебной
Нет у меня. И потому — молюсь.

Насколько хватит времени и силы,
До вздоха до последнего молю:
— Всевышний Боже, не оставь Россию,
Несломленную, горькую мою!

гг. Бийск — Темрюк

Виктор КАРПУШИН

В ПРЕДЧУВСТВИИ СНЕГОВ

ПРЕДОСЕНЬЕ

Подползает под окна прохлада,
Сеет дождик — и ни до чего...
Это значит: ни склада, ни лада —
Ну а мы и не ждали его.

Подступает пора листопада,
По оврагам — туман поутру.
И тревожно мерцает лампада —
То ли Павлу, а может — Петру.

Горек свет из далекого леса,
Так некстати кончаются сны.
И висит дымовая завеса
Ожидания и тишины.

Рассыпается жизнь постепенно,
И нелепо беспечное «пусть»...
И восходит по влажным ступеням
Незнакомка знакомая — грусть.

Мне ещё не встречалось краше
Этой девушки. Скрипнула дверь.
И как будто бы даже — не страшно
Всё, что с нами случится теперь.

* * *

Оставьте скрижали евреям,
А русским — милей береста...
В бараке текут батареи,
И церковь в селе без креста...

По осени сорные травы
Опять навевают тоску.
И дым разорённой державы
Ложится, как лыко в строку.

Куда же от этого деться?
Студёный струится ручей.
...Стою, не могу наглядеться,
Как в марте глядят на грачей.

Поэтому — побоку склоки.
В зазубринах снежная жесьть...
И в шелесте мёртвой осоки
Душе утешение есть.

* * *

Сор из избы не буду выносить,
Ещё не наступил предзимок первый.
Пришла пора в лесах грибы косить,
Теперь их много, на слово поверь мне.

Кувшинки серебрятся на реке,
А берега позолотила пижма.
Как хорошо блуждать в березняке,
Не думая о прелестях Парижа.

Какие дни, какие купола,
Светлея, растворяются в тумане!
А потому печаль моя светла,
И пусть прореха вечная в кармане...

И помнящая предков береста
Мила провинциальному поэту.
И в шелесте скользящего листа
Легко признать грядущего примету.

* * *

Тропинка — вскользь, а впереди — пруды,
В них много хлама, разной ерунды:
Пустых бутылок, книжек со стихами...
Ты всё найдёшь, проснувшись с петухами.

Немного солнца. Это — до поры,
Почти не беспокоят комары.
И хрипловатый поезда гудок —
Помятая закладка между строк.

* * *

Тревожны реденькие рощи —
Они в предчувствии снегов.
Всё стало искренней и проще:
Вражда друзей, любовь врагов.

Нам это осень нагадала,
Нам это ветры принесли...
Но разве ты об этом знала
На стылом краешке земли?

От многих знаний — лишь печали,
От недосказанности — ложь.
Устала лодка на причале
С утра черпать бортами дождь.

И столько силы в каждой капле —
Ко дну, а может, в гущу волн?
И в камышах дремали цапли,
Былых и нынешних времён.

И лёгкий запах зверобоя
Не ведая о том, бодрил.
«Я вас любил, чего же боле...»
И ангел по воде бродил.

* * *

Туманна русская провинция,
Прекрасна в скромности своей.
Дожди стирают за провидцами
Следы и тайный смысл речей.

Но больше ценится безмолвие,
Ещё — задумчивость в чести.
Здесь даже тишина намолена.
И ветер. Господи, прости!

А впрочем, надо ли прощение,
Когда туман заплыл в овраг?
А после — снега порошение
И отдалённый лай собак.

И неминуемые сумерки,
И запах старого жилья,
И обозначенная суриком
В небесный Китеж колея.

* * *

Цвета замёрзшей брусники
Выдался нынче закат.
Озеро. Всплески и блики.
Осени пристальный взгляд.

Долго ли, коротко длится
Сказочка с горьким концом?
Мудрая чёрная птица,
Леший с печальным лицом.

Бабка сидит на крылечке,
Ждёт не дожётся гусей.
Ягоды волчьи, как свечки,
Встретят нежданных гостей.

Радостно встретиться с грустью,
Беды не слишком страшны...
И запоздалые гуси
В небе холодном слышны.

* * *

Зима не злобная старуха,
Такая у неё судьба,
Когда залепливает ухо
Метель, а может быть, пурга.

Всё это по сердцу поэту —
Стоять и слушать тишину,
И тёмно-синие предметы
Напомнят раннюю весну.

Когда потёмки криминальны,
А небо дышит новизной;
И телефон многоканальный,
И на ветру подъезд сквозной.

И водка у реки не греет,
Зато рябина во дворе,
Как солнечная батарея
В суровом хмуром декабре.

* * *

Берёзки стынут. Караул устал.
Нет в чистом поле смены чёрной стае.
Прогрохотал за городом состав,
А тонкий месяц медленно растаял.

Слегка светает. Снег искрится так,
Что, выйдя к лесу, шуришься невольно,
И, вспоминая песню про большак,
Я отпускаю грусть свою на волю.

Пускай летит, касаясь облаков,
В последний путь лететь бывает просто,
Когда хватает песни и снегов
И чёрной стаи на краю погоста.

* * *

Белым-бело от вишен и черёмух;
Всё просто: нынче Пасха на Руси!
Мой блочный дом — чертоги и хоромы,
Иного не желай и не проси.

Язычники — с тоской глядим на воду
И радуемся, глядя на огонь.
Ругаем власти, иногда погоду
И верим в чудо, сидя у окон.

И сказки нам рассказывает ветер,
Поют лягушки в тине на пруду.
И снова забываются наветы,
Совсем не горько повстречать беду.

Что нам беда, какие наши годы?!
Теперь весна — обманная пора,
Когда кого-то манят огороды,
А мне так сладко сгинуть со двора.

* * *

Суздаль зовёт из-за кромки лесов,
Дремлет в тумане болотном Ростов.
Морок обычен у нас на Руси,
Как затихающий глас в небеси...

Долго ли, коротко лесом идти,
Ангел ли встретится, бес во плоти?
Знаю: спасение — светлый родник.
Камень. Алёнушка. Солнечный блик.

Блики мерцают с утра по весне,
Так же осколки блестят на войне.
И передышки не видно пока,
Тенью печальной плывут облака.

Так и живём, и с пути не сойти,
Глупо сидеть у окна взаперти.
Перебираю тропинки кудель,
И опьяняет апрельская прель.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

«Любви невыразимой знанье...»

А. Белый

Бродивший в кучинских лесах,
Познавший чистоту и трепет
Сырой листвы. В твоих стихах —
Любви невыразимый лепет.

И сосны те же, и закат,
И хриплый голос электрички,
И выбор тропки — наугад,
Табак, и старые привычки.

И вдруг — далёкий всхлип болот,
Летящих мотыльков причуды.
И вот — знакомый поворот,
И голосок ночной пичуги.

Мансарды светится окно,
А выше — бездна мироздания.
Как недопитое вино —
Любви невыразимой знанье.

* * *

Нынче Пасха на Руси в апреле.
Косогор кладбищенский подсох.
Половицы, словно птицы, пели
И с берёз сочился сладкий сок.

Никогда легко так не дышалось,
Несмотря на многие лета...
Врачевала ангельская жалость,
Заживала к ночи береста.

Давние затягивались раны,
Исчезала из общенья ложь.
Возвращались птичьи караваны,
Открывалось: а зачем живёшь?

Сколько смысла в этой светлой ночи,
Сколько тайны, сколько простоты!
И смывает дождь следы сорочки,
Обновляя души и кресты.

г. Балашиха Московской обл.

Андрей ИВАНОВ,
доктор исторических наук

НАМ ОСТАВАЛОСЬ ТОЛЬКО ОДНО

Ираклий Георгиевич Церетели родился 20 ноября 1881 года в Кутаиси и принадлежал к древнему, но обедневшему грузинскому княжескому роду. Его отец Георгий Ефимович был известен как писатель-романист, поэт и публицист. В студенческие годы Г.Е. Церетели увлекся демократическими идеями и за участие в антиправительственной демонстрации в 1861 году был арестован и ненадолго заключен в Петропавловскую крепость. Мать будущего политика, Олимпиада Яковлевна, была сестрой известного грузинского либерального журналиста Нико Николадзе.

Во время обучения в Тифлисской гимназии Ираклий Церетели увлекся народническими идеями, которые разделяли его отец и дядя. Но познакомившись с марксистским учением, Церетели изменил свои взгляды на социал-демократические. В 1900 году он поступил на юридический факультет Московского университета и уже на первом курсе был избран председателем Исполкома студенческих землячеств Москвы. С головой окунувшись в «освободительное» движение, Ираклий Церетели при-

УРОКИ ИСТОРИИ

нял самое активное участие в организации студенческих забастовок и демонстраций. За антиправительственную деятельность в 1902 году студент Церетели был сослан в Сибирь, но в связи с болезнью летом 1904 года ему разрешили вернуться в родную Грузию, где он был взят под полицейский надзор.

Однако административная ссылка не вразумила молодого революционера. В Тифлисе он вступил в местный комитет РСДРП и примкнул к меньшевикам, став сторонником и учеником П.Б. Аксельрода. При этом к большевикам-ленинцам Церетели относился критически, поскольку те отрицали совместную деятельность с передовыми представителями либерального лагеря, что, по мнению грузинского социалиста, было крайне важно для торжества демократического социализма. Он не скрывал своей приверженности к берштейнианству (социалистическому реформизму), который был осужден Лениным как «чистейший ревизионизм». Стремясь так же, как и большевики, к торжеству социализма, Церетели был убежден, что в России условия для него еще не созрели, а потому союз с левым крылом российской либеральной оппозиции (кадетами) является неизбежным.

Опасаясь очередного ареста, Церетели в 1904 году уехал в Германию, где продолжил свое образование в Берлинском университете. За границей он активно участвовал в работе женевской меньшевистской конференции, но революционные события 1905 года заставили его вскоре вернуться на родину.

В 1907 году Церетели был избран членом II Государственной думы, в которой вошел в социал-демократическую фракцию. Первая же речь грузинского социал-демократа, произнесенная 6 марта 1907 года, принесла ему всероссийскую известность. Церетели бичевал «старый режим», «помещиков-крепостников», требовал введения подлинной конституции. Он возложил вину за революцию на правительство и заявил: *«Правительство ожесточает народ, и он, избравший эту Думу, уже сказал свой приговор, выразил свою волю. Но эту волю без помощи народа мы не сумеем выполнить. К нему мы и обращаемся».*

«Речь эта была ставкой на революцию, — впоследствии отмечал кадет В.А. Маклаков. — Дума призывалась стать ее орудием, у социал-демократов и мысли не было ее беречь». Закончил свою пламенную речь Церетели призывом, разлетевшимся по всей стране: *«Законодательная власть да подчинит себе власть исполнительную».* Ответом на выступление Цере-

тели стали знаменитые слова председателя Совета министров П.А. Столыпина: *«Не запугаете!»*

Председатель II Государственной думы кадет Ф.А. Головин вспоминал: *«Недурная речь Церетели, сказанная этим оратором с присущими его речи красотой и благородством, всё же не произвела сильного впечатления. Она была слабее речи Столыпина и дала возможность последнему сказать в ответ сильную и выпуклую речь со знаменитым возгласом»*. *«Голос его (Церетели. — А.И.) звучал глухо, но то, что он говорил, в такой мере было несправедливо, односторонне, в такой мере казалось проникнутым злобой и ненавистью, что поневоле его сначала слушали. А он только этого и добивался»*, — утверждал соратник Столыпина И.Я. Гурлянд. Однако то, что Столыпин как оратор оказался сильнее Церетели, вовсе не означало, что речь депутата-социалиста была слабой. Как отмечала проправительственная газета «Новое время», «речь Церетели — большое событие» и «серьезная опасность для страны»: *«Напечатанная в миллионе экземпляров, разнесенная по всей стране, она упадет в миллион точек, как горящая головня, и если не везде, то кое-где найдет свой горючий материал. (...) В откровенной речи Церетели есть своего рода честность. Его партия не пытается обмануть правительство, не скрывает истинных своих намерений. «Кошелек или жизнь!» — коротко и просто»*.

Оппозиционные деятели оценивали Церетели-оратора достаточно высоко. Несмотря на восточный акцент, произношение в нос и растягивание слов, что, по мнению некоторых современников, придавало его речам несколько комический оттенок, Церетели оказался серьезным парламентским бойцом. «Молодой красавец грузин, — отмечала видная деятельница кадетской партии А.В. Тыркова, — походил на орленка, отбивающегося от охотников». В своей последней думской речи, предупреждая о скором роспуске Думы, он открыто заявил, что депутатам — народным представителям — прятаться не подобает. *«Пусть их арестуют, пусть их судят»*, — говорил Церетели, уверенный, что на суде такие, как он, сумеют доказать народу свою правоту. *«Тогда увидим, что народ скажет»*, — угрожал власти депутат. *«На этом красивом жесте оборвалась Вторая Дума. Звонкий, взволнованный голос грузина был последним аккордом в ее нестройном хоре»*, — писала в своих воспоминаниях Тыркова, назвавшая это выступление Церетели его лучшей речью.

В июне 1907 года после разгона Думы Церетели вместе с другими социал-демократами был осужден на 5 лет каторги по обвинению в подготовке военного заговора. Но по состо-

янию здоровья каторга была заменена 7 годами одиночного заключения в Александровской центральной каторжной тюрьме (Иркутская губерния) с последующим поселением в Сибири. Выйдя из заключения в 1913 году, Церетели поселился в селе Усолье близ Иркутска, откуда смог вернуться в Петроград лишь после победы Февральской революции.

Оказавшись в водовороте политических событий, в 1917 году амнистированный И.Г. Церетели принял участие в создании Советов рабочих депутатов и Военной организации Иркутска. 5 марта 1917 года он сообщал о создании в городе Комитета общественных организаций и о переходе гарнизона на сторону революции.

Вернувшись в числе первых лидеров российской социал-демократии в Петроград 19 марта 1917 года, Церетели вошел в состав исполкома Петроградского Совета. К этому времени он определился как «революционный оборонец» и вместе с Ф.И. Даном, М.И. Скобелевым и Н.С. Чхеидзе стал в эти дни, пожалуй, самым заметным меньшевиком. *«Вернувшись из сибирской ссылки с репутацией человека высокой морали и с большим личным влиянием на окружающих, Церетели прежде всего проявил себя как хороший организатор. Ему удалось (после 20 марта) привести в порядок царивший в Совете хаос, поставить во главе его «исполнительный комитет» и прекратить самочинные действия членов Совета»,* — отмечал лидер кадетской партии П.Н. Милюков. *«Церетели захватывал своей подкупающей искренностью и горячностью и своей безграничной верой (как нам тогда казалось) в силу добра,* — отмечал кадет И. Куторга. *— Совсем другое впечатление производил, например, Дан с его бездушной талмудистской диалектикой». «Сила Церетели была не в том ореоле, который со времени Второй Государственной думы окружал его имя, и не в ореолском его даровании, и не в таланте политика-тактика — главная его сила была в том, что он знал, чего хотел, имел определенный план, верил в него и умел с точки зрения этого плана рассматривать частные вопросы, выдвигаемые жизнью. 19 марта Церетели в первый раз говорил перед рабочей секцией Совета, а 22-го он уже был признанным, бесспорным руководителем Исполнительного комитета»,* — вспоминал меньшевик В.С. Войтинский.

Церетели выступил убежденным противником «апрельских тезисов» Ленина, выступал за продолжение войны с Германией, против немедленного перехода к социализму и призывал к конструктивному отношению к Временному правительству. Выступая 27 апреля на заседании депутатов Государственной думы всех 4 созывов, Церетели сказал: *«Мы го-*

ворим народу: вот буржуи, вот ответственный орган буржуазии — Временное правительство, но мы добавляем: это представители той буржуазии, которые на общей демократической платформе условились отстаивать русскую свободу вместе с демократией...» Получившее широкий резонанс публичное рукопожатие социалиста Церетели и крупного промышленника А.А. Бубликова должно было символизировать единение труда и капитала во имя процветания демократической России.

В мае 1917 года при формировании коалиционного правительства с участием социалистов, Церетели получил пост министра почт и телеграфов. Правда, сперва на поступившее предложение стать министром он с недоумением ответил либералам: *«Какая вам от того польза? Ведь мы из каждого спорного вопроса будем делать ультиматум и в случае вашей неуступчивости вынуждены будем с шумом выйти из министерства. Это гораздо хуже, чем вовсе в него не входить»*. *«Я всегда был противником участия социалистов в буржуазном правительстве, — говорил он в связи с этим назначением. — Тем труднее мне было встать на теперешнюю мою позицию... В ходе развития революции выяснилось, что буржуазия оказалась не в состоянии выделить из своей среды власть, которая была бы достаточно сильна и смела, чтобы и расширять и укреплять дело революции внутри страны и в то же время демократизировать внешнюю политику»*. *«Правительство поставило нас перед выбором, — продолжал он, — или оно уйдет, или мы войдем в его состав, чтобы вместе делать дело революции... Власть фактически ушла, и перед нами стал выбор: или захват власти Советами, или вхождение в составленное на революционных началах Временное правительство. На первое мы пойти не могли, ибо тогда мы совершили бы ошибку, от которой некогда предостерегал еще Энгельс, говоривший о трагизме положения пролетариата, захватившего власть в свои руки, когда нет объективных условий для осуществления пролетарской программы... После этого нам оставалось только одно — войти во Временное Революционное правительство»*.

«Церетели, — констатировал Милюков, — связал имя Керенского со своим до самого конца существования коалиционного Временного правительства. Из правоверного марксиста и прирожденного миротворца вышел замечательный специалист по междупартийной технике, неистощимый изобретатель словесных формул, выводивших его героя и его партию из самых невозможных положений».

Докладывая 1-му Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов о деятельности Временного пра-

вительства, Церетели, отстаивая необходимость единения всех демократических сил, заявил: *«В России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть...»* На что последовал знаменитый ответ Ленина: *«Есть!»* (позже вошедший в историю в виде фразы *«Есть такая партия!»*). Возражая Ленину, Церетели заявил, что власть должна быть достаточно сильной, *«чтобы противостоять тем, кто решается на эксперименты, опасные для судеб революции»*.

«Невольно напрашивается сравнение Церетели с руководителем противоположного крыла революционной демократии, с Лениным, — вспоминал Войтинский. — При всей противоположности интеллектуального и морального облика этих двух деятелей, у них была одна общая черта, та черта, которая делает вождя уверенным в правильности принятого пути. Но воля Церетели выявлялась в потоке проникнутых энтузиазмом речей, которыми он стремился убедить рабочих и солдат в том, что их собственные интересы, спасение революции, спасение России требуют от них подвига, жертв, самоотречения. А Ленин сравнительно редко выступал публично, больше работал молча, отыскивая в окружающей среде точки опоры для своей «линии», ловя в насыщенном грозой воздухе те лозунги, которые могли бы стать громовой стрелой его воли».

В конце июня 1917 года вместе с М.И. Терещенко и А.Ф. Керенским Церетели приехал в Киев для переговоров с Центральной Радой, в ходе которых была признана ее автономия, в состав которой вошли и юго-западные губернии России. В начале июля 1917 года Церетели временно был назначен по совместительству министром внутренних дел, но когда 24 июля было сформировано второе коалиционное правительство, в его состав не вошел. В августе Церетели уже констатировал, что *«настал момент террористической политики для предупреждения гражданской войны и разложения фронта»*. Он призывал к решительному противодействию «заговору» генерала Л.Г. Корнилова и одновременно с этим осуждал большевиков, продолжая выступать за коалицию с кадетами.

Октябрьскую революцию Церетели встретил враждебно, назвав большевиков «узурпаторами власти». Он призывал к созданию демократического центра, который смог бы опереться на Кавказ, Сибирь и Украину, где есть *«здоровые элементы, не признающие власть большевиков и способные воссоздать государственную жизнь»*. *«Революция в России одна, — говорил Церетели 5 января 1918 года на заседании открывшегося Учредительного собрания, — она началась в*

февральские дни, она пережила тяжёлые испытания, но самые тяжёлые испытания она переживает в настоящий момент. На ее плечи взваливается ноша, которая может раздавить ее на долгую жизнь... Совершается... разделение России на два непримиримых лагеря... Линия гражданской войны прошла через сердце демократии».

После убийства революционной чернью кадетов Ф.Ф. Кошкина и А.И. Шингарева, Ленин через посредников посоветовал Церетели уехать в Грузию. Возвратившись в Тифлис, он продолжил политическую борьбу. Но, понимая, что Грузии не по силам противостоять большевистской России, Церетели выступал за объединение всех закавказских народов и взывал к помощи международной демократии. Вскоре он стал членом исполкома Национального Совета Грузии (парламента) и принял непосредственное участие в провозглашении независимой Грузинской демократической республики.

В 1921 году, когда на территорию Грузии вошла Красная армия, И.Г. Церетели вынужден был эмигрировать во Францию. Поступив в Сорбонну, он наконец-то получил высшее юридическое образование и занялся адвокатской практикой. После окончания Второй мировой войны Церетели перебрался в США. На чужбине он продолжал участвовать в работе II Интернационала, выступал против большевизма и писал работы о проблемах социал-демократии. Размышляя в эмиграции над уроками русской революции, И.Г. Церетели был склонен видеть главную ошибку творцов Февраля в том, что они недооценили большевистской опасности: *«Большевизм — вот те ворота, через которые контрреволюция прорвется к нам», — говорили мы, и этому предвидению суждено было осуществиться. Но то, чего мы не предвидели, — это возможность, что сам большевизм возьмет на себя практическое осуществление самой страшной реакции, тоталитарное уничтожение всякой свободы, угнетение и порабощение народных масс. В свете именно этого опыта вырисовывается вся тяжесть ошибки, совершенной революционной демократией, когда она поколебалась защищать демократический строй от опасности слева с той же решительностью, которую она проявляла в борьбе с опасностью справа».*

Скончался И.Г. Церетели 21 мая 1959 года в Нью-Йорке и был похоронен на кладбище городка Левиль-Сюр-Орж под Парижем (на месте захоронения большинства Грузинской политической эмиграции).

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ

Мы будто живем для того, чтобы дать
какой-то великий урок человечеству.

П.Я. Чаадаев

Не раз я задумывался над мучительным вопросом: где, в чём спасение России? Кто же в конце концов выведет нас на истинный и ясный путь благоденствия из безысходности и бесцельности исторических блужданий, на которые толкнули некогда нашу державу «великие революционеры».

Как верно подметил Ленин, первыми и главными проблемами любой власти были и остаются проблемы земли и собственности. И поэтому, если мы хотим изменить жизнь в России к лучшему, то должны начинать с вопроса: чьей собственностью является земля?

Петр Аркадьевич Столыпин в своем выступлении на заседании Государственной Думы 10 апреля 1907 года, касаясь тезиса о повсеместном отчуждении земли, который всячески навязывали правительству левые партии, говорил: «Пора этот вопрос двинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства,

Статья 1990 года

УРОКИ ИСТОРИИ

какой-то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных землевладельцев».

Гениальный русский государственный деятель, подвижник, ученый, патриот оказался, как это ни больно сознавать, в высшей степени провидцем. Навязанное России революционной партией отчуждение земли породило «класс» разоренных землепользователей. Свое выступление в Государственной Думе в тот день П.А. Столыпин закончил поистине бессмертными — ставшими ныне крылатыми — словами: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

К сожалению, истории нашего государства суждено было пойти по пути великих потрясений...

Говоря «им», Столыпин имел в виду тех, кто был одержим маниакальной идеей беспредельной власти и жесточайшей диктатуры, кому было плевать на Россию и ее народ, обреченный, по их понятиям, быть лишь «коммунистическим материалом» (Бухарин) для параноических интернационально-земшарных экспериментов. Точнее говоря, он имел в виду антирусские силы, что и пришли затем к власти осенью 1917 года, про кого он говорил в одном из своих думских выступлений: «Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение».

Эти слова должны стать предупреждением и всем нам, ныне живущим, так как и теперь многочисленные наши левые (имелись в виду т.н. «либеральные» и «демократические». — **В.Х.**) партии и движения по примеру своих ретивых предшественников-революционеров с откровенной нахрапистостью рвутся к власти. И в первую очередь эти слова великого россиянина должны стать предупреждением тому, кто вновь близоруко купился на «красивые» и старые, как мир, лицемерно-дешевые лозунги «свободы, равенства и братства», кто, забыв уроки семидесятилетней давности, голосовал на выборах в Советы конца 80-х годов за тех же леворадикалов, пообещавших устроить новый рай на российской земле. Но за первые же годы нахождения их у власти они посадили всю страну на талоны, на карточки, довели ее до полного экономического краха, продовольственного кризиса, а национальные окраины — до настоящей гражданской

войны. И всё меньше сомнений в том, что всё это и было их подлинной целью, точно так же, как уничтожение великого Российского государства явилось целью их идейных предшественников более семидесяти лет назад.

Пожалуй, самое главное сегодня — вернуть людей из родов на землю. Сделать это очень непросто. На протяжении десятилетий повсюду в нашей стране шло раскрестьянивание. Крестьян превратили в наемных рабочих, почти не заинтересованных в конечном результате их труда. Земля, по сути, оказалась бесхозной, никому не принадлежащей. И для того, чтобы многое в стране изменить к лучшему, нам жизненно важно понять: как же всё это произошло?

Согласно советским официальным источникам, в результате аграрной революции 1917—1918 годов крестьяне получили дополнительно якобы к уже имевшейся у них 152 млн. гектаров земли. Однако те же самые источники нигде не уточняют, что означает эта цифра и откуда взялась эта земля.

На сессии аграрников в Москве в 1969 году этого вопроса коснулся В.П. Данилов. В своем выступлении он сказал: «Сколько земли получили крестьяне в России из рук Октябрьской революции? 150 миллионов десятин! — отвечает наша статистика. Но мы не можем до сих пор ни раскрыть, ни объяснить этой цифры» (Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной сессии 9—12 июня 1969 года. М., 1971, с. 365).

Тем не менее раскрыть и объяснить эту цифру не представляет большого труда.

Сошлюсь в данном случае на работу западного историка М. Бернштама «Силы в Гражданской войне», опубликованную в журнале «Вестник русского христианского движения» (1978, №128), издающемся во Франции. В своей работе он пишет: «По данным Всероссийской и поземельной переписи 1917 года, по 38 губерниям России (без занятых неприятелем) всего сельскохозяйственной земли было перед социалистической революцией 151,35 млн. десятин или 165,35 млн. гектаров (1 десятина равна 1,09254 гектара). Все эти 151,35 млн. десятин... были, по существу, конфискованы советской властью, поскольку право собственности на землю было Декретом о земле 26 октября 1917 года отменено. В результате организованного сверху чёрного передела — аграрной революции 1918 года — все 151,35 млн. десятин оказались в распоряжении Советов, и они распределили всю землю заново — уже от себя. Часть земли была передана земельным обществам, часть осталась во владении Советов, часть была пере-

дана последними под совхозы и колхозы и т.п. Таким образом, передача части земли земельным обществам выглядит уже как бы в качестве доброй воли, благодеяния, передачи земли крестьянам. В итоге советская наука считает, что эта отчужденная от крестьянской собственности, да еще и вся на круг земля площадью в 151,35 млн. десятин — передана крестьянам. Более того, до сих пор считается, что в результате революции вся эта земля прибавилась к некоторой исходной величине, и вообще «крестьянское землепользование возросло на 150 миллионов гектаров». В таком случае советские специалисты должны доказать, что от революции территория России увеличилась в два раза или что советская власть распахала тундру».

Как видим, довольно простое объяснение. И очень многим, не наделенным учеными степенями нашим соотечественникам, давным-давно было ясно: исходя из отмены собственности на землю в 1917 году, крестьяне не получили, а лишались принадлежащей им земли. Поэтому более чем кощунственно на протяжении всей советской истории звучали слова о том, что народы России с восторгом восприняли Декрет о земле 1917 года, который якобы возвращал народу землю. Противоставшая аграрной столыпинской реформе аграрная контрреформа большевиков, заимствованная ими, в свою очередь, у эсеров, ни в коей мере не явилась результатом воли и чаяний крестьянства. Очень скоро Декрет о земле выявил свою подлинную сущность, выразившуюся в продразверстке, продналоге, в конфискации «излишков» урожая, в натуроплате и обязательных поставках продуктов государству, что и привело к ужасающему повсеместному голоду в деревнях (как, впрочем, и в городах) и миллионам вымерших от него.

По всей России начались бунты и восстания. К сожалению, советская историческая наука почти не располагает статистикой народных антиреволюционных выступлений. Но все-таки некоторые данные эти источники нам дают. Советский историк М.И. Кубанин сообщает, что, к примеру, в Тамбовской губернии участвовало в восстании 25—30% всего населения и делает вывод: «Несомненно, что 25—30% населения означает, что всё взрослое мужское население ушло в армию Антонова (Кубанин М.И. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма). «На аграрном фронте», 1926, №2, с. 24). М.И. Кубанин пишет также о ряде других наиболее известных восстаний на протяжении всего военного коммунизма: об Ижевской народной армии, располагавшей 70 000 человек, которой удалось продержаться свыше трех месяцев, о Донском

восстании, в котором участвовало 30 000 вооруженных казаков и крестьян, а с тылами имевшем силу в сто тысяч человек и прорвавшим красный фронт.

В крестьянском восстании летом 1918 года в Ярославле и Ярославской области участвовали тысячи городских рабочих и окрестных крестьян, а во многих других волостях и деревнях бралось за оружие поголовно всё население, включая женщин, стариков и детей. Советский историк Л. М. Спиринов обобщает: «С уверенностью можно сказать, что не было не только ни одной губернии, но и ни одного уезда, где бы не происходили выступления и восстания населения против коммунистического режима» (Спиринов Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России. 1917—1920 гг. М., 1968, с. 180).

Так, сводка штаба Восточного красного фронта содержала описание локального восстания в марте 1919 года в Сенинском и Белебеевском уездах Поволжья: «Крестьяне озверели, с вилами, с кольями и ружьями в одиночку и толпами лезут на пулеметы, несмотря на груды трупов, их ярость не поддается описанию» (Кубанин М. И. «На аграрном фронте», 1926, №2, с. 41).

Таковую же картину описывает свидетель крестьянского выступления осенью 1918 года в Шацком уезде Тамбовской губернии: «Я солдат, был во многих боях с германцами, но такого я не видел. Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед, кричат: «Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за Тебя ляжем». Страху уже у них не было никакого» (Штейнберг И. З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923, с. 62).

Даже этих немногих, отраженных в исторической литературе фактов достаточно для утверждения того, что наш народ не покорился молча диктаторской власти, а ответил на нарушение его тысячелетнего уклада жизни упорным и повсеместным сопротивлением. И борьба эта затихла лишь после того, как регулярная и хорошо вооруженная армия в войне с этим народом безжалостно уничтожила более десяти миллионов человек непокорного населения своей страны.

М. Бернштам в названной выше работе «Силы в Гражданской войне» задается целью составления общего баланса потерь населения России за годы войны 1918—1920 годов: «Согласно специальному справочнику ЦСУ, количество населения на территории СССР после 1917 года без учета населения территорий, отошедших от России и не вошедших в СССР, составило 146 755 520 человек (ЦСУ СССР. Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925

года и на 1 июля 1926 года в сопоставлении с довоенным делением России. Опыт установления связей между административно-территориальным составом СССР. М., 1926, с. 49—58). Такова исходная цифра населения, которое с октября 1917 года оказалось в зоне работы социалистической революции. На этой же территории перепись 28 августа 1920 года по самым максимальным итогам, и вместе с находившимися в армии, находит только 134 569 206 человек (Статистический ежегодник 1921 года. Вып. 1. — Труды ЦСУ, т. VIII, вып. 3. М., 1922, с. 8). Дефицит населения — 12 186 314 человек.

Таким образом, продолжает историк, за неполных три первых года социалистической революции на территории бывшей Российской империи (с осени 1917-го по 28 августа 1920-го) население потеряло 8,3% своего исходного состава. За эти годы эмиграция составила 86 000 тыс. человек (Алехин М. Эмиграция белая. БСЭ, 1-е изд., т. 64. М., 1934, стлб. 163), а естественная убыль — превышение смертности над рождаемостью — 873 623 человека (Труды ЦСУ, т. XVIII, М., 1924, с. 42. Источники указаны Бернштамом. — В.Х.). Таким образом, потери от революции и Гражданской войны за первые неполные три года советской власти без эмиграции и естественной убыли составили более 11 млн. человек. Тут, конечно, необходимо заметить, заключает автор, что «естественная убыль» требует разумной интерпретации: почему убыль? Уместен ли здесь принятый в науке термин «естественная»? Ясно, что превышение смертности над рождаемостью есть явление противоестественное и тоже относится к демографическим итогам революции и социалистического эксперимента».

Красная армия в Гражданской войне потеряла около 1 млн. солдат и служащих (Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Статистический справочник. Год 2-й. М., 1925, с. 110), в то время как Белое движение было довольно малочисленно. К концу зимы 1919 года, то есть ко времени максимального его развития, оно, по данным советских военных сводок, не превышало 537 тыс. человек (Какаури Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. М.-Л., 1926, с. 137). И если сопоставить потери двух противоборствующих армий с потерями мирного населения России, то никуда не деться от вопроса: так кто же с кем воевал? Белые с красными?

Пришла пора открыто и смело посмотреть на итоги потерь Гражданской войны для того, чтобы увидеть: из одиннадцати с лишним миллионов погибших более десяти миллионов приходится на мирное население России. И, наконец, осознав это, нам придется признать: то была не просто Гражданская

война, а **война против всего российского народа**, который явился главной и самой опасной силой в сопротивлении диктатуре истребительной власти.

В.И. Ленин признавал, что эта сила крестьянского и общенародного повстанчества или, в его определении, «мелкобуржуазной стихии» оказалась для коммунистического режима опаснее всех белых армий, вместе взятых (Ленин В.И. ПСС, 5-е изд., т. 43, с.23—24. Далее ссылки на это издание). И только отмена военного коммунизма и введение нэпа, что, конечно же, явилось вынужденной мерой, оказались спасительными для Советской власти. И сейчас даже как-то неловко и грустно читать высказывания наших многих экономистов о том, будто бы нэп — это «гениальное изобретение» вождя. Со всей определенностью необходимо сказать: это совсем не так. Вернее, действительно «изобретение», но для «коммунистического режима» явившееся вынужденным, спасительным отступлением, которое было добыто народом в кровавой борьбе.

О серьезности этой борьбы можно судить по телеграммам Ленина в местные исполнительные комитеты еще на первом году революции. Вот некоторые из них.

Пензенскому губисполкому, Е.Б. Бош: «Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлён отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, что Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков. Предсовнаркома Ленин. 12.VIII.1918 г.» (т. 50, с.148).

Пензенскому губисполкому, Минкину: «Получил на Вас две жалобы. Первая, что Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то Вы совершаете великое преступление против революции. Предсовнаркома Ленин. 14.VIII.1918 г.» (т. 50, с. 149).

Ливенскому исполкому: «Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо, пока горячо, и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и всё имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение. Часть образцового Железного полка пошлите тотчас в Пензу. Предсовнаркома Ленин. 20.VIII.1918 г.» (т. 50, с. 160).

Но и через год ситуация не изменилась.

«Симбирск, Реввоенсовет Востфронта, Гусеву, Лашевичу. Положение на юге так тяжело, что едва ли сможем дать вам пополнение. Придется вам налечь изо всех сил на мобилизацию, иногда поголовную, прифронтовой полосы, на местные воензаги и на сбор винтовок с населения. Расстреливайте за сокрытие винтовок. Предсовнаркома Ленин. 6 июня 1919» (т. 50, с. 342).

«Симбирск, Реввоенсовет Востфронта, Гусеву, Лашевичу. Обратите сугубое внимание на восстание в районе Иргиза. Не запускайте, мобилизуйте поголовно все окрестности, обсудите, нельзя ли аэропланами побить повстанцев. Ликвидация необходима немедленная и полная. Предсовнаркома Ленин. 11 июня 1919» (т. 50, с. 345).

Восстания и мятежи, прошедшие на Дону, Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Сибири, Центральной части России означали, что большинство крестьян отнеслось к действиям новой власти в деревне как к откровенному грабежу. К тому же сельяне остро почувствовали, чем всё это обернется для них в недалеком будущем...

Крестьянство, несмотря на всю жестокость, примененную к ним, всё-таки не было сломлено и победило в этой борьбе. Революционная власть ради собственного спасения вынуждена была пойти на уступки: отказаться от политики продразверстки и ввести нэп. Но отступление это, как и следовало ожидать, оказалось лишь передышкой перед еще более изощренным в своей беспощадности наступлением на крестьян.*

Еще в июле 1918 года на Пятом Всероссийском съезде Советов левые эсеры обвинили большевиков в их крайней бесчеловечности по отношению к российскому крестьянству. На что Ленин в докладе о деятельности СНК ответил: «Тысячу раз будет не прав тот, кто позволит себе хоть на минуту увлечься чужими словами и сказать, что это — борьба с крестьянством, как говорят иногда неосторожные или невдумчивые из левых эсеров. Нет, это борьба с ничтожным меньшинством деревенских кулаков, это борьба за то, чтобы спасти социализм и распределить хлеб в России правильно» (т. 36, с. 507).

На все подобные обвинения в адрес большевиков нетрудно было дать «правильный» ответ. Но отчего же тогда в этой борьбе «с ничтожным меньшинством деревенских кулаков»

* Л.Троцкий в 1923 году в книге «Литература и революция» писал: «НЭП есть излучина революционной траектории...», «кратковременная остановка на станции, которая служит для того, чтобы набрать воды и поднять пары» (с. 80).

только за первые три года советской власти оказалось погублено более десяти миллионов человек крестьянского населения? И как так вышло, что война с этим «ничтожным меньшинством» затянулась почти на двадцать лет, а деревни, по сути, оказались разорёнными? И всё это понадобилось проделать для того, «чтобы спасти социализм и распределить хлеб в России правильно»? Как будто *неправильно* было для России обеспечивать себя и весь мир хлебом, а не *р а с п р е д е л я т ь* его среди своего населения, доведенного революцией до голода и нищеты...

Нет, не Гражданская война, как считают многие, «вынудила» большевистское правительство пойти на изобретение экономической стратегии «военного коммунизма». В.И. Ленин в октябре 1921 года таким образом оправдывал ошибочность ставки на продразверстку и контрактацию продовольствия в крестьянских хозяйствах: «Мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению... Мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку» (т. 44, с. 157).

Так что сразу же по окончании тяжелейшей Гражданской войны Ленин даже и не пытался списывать на нее все так называемые «крайности» и «искривления» «военного коммунизма», но подчеркивал их полную осознанность, а не стихийность, подтверждал, что они были заранее спланированы революционной властью, желавшей как можно быстрее перейти к «коммунистическому производству и распределению».

Против мнения о «временном» характере деспотических производственных отношений «военного коммунизма» говорит тот факт, что Н.И. Бухарин — этот, по словам Джона Рида, «невысокий рыжебородый человек с глазами фанатика» — даже и в 1920 году в книге «Экономика переходного периода» распространял их на всё время перехода общественных отношений от капиталистических к социалистическим вне зависимости от исторической продолжительности этого перехода. Он писал: «Революционное насилие... должно активно помочь формированию «концентрированного насилия» государства нового класса, которое действует как рычаг экономического переворота, изменяя экономическую структуру общества».

Эта «ошибка» слишком дорого стоила русскому народу. Настроение крестьян и положение дел в деревне точно опреде-

лил Зиновьев в марте 1919 года на VIII съезде партии: «Нельзя скрывать на съезде того факта, что местами слово «комиссар» стало бранным, ненавистным словом. Человек в кожаной куртке... в народе стал ненавистным». И далее: «Крестьянство недовольно, оно протестует, среднее крестьянство ненавидит коммунистическую партию... Если вы теперь пойдете в деревню, вы увидите, что они всеми силами нас ненавидят».

Тем не менее 70 с лишним советских лет нам вдалбливали в головы мысль о «блистательном» решении крестьянского вопроса одним из первых декретов Октября. Даже в самом конце существования СССР «Советская Россия» в своей передовой статье «Спор о земле», посвященной заседанию Верховного совета СССР по выработке закона о земле, сообщала о главном крестьянском вопросе: «И вспомним, как блистательно он был разрешен знаменитым Декретом о земле, принятым на Втором съезде Советов в октябре 1917 года» («Советская Россия» от 10 октября 1989 г.). Вот только никак не возможно в этом случае понять: отчего это вдруг по всей России на первом же году революции начались крестьянские мятежи и восстания? Чего это вдруг народ взбунтовался? Большевики «вернули» крестьянам землю, а они — схватились за вилы, за ружья и ушли в лес, к Антонову... И это при «блистательном-то» решении крестьянского вопроса! Очень странное поведение крестьян, не правда ли? Впрочем, всё зависит от того, что понимать под словом «блистательно»...

Не лучшим стало после революции и положение рабочего класса. В той же работе М. Бернштама прямо говорится, что в революции рабочий класс потерял не только политические, гражданские и социальные права. Он был и экономически подорван. Автор указывает: «За период Первой мировой войны, несмотря на рост цен, произошло повышение заработной платы фабрично-заводским рабочим, а семьи призванных на военную службу получили примерно 276,5 млн. рублей пособия, что в процентном отношении даже несколько превышает удельный вес рабочего класса в населении страны. За годы революции 1917—1920 годов объем промышленного производства упал до 4% довоенного (БСЭ, 3-е изд., т. 7. М., 1972, с. 234), рабочий класс обнищал и деклассировался, нормы питания семей рабочих были значительно ниже минимально необходимых... Именно этим и мотивировали свою антисоциалистическую позицию рабочие представители на первых заседаниях Собрания уполномоченных еще в начале 1918 года».

А ведь это произошло еще до начала Гражданской войны. Но уже тогда во всей наготе предстала антинародная сущ-

ность «диктатуры пролетариата». Спрашивается, для чего же понадобилась эта революция, если **всему** народу: и крестьянам, и рабочим, и интеллигенции стало после нее намного хуже? Теперь уже ясно, что это понадобилось для того, чтобы, объявив государственную монополию абсолютно на всё и подчинив железному партийному аппарату всё и вся в одной из самых богатых людскими и природными ресурсами стран, широким фронтом ринуться на осуществление революции мировой. Россия должна была стать плацдармом глобального наступления на остальную Европу. Ее первой принесли в жертву идее о всемирной «диктатуре пролетариата». Самому же пролетариату в этой «всемирной диктатуре» отводилась роль пушечного мяса мировой бойни за интернациональную «земшарную» идею, а также — казарменной рабочей силы «Трудовых Армий» в последующем т.н. «мирном строительстве», например, в рытье каналов наподобие Беломорско-Балтийского.

Так, объявив поголовную мобилизацию населения в период Гражданской войны, коммунистический режим ввел в практику необычайную жестокость и расстрелы в армии по малейшему поводу. «Красноармейцев расстреливали как собак», — писала коммунистическая деятельница Лариса Рейснер («Пролетарская революция», 1923, №6, с. 253). В.И. Ленин не скрывал этого. «В Красной армии... применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, — подчеркивал он в докладе на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 года, — меры, которых не видело даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: «Вот большевики ввели расстрелы». Мы должны сказать: «Да, ввели, и ввели вполне сознательно» (т. 44, с. 166). «Вы должны, — продолжал Ленин, обращаясь к делегатам съезда, — прийти к тому, чтобы сказать, что недоучившимся у нас нет места. Тогда, когда будет коммунизм, тогда ученье будет мягче. Теперь же я говорю, что ученье не может не быть суровым — под страхом гибели».

Как известно, отношение режима к пролетариату в «мирном строительстве» ярко выразилось в «трудах» Троцкого, который специально занимался рассмотрением этой проблемы по поручению ЦК партии большевиков. В тезисах ЦК IX съезду РКП(б), написанных Троцким, говорилось: «Съезд одну из насущных задач... видит в планомерной, систематической, настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством путем... создания из дезертиров штрафных рабочих команд... и заключения их в концентрационный лагерь».

А успех мировой революции уже в 1918 году виделся нашим вождям очень близким. Сразу же после поражения Германии в Первой мировой войне эта мечта, казалось им, обре-

тала реальные очертания. В те дни Ленин телеграфировал Свердлову и Троцкому:

«Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием *дней ближайших...* Вывод: 1) вдесятеро больше усилий на добычу хлеба (запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих). 2) вдесятеро больше записи в войско. Армия в 3 миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции. Эта резолюция должна в среду ночью пойти всему миру по телеграфу. 1.X.1918» (т. 50, с. 186. Разрядка и курсив В.И. Ленина).

Отчего же задача мировой революции оказалась невыполненной? Цель эта не удалась главным образом потому, что данный «коммунистический режим» истратил себя на террор против российского населения и **увяз** в его крови. Этот кровавый «коммунизм» разбился о сопротивление народов России и **застрял** на ее территории, вынужденный сосредоточить все свои силы только на том, чтобы **давить** этот народ. И второй причиной данной «неудачи» явилось то обстоятельство, что рабочий класс других государств в основной своей массе не поддержал «великих устремлений» вождей Коммунистического Интернационала, убедившись воочию на примере России в бесчеловечной жестокости их практических дел. То есть Россия, принесённая в жертву Молоху, опять, как это не раз бывало в истории, спасла остальной мир от очередных завоевателей, мечтавших о вселенской диктатуре.

Как видим, «светлое будущее человечества», которым проводники коммунизма все предреволюционные годы соблазняли рабочий класс, выводя его на баррикады, толкая на забастовки, стачки и вооруженные восстания, оказалось на деле элементарной «Трудовой Армией» и идеальным до примитивности концлагерем. А уничтожение «буржуев» очень быстро перешло на уничтожение всех народов, населявших просторы России. По этим просторам потекли реки крови и поплыл над этой землей всеобщий стон и плач. Те же «счастливицы» из народа, что не попали в лагеря, осуждены были умирать голодной смертью, у них отобрали скот и последний хлеб.**

** Результат Гражданской войны, разорившей Россию, чётко подметил Троцкий на XII съезде РКП(б): «За время войны и революции Америка на 90% завладела нашими прежними рынками сельскохозяйственного сбыта». В то время как в период с 1909 по 1913 год производство Россией зерна превышало на 28% таковое Америки, Канады и Аргентины, вместе взятых, а русский экспорт в 1912 году достигал 16,5 млн. тонн зерна (см. «Наш современник», 1989, №11, с. 137).

В первом документе Октябрьской революции — а именно в ленинском обращении «К гражданам России!», опубликованном 25 октября 1917 года в петроградской вечерней газете «Рабочий и солдат», объявлялось: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено» (Ленин В.И., ПСС, изд. 5-е, т. 35, с. 1.).

Вдумываясь в смысл этого документа, наверное, только восторженной радостью за близящуюся победу большевистского переворота (Временное правительство к тому времени еще не было низложено) можно объяснить слишком уверенное и не совсем согласующееся с логикой того неопределенного времени убеждение: «...немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности... это дело обеспечено». Откуда была такая уверенность у лидера социал-демократов — непросто понять, тем более что нам-то прекрасно известно, чем обернулось для России это самое «предложение демократического мира» и эта пресловутая «отмена помещичьей собственности». Хотя многие вполне допускают, что наша дорога, если и не в ад, то в нынешний национальный развал и экономический хаос, начиналась с благих намерений.

Мне могут возразить: кто же знал заранее в октябре 1917 года, что Германия не пойдет на «демократический мир» с большевиками, изрядно потрудившимися в войсках над разложением морального духа российской армии, и что национализация земли уже через год приведет к ужасающему голоду по всей стране, к крестьянским восстаниям, к политике продрозверстки, раскулачивания, а затем — к поголовной коллективизации, которая, в свою очередь, станет причиной всех нынешних бед в деревне? Кто мог знать заранее... И всё же мне гораздо труднее понять столь уверенную революционную надежду на «обеспеченность» обратного.

В том ленинском обращении к гражданам России говорится об отмене *помещичьей* собственности на землю. Однако уже на следующий день — 26 октября — в своём докладе о земле на Втором Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин излагает первый «временный закон» (Декрет о земле), основанный на предложениях эсеров по решению крестьянского вопроса, опубликованных в их газете «Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» еще 19 августа 1917 года, что, кстати, не помешает Ленину менее чем через месяц сказать: «Партия эсеров потеряла крах в земельном вопросе» (т. 35, с. 94).

В первом пункте этого закона говорится: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема.

Вся земля: государственная, удельная, кабинетная, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д. отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» (т. 35, с. 25).

Помещичья собственность здесь даже и не упоминается (ее как таковой, после реформ П.А. Столыпина, в России в 1917 году уже почти не оставалось, и эсеры это учитывали), но в первом случае (в обращении «К гражданам России») Ленин как бы определил всю земельную собственность одним общим словом — помещичья, а в декрете — уже расшифровал ее как собственность многообразную, в том числе и как «крестьянскую». И вот эта самая — не только монастырская, церковная и частновладельческая, но и вся крестьянская земля (а ее крестьяне к лету 1917 года уже имели 128 млн. гектаров, то есть 77,4% всей сельскохозяйственной земли), как сказано в ленинском Декрете, «отчуждается безвозмездно... переходит в пользование всех трудящихся на ней».

Кто же подразумевался в законе под «трудящимися» на земле? Если подразумевались сами крестьяне, то по смыслу этого Декрета земля изымалась у крестьян в «пользование» самих же крестьян. Всё дело было только в той хитрости, какая вкладывалась в слово «пользование» и на которой поскользнулось русское крестьянство, не сумев вовремя раскусить всё заложенное в ней коварство и будущую ее жестокость. Всего-то два слова: «отчуждается» и переходит «в пользование», а сколько за ними встало человеческих трагедий, какие неисчислимы, неслыханные беды обрушились на российскую землю, неотвратимо и безжалостно коснувшись каждого из нас! И ведь многие до сих пор не задумываются над тем, насколько кошунственно более семидесяти лет звучали слова: в 1917 году советская власть *вернула* крестьянам землю!

Земля, конфискованная у народа и предоставленная ему лишь «в пользование», и в самом деле стала чуждой тем, кто на ней в поте лица своего трудился. Земля попала в беду и пребывает в этой беде по сей день. Отвратить народ от собственной, некогда принадлежавшей ему земли, сделать их чуждыми друг другу — этого, можно смело сказать, за всю историю человечества, кроме коммунистической власти, не удавалось никому. Это, может быть, и есть одно из самых

«высоких» достижений социалистического строя двадцатого века. Буквально через три месяца после обнародования Декрета о земле большинство крестьян поймет, в какую они попались ловушку. Но будет уже поздно: революционная гильотина «военного коммунизма» заработает во всю мощь, отсекая на своем пути головы всех тех, кто попытается выразить ропот и недовольство.

Поистине удивительным по своей смелости и непрекращаемой жестокости выглядит это декретированное заявление: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда! То есть сразу же после октябрьского переворота Ленин без малейшего сомнения был уверен **в вечности** пребывания большевиков у власти, считал эту власть отныне и навсегда единственно возможной, несменяемой, а отношение к частной собственности — безвариантным: «отменяется **навсегда**». Не потому ли теперь нам так тяжело пересматривать такое отношение, не оттого ли столь велико сопротивление властей предрешающих, когда заходит речь о передаче нашей истерзанной, неухоженной земли в собственность тем, кто желает на ней жить и работать?! Не потому ли так велико предубеждение многих простых людей к возврату земли индивидуальным крестьянским хозяйствам, то есть к пересмотру, мягко говоря, не оправдавших себя положений эсеро-большевистского Декрета, дававшего нам «навсегда»?

В последнем пункте этого закона сказано: «Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются». Это заверение выглядит довольно странно и даже несколько загадочно. Прежде всего оно, на первый взгляд, не согласуется с первым пунктом: «**Вся** земля... обращается в всенародное достояние». Не думаю, чтобы Ленин мог не обратить внимания на столь явное несоответствие одного другому. Здесь скорее всего имел место чисто пропагандистский ход: сыграть на настроении и привлечь на свою сторону всех вообще бедняков. Но что скрывалось под словом «рядовые» крестьяне и казаки? Как показала жизнь — имелись в виду те, кого не надо было раскулачивать (хотя бы временно), кто в будущем составит безропотную массу комбедов, чьими руками будет производиться вся эта бесчеловечная кампания по конфискации, реквизиции, экспроприации, контрактации, налогообложению и т.д. А точнее сказать — это **безземельные** сельские жители и батраки. То есть закон последним своим пунктом вполне согласовывался с первым, ничего в нём не нарушая. Это была одна из многочисленных хитростей коммунистического законотворчества. О том же, как в дальнейшем большевики отнеслись к «рядовым» казакам, нам прекрасно

известно из опубликованной в наше время директивы по расказачиванию 1919 года. Так отнеслись, что казачество как самостоятельный этнос ныне уже не существует. Но еще по сей день в средствах массовой информации многие публицисты продолжают умиляться «блистательным решением» крестьянского вопроса одним из декретов Октября...

Созванный в срочном порядке еще до начала «штурма» Зимнего дворца Второй Всероссийский съезд Советов состоял в основном из делегатов-большевиков, которые, конечно же, проголосовали за своих при выборах в Совет Народных Комиссаров и ВЦИК (из 649 делегатов к началу открытия съезда большевики составляли 390 человек. Меньшевики, эсеры и бундовцы в знак протеста покинули съезд). Во второй день работы, после ареста «правительства буржуев и помещиков», съезд утвердил ленинский Декрет о земле как законопроект, который должен был действовать «по возможности немедленно» до будущего Учредительного собрания. В своем докладе на съезде Ленин говорил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ (имелся в виду опубликованный в «Известиях» эсерами «Крестьянский наказ о земле». — В.Х.) составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не всё ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны (это «несогласие» покажет себя в очень скором времени. — В.Х.). В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так. Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам... Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь» (т. 35, с. 27).

Я привел эту довольно пространную ленинскую цитату для того, чтобы читатель самостоятельно мог сравнить широкие и, возможно, вполне искренние революционные посулы вождя «диктатуры пролетариата» с той реальностью, с какой столкнулись и крестьяне, и всё население России в последовавшую за этими посулами бескомпромиссную эпоху.

В конце 1917 года прошли выборы в Учредительное собрание, которое должно было стать высшим государственным органом страны. Как известно, большинство голосов на этих выборах получили правые эсеры. Такой исход не мог устраивать правящую ленинскую фракцию РСДРП и примкнувших к ним левых эсеров (через полгода левые эсеры будут разогнаны большевиками). Упустить власть из своих рук через элементарные выборы — с этим правящая партия не только не могла согласиться, но даже не допускала для себя такой мысли. Ленин срочно пишет «Проект декрета о роспуске Учредительного собрания», где без всяких оговорок сказано следующее: «Развитие русской революции изжило буржуазный парламентаризм в ходе борьбы и соглашательства, создав советскую республику как форму диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Ни шагу назад» (т. 35, с. 232).

Эти слова о «буржуазном парламентаризме» последовали только **после** подведения итогов голосования, но **до того** Ленин, надеясь на успех, поддерживал парламентскую демократию, от самих выборов не отказывался и баллотировался от Балтийского флота. Вот ленинская телеграмма во Всероссийскую комиссию по выборам в Учредительное собрание: «Прошу считать меня выбранным от армии и флота Финляндии, по остальным же округам, по которым я прошел, считать меня отказавшимся. В. Ульянов (Ленин). Петроград, 28 ноября 1917 года» (т. 50, с. 14). Одним словом, правящую партию устраивал только тот парламентаризм, который оставил ее у власти. Так, незадолго до этого, в ноябре 1917 года, в обращении «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России» («Правда», №182) Ленин утверждал: «В России завоевана Советская власть, и переход правительства из рук одной советской партии в руки другой партии обеспечен без всякой революции, простым решением Советов, простым перевыбором депутатов в Советы. Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является поэтому Советским правительством» (т. 35, с. 72).

В своем же «Проекте декрета о роспуске Учредительного собрания» Ленин пишет: «Собравшееся 5 января Учредительное собрание дало... большинство партии правых эсеров...» И констатирует: «Тем самым Учредительное собрание разорвало всякую связь между собой и Советской республикой России». И бескомпромиссно заканчивает: «Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет: Учредительное собрание распускается» (т. 35, с. 236—237).

Ну как тут еще раз не вспомнить заверений Ленина, сделанных им два с половиной месяца назад — в октябре 1917 года: «И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами (а победу правым эсерам на Учредительном собрании обеспечили именно крестьянские депутаты. — **В.Х.**) и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам». Да, упоительно было большевистским лидерам после захвата власти произносить красивые демократические лозунги в надежде соблазнить крестьян широтой взглядов и великодушием. Но как быстро слетел с них весь пропагандистский флер при столкновении с жесткой и реальной действительностью, которая оказывалась не в их пользу! И сразу же все неугодные реальные люди получали ярлык контрреволюционеров, а «не оправдавший» себя парламентаризм выбрасывался на свалку как «буржуазный».

Декрет о земле — «временный закон», имевший силу лишь до созыва Учредительного собрания, в дальнейшем нигде никем не утверждался и как бы должен был потерять свою силу, ведь большевики с самого начала, как указывал Владимир Ильич, «с ним были не согласны» (у них была своя программа ограбления деревни, которую они затем и провели в жизнь). Так, в сущности, и произошло. После разгона «учредиловки» в стране была объявлена политика «военного коммунизма», а в деревнях введена продразверстка, и начался варварский, ничем не прикрытый грабеж крестьянских хозяйств. Если Декрет о земле при всей своей безжалостной сути всё же имел кое-какие гуманные положения, как например: «Вложенная в землю стоимость удобрений и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены», то после января 1918 года всё, что в этом законопроекте могло иметь хоть малейший положительный момент для крестьян, было отброшено и забыто, что и послужило главным толчком к глобальному народному подъему против диктатуры и террора нового режима. Декрет о земле с того момента прекратил свое действие, и только этот момент можно считать подлинным началом Гражданской войны в России. Население российских деревень со страхом прозрело и остро почувствовало, **чем** всё это обернется для них в недалеком будущем... К сожалению, эти страницы нашей истории практически не исследованы, имеют тенденциозное и в корне искаженное толкование.

Нередко приходится сталкиваться с убеждением, что началом Гражданской войны послужили выступления против советской власти войск Керенского, Краснова, Корнилова, Каледина и кадетских вооруженных формирований сразу же после Октябрьского государственного переворота. Насколько серьезным было это сопротивление Советам, можно судить по словам самого Ленина, сказанным им в воззвании к крестьянству в декабре 1917 года, а именно, что все это — не больше и не меньше, как действия «советских армий против **ничтожного** числа надеющихся на силу богатства и желающих свергнуть Советскую власть» (т. 35, с. 151, выделено мной. — В.Х.). Ленин был прав: сопротивление это и впрямь оказалось ничтожным. И не случайно все учебники истории СССР началом Гражданской войны ставят 1918 год, так как именно с этого года против диктатуры большевиков поднялось трудовое крестьянство всей России. Крестьяне убедились в том, что правящая партия большевиков, на словах провозглашавшая власть народа, на деле проигнорировала их настроения, наказания и требования как на Втором Всероссийском крестьянском съезде в декабре 1917 года, так и на январском Учредительном собрании, на котором чаяния крестьянских депутатов вообще были растоптаны, когда большевикам стало ясно, что крестьяне от них отвернулись.

В.И. Ленин не скрывал силы и опасности для диктаторской власти этой всенародной борьбы. Он признавал, что сила повстанческой, по его выражению, «мелкобуржуазной анархической стихии» оказалась для коммунистического режима опаснее всех белых армий, вместе взятых (т. 43, с. 23—24). В письме Кларе Цеткин в июне 1918 года вождь российского пролетариата сообщал: «Классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол — беднота за нас, кулаки яростно против нас» (т. 50, с. 128).

В последнее время с трудом, со скрипом, но все-таки восстановилось в большей части современного общества справедливое отношение к многочисленному, основному слою крестьянства, некогда заклеяменному этой убийственной кличкой «кулаки». Все мы лишь недавно прозрели и осознали, что жуткие действия советской власти по раскулачиванию явились не чем иным, как унижением, закабалением и физическим истреблением ни в чём не повинных людей, единственное «преступление» которых состояло в том, что они умели и желали выращивать хлеб.

Как отнеслось революционное правительство к этим людям — теперь, в общем-то, хорошо известно, и тем не менее есть смысл еще раз напомнить сухие строки ленинских теле-

грамм тех первых лет социалистической революции. Вот лишь некоторые из них. Наркому продовольствия А.Д. Цюрупе: «...о б о б р а т ь и отобрать в с е излишки хлеба у кулаков и богатеев всей Тульской губернии...», «Дать задание — *очистить* уезд от *излишков* хлеба д о ч и с т а» (т. 50, с. 137, здесь и далее разрядка и курсив В.И. Ленина). В Пензу, Е.Б. Бош: «Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» (т. 50, с. 143). Так что советские концлагеря уже вовсю действовали, а ведь это — август 1918-го. — В.Х.), «Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков» (т. 50, с. 148). Пенза, В.В. Курраеву: «Необходимо с величайшей энергией, быстротой и беспощадностью подавить восстание кулаков, взяв часть войска из Пензы, конфискуя всё имущество восставших кулаков и весь их хлеб» (т. 50, с. 144). Елец, С.П. Середе: «Крайне важно поставить дело так, чтобы в одной волости за другой ссыпались и вывозились все без изъятия излишки хлеба». Задонск, М.Ф. Болдыреву: «Действуйте самым решительным образом против кулаков и снюхавшейся с ними левозеровской сволочи. Обратитесь с воззваниями к бедноте. Организуйте ее. Запросите помощи от Ельца. Необходимо беспощадное подавление кулаков-кровопийцев» (т. 50, с. 152). А.Д. Цюрупе: «Проект декрета — в каждой хлебной волости 25—30 *заложников из богачей*, отвечающих *жизнью* за сбор и ссыпку всех излишков», «Я предлагаю «заложников» не *взять*, а *назначить* поименно по *волостям*. Цель назначения: именно богачи, как они *отвечают* за контрибуцию, отвечают ж и з н ь ю за немедленный сбор и ссыпку излишков хлеба» (т. 50, с. 144—145). Пенза, А.Е. Минкину: «Роту латышей оставьте пока в Пензе до подавления Чембар. Передайте всем членам исполкома и всем коммунистам, что их долг беспощадно подавлять кулаков и конфисковать весь хлеб повстанцев. Я возмущен Вашей бездеятельностью и слабостью» (т. 50, с. 156). В Козлов, А.Л. Коллегаеву: «Сообщайте два раза в неделю, насколько энергично идет призыв переселенцев и подавление восстания» (т. 50, с. 314. Имеется в виду восстание донских казаков. — В.Х.). В Богучар, Г.Я. Сокольникову: «Наступление на Петроград удесятерит опасность и крайнюю необходимость подавить восстание немедленно, во что бы то ни стало» (там же). Киев, Х.Г. Раковскому: «Декретируйте и проведите в жизнь полное обезоруживание насе-

ления, расстреливайте на месте беспощадно за всякую сокрытую винтовку» (т. 50, с. 324). Ливенскому исполкому: «Необходимо... конфисковать весь хлеб и всё имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков... арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба» (т. 50, с. 160). Симбирск, Гусеву, Лашевичу: «Обратите сугубое внимание на восстание в районе Иргиза. Не запускайте, мобилизуйте поголовно все окрестности, обсудите, нельзя ли аэропланами побить повстанцев» (т. 50, с. 345). Ф.Э. Держинскому: «Если мы получим восстание на Кубани, *вся наша политика* (о которой говорили в Цека) *крахнет*. Надо во что бы то ни стало не допустить восстания, не пожалеть на это людей и сил» (т. 51, с. 271).

По аналогичным телеграммам можно судить и о методах мобилизации рабочих и крестьян в Красную армию. Реввоенсовету Востфрона: «Мобилизуйте в прифронтовой полосе поголовно от 18 до 45 лет, ставьте им задачей взятие ближайших больших заводов, вроде Мотовилихи, Миньяра, обещая отпустить, когда возьмут их...» (т.51, с.344). Э.М. Склянскому: «Не надо ли указать Смилге, что надо *поголовно* (после сбора хлеба) брать в войско в с е х взрослых мужчин? Надо» (т. 51, с. 258). И.Т. Смилге, в Минск: «Необходимо налечь изо всех сил, чтобы белорусские рабочие и крестьяне, хотя бы в лаптях и купальных костюмах, но с немедленной и революционной быстротой дали Вам пополнение в тройном и четверном количестве» (т. 51, с. 263). Симбирск, Гусеву, Лашевичу: «Придется вам налечь изо всех сил на мобилизацию, иногда поголовную, прифронтовой полосы, на местные воензаги и на сбор винтовок с населения. Расстреливайте за сокрытие винтовок» (т. 50, с. 342).

Не менее красноречиво и распоряжение Ленина о том, как обязаны были действовать насильно мобилизованные красноармейцы и следовавшие за ними комиссарские отряды в оккупированных ими деревнях: «Войскам Кавкфронта идти пешком через всю Украину, рассчитав маршрут так, чтобы в к а ж д у ю волость (из 1900 приблизительно волостей Украины) заходила д в а ж д ы, через определенный промежуток времени, сначала конная, потом пешая часть для выполнения (и затем п р о в е р к и выполнения) следующих задач: сбор продовольствия (по разверстке); составление на месте, т.е. в каждой деревне, под охраной местных крестьян и под их ответственностью д в о й н о г о (против разверстки) запаса продовольствия (ссыпанного в амбаре, в доме попа, помещика, богача и т.п.)...; составление (и проверка) списка

«ответственных» крестьян... «Ответственные» крестьяне л и ч н о отвечают за выполнение продовольственных и других заданий власти. После ухода войска специальной задачей местной власти (за неисполнение этой задачи — *расстрел*) является ведение в исправности и сохранение этого списка; разоружение крестьян-богатеев. Полный сбор оружия. Ответственность за найденное оружие на начальнике воинской части; за незаявленное оружие на том, у кого найдено (расстрел), и на всей группе «ответственных» крестьян (штраф, но не деньгами, а хлебом и вещами; конфискация имущества, арест; работы в копях)... В «упорных» волостях или селах воинские части либо организуют «третье посещение» (войском), либо остаются на *постой* подольше (до 2-х недель) для наказания и исправления» (т. 51, с. 245—246). Не правда ли, всё это похоже на действия **вражеской оккупационной армии**?..

А вот как настраивалось на крестьян голодное население страны: «Передайте учителям Тверской губернии, что хлеб находится у кулаков и что задача Советской власти заключается в том, чтобы этот хлеб передать трудящимся» (т. 50, с. 261). Получалось, что если Советское правительство намеревалось хлеб «передать трудящимся», то крестьяне к таковым ни в коей мере не относились.

Существует расхожее мнение, будто наш народ после 1917 года чуть ли не молча покорился воле диктаторской власти. Это абсолютно не так. Обманутый народ ответил на нарушение его тысячелетнего уклада жизни упорным и повсеместным сопротивлением, потеряв при этом более десяти миллионов человеческих жизней из почти двенадцати миллионов общих жертв Гражданской войны. Крестьянская борьба за освобождение от деспотизма «военного коммунизма» закончилась лишь после того, как Ленин вынужден был объявить о переходе к «новой экономической политике». Крестьянство победило в этой борьбе. Вот только не было никаких оснований относиться с доверием к словам Ленина о том, что нэп введен «всерьез и надолго», помня о слишком частых тактических и пропагандистских заверениях лидеров «пролетарской диктатуры», являвшихся для них обычным делом. Лейба Троцкий в книге «Литература и революция», вышедшей в 1923 году, прямо сказал: «Пришел нэп. Пришел и уйдет» (с. 73). И это был тот случай, когда он оказался прав.

Конечно, Сталин довел до конца дело «ликвидации кулачества как класса», но было бы малодушно не помнить о том, из чьих рук он принял убийственную эстафету уничтожения русского крестьянства.

Какую же цель преследовали теоретики «пролетарского интернационализма»? Об этом теперь можно только догадываться, судя по тем страшным делам, какие они творили в нашей некогда процветающей и благодатной обители. Но после горького опыта их кровавых экспериментов мы можем смело и откровенно сказать, что путь социалистической революции в России — это путь от расказачивания, от раскрестьянивания к расчеловечиванию всего народа. В июле 1918 года на Пятом Всероссийском съезде Советов Ленин, настаивая на проведении в жизнь «правильного» распределения продуктов среди населения России, высказывает потрясающее и многое объясняющее убеждение: «Но глубоко ошибается тот, кто думает, что социализм можно строить в мирное спокойное время: он везде будет строиться во время разрухи, во время голода, так и должно быть...» (т. 36, с. 501).

Таким образом, согласно ленинскому определению, приступать к строительству социализма можно только тогда, когда страна будет доведена до разрухи, голода и нищеты, доведена сознательными, целенаправленными действиями. И это состояние разрухи и нищеты еще нужно было внушить народу как состояние во всех случаях неизбежное без построения социализма (ныне — без осуществления «перестройки»).

Давайте представим себя присутствующими на Пятом съезде Советов и прислушаемся к страстной речи вождя пролетариата: «...капиталисты и помещики десятки миллионов людей веками гнали и преследовали за одну только мысль об управлении землей. А теперь в несколько недель, в несколько месяцев, при отчаянной, бешеной разрухе, когда война изранила всё тело России, так что народ похож на избитого до полусмерти человека, — в такое время, когда в наследство нам цари, помещики и капиталисты оставили величайшую разруху, за новое дело, за новое строительство должны браться новые классы...» (т. 36, с. 499).

Но ведь нам прекрасно известно, что до разрухи Россию довели не царизм, не Первая мировая война и даже не Временное правительство, но — социалистическая революция и развязанная большевиками Гражданская война. То есть уже в 1918 году, поставив народ перед свершившимся фактом — разрухой и голодом, Ленин, точно следуя своей формуле построения социализма, страстно и прямолинейно стремится убедить делегатов съезда в том, что выход из создавшегося в стране положения — только в «справедливом», «без эксплуататоров и грабителей», «без буржуев и капиталистов» социалистическом способе хозяйствования. Большинство делега-

тов, как видно из стенограммы, увлечено этой речью, многие потрясены пронизательностью и убедительной прямоотой вождя, они встают с мест и бурно аплодируют. Они еще не знают, что разруха и голод в течение трех следующих лет будут всей деятельностью Советов и карающих органов доведены до наивысшего предела: заводы и фабрики, лишенные сырья и топлива, остановятся, деревни окажутся разоренными, хлеб — конфискован, продукты и скот — реквизированы. Они еще не знают, что конфискованный хлеб будет отправлен в Германию — с одной стороны, как плата за Брестский мир и с другой — для поддержки немецких рабочих в надежде на скорую социалистическую революцию в Германии, хотя нет никаких сведений о том, что они в 1918 году в этом хлебе нуждались. В России же начнется людоедство.

Необходимо заметить, что ленинская формула построения социализма только «во время разрухи, во время голода» почему-то распространялась лишь на Россию, хоть и сказано в ней, что **так** социализм будет строиться «езде». Ведь ожидая социалистическую революцию в Германии, Ленин приказывал срочно отправлять туда русский хлеб (а не наоборот), опасаясь доводить немецкий пролетариат до недовольства голодом и разрухой.

Вот тут возникает непростой вопрос: так ли уж «езде», в понимании Ленина, должен был строиться социализм лишь во время голода и разрухи? Не предназначалась ли такая участь только одной России? И не имея еще твердого ответа, нам остается пребывать в недоумении: что это было? — искреннее заблуждение вождя или его тактический ход, рассчитанный на наивных делегатов Пятого съезда Советов (речь Ленина неоднократно прерывалась бурными аплодисментами)? История возникновения социалистических государств в немалой степени поколебала эту ленинскую концепцию построения социализма. Хотя, конечно же, теперь уже совершенно ясно, что социализм как форма «правильного распределения» продовольствия себя не оправдал, так как странным образом всегда исходил из недостатка этого продовольствия. И с другой стороны, продовольственный недостаток сам по себе как бы должен был «защищать» это самое «правильное распределение», оставаться беспредельно долгим гарантом необходимости социалистической системы, доведшей наше существование до абсурда: система обусловлена продовольственным и товарным недостатком, а недостаток есть результат «работы» самой системы.

Но самое удивительное — то, что этот порочный замкнутый круг всевозможного «распределения» втянул нас в себя

не случайно. Он был запланирован, выношен в «гениальном» сознании задолго до своего применения и преподнесен нам как закономерная необходимость, в чём нетрудно убедиться, еще раз вернувшись к процитированным выше словам: «...социализм... везде будет строиться во время разрухи, во время голода, так и должно быть...»

Но Россия выжила. Наверное, высшему Провидению было угодно, чтобы Россия спаслась. Спаслась своей прежней, тысячелетней духовной, нравственной и физической силой. Никакая другая страна не смогла бы перенести то, что перенесла наша Россия. Любой другой народ разбежался бы, сгинул бы от таких невероятных страданий и пыток. Не потому ли и выбрало Провидение для распинания Россию, что только одна она и могла это всё вытерпеть? «Мы будто живем для того, чтобы дать какой-то великий урок человечеству» — эти слова Чаадаева оказались провидческими.

Начиная с октября 1917 года, в историю человечества вошел геноцид, в котором переплелись национальные и социальные признаки или, точнее сказать, — который вытекал из т.н. *социального национализма*. То есть данный геноцид мы вправе назвать **социальным**. И распространялся он не на какую-то отдельную социальную группу людей. С октября 17-го и почти до конца 20-х годов в СССР последовательно и планомерно уничтожались по социальному признаку и дворянство, и интеллигенция, и духовенство, и купечество, и крестьянство, и пролетариат. И поэтому с уверенностью можно говорить, что под широким прикрытием классовой борьбы подвергались уничтожению (по социальному признаку) практически **все** слои населения страны, то есть можно прямо сказать, что планировалось тотальное истребление большей части населения или, по крайней мере, — половины. Об этом красноречиво свидетельствует трагедия расказачивания на Дону, когда четырехмиллионное население бывшей Области Войска Донского в течение 1919—1920 годов потеряло около двух миллионов человек. Не потому ли угасла цель вершителей социального геноцида, что наш народ не встал на колени и не подставил безропотно голову под бухаринскую «пролетарскую секиру», но выказал несгибаемое мужество и, умирая, не покорился специалистам по «мировому пожару».

Однако нынешняя либеральная пресса, когда речь заходит о «большевистском геноциде», предпочитает говорить лишь о сталинском терроре 1937 года... И снова и снова, как только кто-либо наравне с фактами репрессий тридцатых-пятидесятых годов прошлого века касается террора и гено-

цида первых послереволюционных лет и пытается **всё** прошлое насилие и **всё** то народное горе **связать воедино**, на этих людей моментально, с каким-то твердолобым упорством навешивается ярлык «обеливателей» Сталина. Даже не эпохи сталинизма, а самого Сталина. Так поступали и с В.Беловым, и с В.Кожинным, и с Ю.Бондаревым, и с М.Лобановым, и с А.Ланшиковым и с многими другими честными и наиболее объективными русскими писателями, прикасавшимися к этой теме, главные открытия которой с трудом пробиваются из-под завалов лживой мифологии и фальсификации исторической науки.

Вот, к примеру, факт, который очень не нравится либеральным оракулам, более того, который их очень сильно раздражает. А. Солженицын в книге «Архипелаг Гулаг» приводит полный список лагерных палачей: «Начальники Главного управления лагерей (ГУЛАГ): Коган, Берман, Нахимсон, Френкель. Их заместители: Раппопорт, Абрамсон, Плинер.

Начальники крупнейших концлагерей: Фирин (Беломорстрой, канал Волга—Москва), Биксон (СИБЛАГ), Серпуховский (Соловки), Финкельштейн (лагеря Северного края), Погребинский (лагеря Свердловской области). Мороз Яков Моисеевич, свояк Бермана (Печорский лагерь), Френкель (БАМЛАГ).

Начальники управления НКВД на местах: Абрампольский, Балицкий, Блат, Гоглидзе, Гоголь, Дерibas, Заковский, Залин, Зеликман, Карлсон, Кацнельсон, Круковский, Милевский, Пилляр, Райский, Реденс, Ритковский, Симоновский, Суворов, Троцкий, Файвилович, Фридберг, Шкляр».

Я привел этот список не для того, чтобы подчеркнуть национальность подавляющего из них большинства, чему так противятся наши ревнителы космополитизма, а с той целью, чтобы эти имена люди запомнили и не забывали.

Спорить с современными разрывателями единого процесса российского геноцида становится бессмысленно. Они просто **не хотят** ничего знать и слышать. Для них Сталин — та ширма, за которую они прячутся от изнасилованной Правды и, втянув головы в плечи, судорожно тычут пальцами в оплеванный портрет генералиссимуса: мол, это он, он виноват! И мы должны не с ними спорить, а спокойно и точно с помощью фактов и цифр объяснять народу то, что с ним сделали после октября 1917 года.

А БЫЛА ЛИ В ОКТЯБРЕ РЕВОЛЮЦИЯ?

Все мы со школьной скамьи знаем, что большевики пришли к власти в России 100 лет назад — 25 октября 1917 года. Этот день в нашей истории назван днем Великой Октябрьской социалистической революции. И с этого дня начинается отсчёт коммунистического периода нашего государства.

Но вот парадокс: сами большевики во главе с Лениным в октябре того, 1917 года, так не считали. Ни о какой Великой революции тогда еще речи не шло. И потому они наравне с другими партиями баллотировались в Учредительное собрание, намеченное на январь 1918 года. Лично В.И. Ленин, «вождь рабочих и крестьян», баллотировался не по месту жительства, не от какой-либо крестьянской общины и даже не от заводских рабочих, а от Балтфлота. В ноябре 1917 года, в обращении «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России» («Правда», №182) Ленин утверждал: «В России завоевана Советская власть, и переход правительства из рук одной советской партии в руки другой партии обеспечен **без всякой революции**, простым решением Советов, простым перевыбором депутатов в Советы». (Хотя произошло это после

того, как Керенский добровольно передал власть Троцкому, возглавлявшему Петроградский Совет, и улизнул в американское посольство, а меньшевики и эсеры покинули съезд Советов в знак протеста против того, что большевики бесцеремонно захватили президиум и комиссию по подсчету голосов.)

То есть сам Ленин подтверждал тот факт, что власть в стране к большевистской партии перешла *«без всякой революции»*. И ведь действительно, по воспоминаниям жителей Петрограда, они и слыхом не слыхивали, что 25 октября в их городе произошла какая-то революция. А о переходе большинства руководящих органов в т.н. Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов на Втором всероссийском съезде советов в руки членов РСДРП (большевиков) они узнали через несколько дней из газет. И т.н. «штурм» Зимнего дворца, «залп» «Авроры», «взятие почты и телеграфа», «женское платье Керенского» — это всего-навсего красивые мифы, созданные гораздо позже партийными большевистскими историками.

Да, они арестовали Временное правительство. Ну и что? Разве арест кого-либо правомерно называть революцией? В 1991 году Ельцин велел арестовать членов ГКЧП. Было бы очень смешно, если бы этот акт был назван революцией. Между прочим, ГКЧП тоже можно было бы назвать своеобразным «Временным правительством» с той лишь разницей, что времени у этого «Комитета» было намного меньше. И в 1991 году, между прочим, тоже было двоевластие — Горбачев и Ельцин...

Казалось бы, если твоя партия в результате революции захватила власть в стране и провозгласила «диктатуру пролетариата», т.е., как было написано в советских учебниках, «власть рабочих и крестьян», то зачем же ты, «вождь пролетариата», баллотируешься в какое-то еще Учредительное собрание, как потом оно будет пренебрежительно названо, — в «Учредиловку»? Конечно, скажут мне, кто же знал заранее, что ее, «Учредиловку», придется разгонять... Но как бы там ни было, самим фактом участия в выборах в Учредительное собрание большевики подтверждали **незаконность** своей власти в Советах.

Действительно, логика большевиков тогда, в октябре-декабре 1917-го, была проста и понятна. Ленин добивался **законности** своей власти. Он надеялся победить на этих выборах, чтобы **стать легитимным главой государства** и чтобы узаконить власть Советов. Как известно, эти выборы большевики проиграли. Победили на них правые эсеры, поддержанные большинством российского крестьянства (именно с ними, с правыми эсерами, большевики затем расправились в первую очередь; а позже — и с самим крестьянством). Но такой исход выборов, естественно, не устраивал ни Ленина,

ни Троцкого, ни их «вождей» помельче. И начавшее работу Учредительное собрание 5 января 1918 года было большевиками разогнано.

Вот именно тогда, а не 25 октября 1917-го, произошел в стране подлинный, настоящий государственный переворот. Именно этот день, на самом-то деле, и является реальной большевистской революцией. Именно с этого дня и началась реальная диктатура узурпировавших власть социал-демократов. Именно этот день и стал началом Гражданской войны с последующим Красным террором, с вычищением под корень всех недовольных «контрреволюционных элементов».

И в конце надо отметить такую немаловажную деталь: Ленин никогда не был **избранным**, т.е. **законным** главой государства.

PS. Мне могут возразить, что, мол, Ленин был председателем Совнаркома (т.е. премьером), а не главой государства. Действительно, юридически после октября 1917 года главой государства являлся Свердлов, а Петроградский Совет возглавлял Троцкий. Но как-то так получилось, что в мавзолее до сих пор лежит Ленин, а не кто иной из большевистских вождей, и памятники по всей стране стоят именно ему как «основателю советского государства», а не кому-то другому..

Между прочим, Сталин тоже был всего лишь премьером. А главой государства юридически являлся Калинин. Но в Тегеране, Ялте и Потсдаме с главами США и Англии встречался именно он, а не кто-то иной.

Валерий ГАБРУСЕНКО

ВЗЛЁТ И КРУШЕНИЕ

В феврале 1917-го власть в России была захвачена либеральным крылом глобализаторов («мировой закулисы», по выражению И.А.Ильина), однако это крыло, назвавшее себя Временным правительством, с управлением не справилось,

и уже осенью «власть валялась на дороге». В ноябре её захватило радикальное (марксистское) крыло глобализаторов, рассматривавшее нашу страну лишь в качестве плацдарма для завоевания мирового господства под благовидным предлогом создания «Всемирной республики советов», где будут процветать равенство и свобода от эксплуатации.

На русский народ интернационал-большевики смотрели, во-первых, как на пушечное мясо в революционной войне («дрова для костра мировой революции»), а, во-вторых, как на сырьё для выработки «нового социалистического материала». Поскольку «социалистический материал», как считали Ленин, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Бухарин и прочие «вожди пролетариата», можно было выработать при обязательном наличии всеобщей казармы, то во враги революции были сразу же зачислены все, кто идти туда не хотел — не только «эксплуататорские классы» (предприниматели) и «слуги самодержавия» (интеллигенция, офицерство, духовенство), но и вся крестьянская масса России. Началась война власти с народом, которая закончилась к середине 1930-х годов поражением интернационал-большевизма и победой национал-большевизма сталинского типа. Окончилась первая, досталинская эпоха коммунистического режима, именуемого Советской властью.

Разгром германского фашизма и японских агрессоров, рекордно быстрое восстановление разрушенной войной экономики, создание мощной промышленности и могучей армии, потрясающие успехи в науке, искусстве, образовании и здравоохранении, высокая общественная нравственность, социальный и межнациональный мир, небывалый всемирный авторитет и международное влияние — вот основные достижения СССР эпохи Сталина.

Казалось, это государство — вечное, как египетские пирамиды, ибо и основано-то оно на самом справедливом социальном строе, какого в мире ещё никогда не было. Но наступила послесталинская эпоха. Страна, получившая огромное ускорение при Сталине, ещё почти сорок лет катилась по инерции, а потом рухнула. Рухнула в одночасье.

О причинах крушения говорится и пишется много, но, в основном, с партийных позиций. «Демократы» видят корень в тоталитаризме советской системы, а «коммунисты» — в предательстве Горбачёва и Ельцина. Недоговаривают те и другие. Тоталитаризм не мешал хорошо трудиться и получать хорошую зарплату, не мешал и талантливым деятелям искусства (тоталитаризмом потом стали прикрываться бездарности, чтобы оправдывать свою бездарность) — об этом

«демократы» умалчивают. С другой стороны, Горбачёв с Ельциным, как и «бойцы идеологического фронта» Гайдар, Чубайс, Бурбулис, Собчак и пр., не с Луны свалились, а были возвращены в недрах КПСС — об этом умалчивают «коммунисты». Очевидно, были иные причины, и причины многогранные. Рассмотрим лишь одну грань.

В национальном вопросе Коммунистическая партия пыталась решить две взаимоисключающие задачи: воспитывать «национальные кадры» в республиках и одновременно формировать «новую историческую общность — советский народ». (Эту же политику пытается проводить и нынешняя власть, провозгласив намерение создать «российскую нацию».) В интернационал-большевистскую (ленинско-троцкистскую, русофобскую) эпоху такая политика вовсе не была противоречивой, поскольку убивала сразу двух зайцев: настраивала против русских другие этносы и подавляла национальное самосознание русского народа. В национал-большевистскую (сталинскую) эпоху эта идеология была отмечена как вредная для государства, однако в постсталинскую эпоху, начиная с Хрущёва, она была вновь возведена в ранг догмы, а русский народ вновь стал подвергаться дискриминации — в национальном, социальном и экономическом отношениях. В результате была подготовлена почва для национал-сепаратизма на окраинах Империи, а денационализированный русский народ не оказал сопротивления ни развалу державы, ни захвату власти ставленниками мировой «закулисы». Безусловно, важнейшую роль в этом процессе сыграло произвольное разделение страны на национальные республики (с отчуждением исконно русских территорий в пользу ряда республик), что стало, по сути, миной замедленного действия, заложенной Лениным и взорванной в подходящий момент.

Не меньший догматизм Советская власть проявила и в вопросе о частной собственности, особенно в ходе «реформ» Хрущёва. Она так боялась проявления собственнических инстинктов, что уголовно преследовала почти всякую частную инициативу. Причём острière борьбы она направила против русского народа, проявляя «национальную деликатность» в отношении кавказцев и среднеазиатов. (Эта «национальная деликатность» сегодня вылилась в то, что русские утратили опыт коммерческой деятельности и огромный сегмент рынка в России оказался в руках именно кавказских и среднеазиатских дельцов, к тому же, этнически сплочённых.) Однако собственнические инстинкты вытравить не удалось, они были просто загнаны внутрь, и первым, у кого они про-

рвались наружу, оказалось столичное чиновничество. Уже с конца 1960-х коррупция стала заметным явлением в столичной жизни.

В догму была возведена идея о том, что раз социализм есть самый передовой строй, то и жизненный уровень советского народа автоматически является самым высоким в мире. Более нелепую идею трудно придумать, ибо для самого высокого жизненного уровня нужны, как минимум, три условия, которых у СССР не было и о которых пропагандисты никогда не говорили. Во-первых, самые лучшие биоклиматические условия. В наших условиях каждый килограмм хлеба и литр молока, каждый дом и автомобиль объективно обходились намного дороже, чем на Западе. Во-вторых, самые безопасные геополитические условия. В наших условиях, при таком исторически враждебном окружении, требовались огромные военные расходы, которые оплачивал каждый из нас. Наконец, главное условие — проведение политики ограбления других стран и народов, на чём держится благополучие Запада. Меняются лишь формы ограбления: раньше с помощью колониальных штыков, теперь с помощью МВФ. В СССР «колониальная политика» была прямо противоположной: из РСФСР в остальные республики ежегодно выкачивалось по 50 — 60 млрд. долл. (субвенциями, неравноценным товарообменом и т.д.). Эта догма была разбита в пух и прах, как только за кордон выпустили первых советских туристов, которые увидели там сверкающую витрину и, не разглядев, что за ней скрывается, стали сомневаться в преимуществах советского строя и советской пропаганды.

В корне порочным был догмат о бескризисности социализма, о его неизменно поступательном развитии. Здесь заведомо были смешаны в одну кучу социализм как форма общественных отношений и государство как система управления. А любая система может давать сбои и допускать ошибки, что и увидели граждане, когда из страны потоками шла нефть, в страну потоками шло зерно, куры, масло и прочие продукты, а в магазинах был хронический дефицит товаров. Ошибки следовало признавать, анализировать и исправлять, но этому мешал догматизм — власть спокойно жила и без давно назревших экономических реформ.

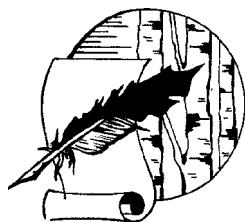
Для оправдания октябрьского переворота, репрессий против русского крестьянства и русской интеллигенции, для оправдания «красного террора», «военного коммунизма» и страшной Гражданской войны нужно было вбить в массовое сознание идею о том, что до 1917 года в России было всё плохо, а после 1917-го стало всё хорошо, что до 1917-го Россия — это

мрак, нищета, страшная эксплуатация, «тюрьма народов» и вообще какое-то историческое недоразумение, а потому понесённые жертвы в борьбе за светлое будущее были не напрасными, а «неизбежные трудности» надо временно потерпеть. Эта партийная установка превратилась в догмат веры, который с большим удовольствием использовала для очернения русской истории и унижения русского национального достоинства немалая армия русофобов — историки, писатели, журналисты, режиссёры. Попытку государственного переворота в 1905 — 1907 годах представили как «первую русскую революцию», хотя организаторами её были нерусские и проводили они её не в русских интересах, о чём в 1905 г. прямо написал выходящий в Лондоне сионистский журнал «Маккавей». Причинами февральского переворота 1917 года назвали «гнилость царского самодержавия», поражения Русской армии в мировой войне, неслыханную эксплуатацию народа и т.д. В результате этой пропагандистской лжи народ дважды в XX веке наступил на одни и те же грабли: в 1990-е годы власть в стране захватили такие же антирусские силы (духовные, а то и кровные потомки интернационал-большевиков) и под теми же лозунгами («Долой привилегии!», «Свободу и демократию!», «Советский Союз — империя зла» и т.д.).

Наконец, последнее. Коммунистическая власть хотела построить общество дружбы, братства и любви («Моральный кодекс строителя коммунизма»), то есть, по сути, — христианское общество, понося при этом и православную веру, и Самого Христа (это был ещё один коммунистический догмат). Задача оказалась утопической, потому что без Христа христианства быть не может.

На основе догматизма партийной идеологии осуществлялась и практическая политика, которая вошла, в конце концов, в острые противоречия с интересами страны и народа. Этим умело воспользовались наши враги — внешние и внутренние (недобитая Сталиным пятая колонна) и, наконец-то, осуществили свою многовековую мечту — разрушили великое государство.

г. Новосибирск

СТИХИ
ПОЭТОВ РОССИИ

Светлана ГОЛУБЕВА

ЧЁРНЫЙ

Никто здесь не свят и никто не свободен,
Но ангелы реют над сотнею родин,
И только над бедной отчизной моей
Завис тот, кто ночи январской темней.
Смертельный наводчик, он лазером глаз
Всяк день выбирает кого-то из нас
И ради жестокой, кровавой улады
Он целится в сильных, он целится в слабых,
Он сеет безумство, он сеет уродство,
Чтоб верили люди в его превосходство
И ради преступных, бредовых идей
Стреляли в своих стариков и детей,
Бомбили братьев, не зная о том,
Что Чёрный их выцелит тоже потом.
Направьте же, люди, орудия в небо,
Чтоб Чёрный осыпался хлопьями в небыль.

* * *

Война...
Все и каждый теперь на войне.
Нас прочили в жертву, мы сделались ратью,
Ах, если бы знать, что враги, а не братья
Сражаются с нами на той стороне.
Врагов наши деды в могучем рывке
Со здешних полей в сорок третьем погнали,
А мы нынче братьев свинцом поливали,
Друг друга кляня на одном языке.

Мы их победим, но им лучше не знать,
Наивным, несчастным, как вся Украина.
Оплачь их, беспутных, отчизна-чужбина,
Оплачь их, обманутых, бедная мать.

* * *

Я утро любила встречать у окна.
Был каждый рассвет не похож на вчерашний,
И тот, роковой, был, конечно, нестрашный,
А после мой мир сокрушила война.
Не дай вам Господь окаянной беды —
Увидеть сынишки обмякшее тело
И дом, обгоревший во время обстрела,
В чёрных воронках поля и сады.
Я утро любила встречать у окна
В прошедшей ли жизни, в мечтах ли, во сне ли...
Из нашей семьи я осталась одна
И вижу рассвет в автоматном прицеле.

г. Орёл

Борис БУРМИСТРОВ

* * *

Что-то не то в этом мире творится,
Если печалью подсвечены лица,
Если на лицах тревога застыла,
Значит, душа о душе позабыла,
Значит, душе одиноко и сирю,
Значит, в миру нету Божьего мира,
Значит Любовь в суете затерялась —
Мне не досталась, тебе не досталась...
Так и живем в этой жизни мы брэнной —
Плачет душа о душе сокровенной.

* * *

И холмы, и равнины,
И глухая тайга.
Скрип продрогшей осины,
И снега, и снега...

Это всё мне с начала
И до смертного дня,

И кусты краснотала,
И речушка Иня.

Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых
И далекий былинный
Голос предков моих.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заколочены крестом
Два окна в бараке том,
Два окна — и тьма, и свет —
Память там, а нас там нет.
Там гуляют сквозняки,
Задевая косяки,
Там давно уже в ночи
Холод веет от печи
И который год подряд
Молча стены голоса...

г. Кемерово

Надежда ЛИСОГОРСКАЯ

* * *

И уходим... И приходим...
Всё, что вспомним, — воспоём.
В лабиринтах память бродит,
Ищет день, где мы вдвоём.

Это зимние метели
Занесли твои следы.
Только птицы мне напели:
Близко, близко где-то ты.

Не отчаиваюсь вовсе —
Так, немного погрузу.
Возле ёлочек и сосен
След твой лёгкий отыщу...

г. Москва

Анна ТОКАРЕВА

* * *

Ради нас — и лопух придорожный,
И тюльпана лиловый бокал,
И заря, что легла осторожно
На безмолвие водных зеркал;
И кузнечик, что вечно стрекочет,
И пчелы неуёмная прыть,
И горластый задиристый кочет,
Что мечтает летающим быть...
И коровы дородное вымя,
И доверчивый пульс родника,
И певучее родины имя
Не на час, не на год — на века.

* * *

Потёмки в кувшине, а свет — высоко,
Но я научилась не плакать от боли,
Взбивать, и взбивать, и взбивать молоко,
Чтоб масла кусок получился поболе.

Как солнце лучисто, как пахнет земля,
Как дождика струйки прекрасны на теле!
Всё радость: и в белом пуху тополя,
И пёстренький фантик простой карамели!

Люблю и ценю каждый прожитый час,
Который едва ли опять повторится...
В игристом шампанском хорош ананас,
Но как ароматен мой хлеб из пшеницы!

г. Москва

Мария ЗНОБИЩЕВА

* * *

Неприличие счастья —
Удивительный крест.
Это очи лучатся
У небесных невест.

Это воздух пронизан —
Навылет, насквозь —
Голубыми, капризными
Звонами звёзд.
Разреши мне, любимый,
Сегодня грустить,
Чтоб себя за великое
Счастье простить.
Разреши мне глаза
Не смыкать до зари,
Разреши различать
Пустыри, фонари.
Разреши одиночества
Лёд голубой
Не дробить каблучком,
Не крошить под собой,
До конца не ломать его
В танце-прыжке,
Осторожно идти
По замёрзшей реке.
И когда ослепит
Полнолунием фар
Нас один на двоих
Полуночный кошмар,
Как когда-то его
Отдавал тишине,
Безвопросно и просто
Отдай его мне.

г. Тамбов

Николай ПЕРЕСТОРОНИН

* * *

Это родины добрая сила:
Облака, купола, образа.
Слишком громко душа говорила,
И ответили ей небеса.
Не забудешь минуты святые,
Покаянно склоняя главу,
Будто искры летят золотые,
Осыпаясь листвой на траву.
Небосвод, словно с проседью просинь,
Но, спрямляя изгибы тропы,

Разгорается русская осень,
Золотая подсветка судьбы.
И останется в памяти чистой
На развилке российских дорог,
Как летит угасающей искрой
В листопад опоздавший листок.

ВОЛОГОДСКИЙ МОТИВ

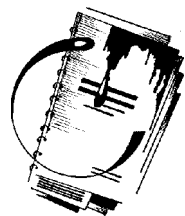
Покажется: здесь и душа отдыхает,
Хранима Всевышним на все времена,
В полуночной Вологде ветер стихает,
И белая церковь видна из окна.
Но запертый воздух холодного крова
Рванется наружу, знакомый до слёз.
И каменный шарфик на шее Рубцова
Затянет потуже крещенский мороз.

г. Киров

ТАЙНЫ ЦАРЕУБИЙСТВА

В январе 1918 г. в Екатеринбурге инженер Ипатьев купил дом купца Шаравьева. Сам этот факт не вписывается в логические рамки. В январе 1918-го никто в России недвижимость не покупал! От нее избавлялись, домовладельцев уже приравняли к «буржуйам». Взять денег на покупку было негде, банки национализировали. Те, кто сохранил наличность, обращали ее в золото, драгоценности, валюту. Но город был «вотчиной» Свердлова. Здесь верховодили его близкие подручные: Белобородов, Голошкеин, Войков, Юровский, Сыромолотов, Чуцкаев. А Ипатьев был приятелем Войкова — до поры до времени. В апреле тот же Войков потребовал от него выехать. И следы Ипатьева исчезают, будто его и не было. Но если учесть, что царевубийцы были связаны с масонством, загадка находит объяснение. Здание специально сделали «домом Ипатьева». Чтобы замкнуть магический круг между Ипатьевским монастырем, где началась династия Романовых, и местом ее завершения.

Но было еще одно совпадение. Почему «домом Ипатьева» сделали именно этот особняк? Оказывается, он располагался рядом с

ДОСЬЕ "МГ"

резиденцией британского консула Томаса Престона, просматривался из его окон! А фигура Престона весьма любопытна. Всю революцию 1905—1907 гг. он провел служащим горнодобывающей компании в Батуме. Известно, что здешний британский консул Патрик Стивенс активно шпионил. Через Батум завезли 8,5 тыс. винтовок на английском пароходе «Сириус». Груз был конфискован, но за взятки всё равно попал к революционерам. После этого Престон закончил Кембридж и в 1913 г. приехал дипломатом в Екатеринбург. Но не отрывался и от прежней специальности. Обеспечивал интересы британских горнопромышленников на Урале.

При Советской власти у Престона установились отличные отношения с руководителями Уральского Совета — особенно близко он сошелся с Сыромолотовым, которого знал и раньше. На это тоже стоит обратить внимание. Сыромолотов в первую революцию руководил у Свердлова дружинами боевиков. Кроме того, он был женат на первой супруге Троцкого. А в начале 1918 г. именно ему было поручено произвести национализацию Русско-Азиатского банка (один из владельцев — дядя Троцкого Животовский). Значит, он входил в круг очень доверенных лиц.

В апреле «дом Ипатьева» переоборудовали в тюрьму. Из Тобольска сюда перевезли царскую семью. При переезде отпустили воспитателей государевых детей, швейцарца Жильяра и англичанина Гиббса. Они сразу обратились к Престону, молили предпринять меры для спасения Николая Александровича и его близких. Однако получили ответ, что, по мнению англичан, положение царя «не является угрожающим».

Но один из лучших британских разведчиков в России, майор Стивен Аллей, якобы получил задание — подготовить операцию по спасению царя. Он создал группу из 6 «русскоговорящих» агентов. За домом Ипатьева установили наблюдение. Однако в мае операция без всяких объяснений была прекращена. Это вызывает множество вопросов. Престон, силившийся показать, что усилия к спасению предпринимались, нигде на эту операцию не ссылается. А Аллей не упоминает Престона. Хотя обойтись без контактов они никак не могли, и лучшим местом для наблюдения за «домом Ипатьева» было консульство. Престон каждое утро смотрел с чердака на прогулки императора. Но свидетельство об операции Аллея подтверждает — в Екатеринбург прислали группу британских агентов.

Многие лица под разными предлогами получали разрешения на свидание с царем — сотрудники Красного Креста,

дипломатические представители, сербский офицер Мичич. Сербская принцесса Елена с Жильяром и Гиббсом постоянно приходила к Престону, обсуждали, как помочь? Но само консул союзной державы не навелю он указывал, что «почти каждый день» бывал в Уральском Совете, общался с Белобородовым, Чуцкаевым, Сыромолотовым, хлопотал об «облегчении участи» царя, и ему за это якобы даже угрожали расстрелом.

Но это ложь. Потому что Престон оставался с большевиками в прекрасных отношениях. Сибирский исследователь Станислав Зверев, изучивший множество документов, пришел к выводу: «В Екатеринбурге советские власти скорее лебезили перед Престоном, чем угрожали ему». И это неудивительно. В советском правительстве прорабатывались планы передачи предприятий в концессию иностранцам: в июле 1918 г. Москву посетила британская экономическая миссия, ей наобещали широчайшие перспективы.

Что же касается ходатайств Престона о судьбе царской семьи, то со стороны Англии таких обращений не было ни разу. Ни в советских, ни в британских архивах ни одного такого документа не обнаружено. А вот со стороны немцев обращения были! Клету 1918 г. в окружении кайзера родился проект оборвать игры с большевиками и перенести ставку на монархистов. Если помочь им скинуть Советскую власть, то Германия, даже проиграв войну, получала в лице России надежного друга на будущее и возможности для экономического внедрения в нашу страну. В таком варианте Николай II или его наследник ох как пригодились бы!

24 июня полпред в Берлине Иоффе доложил Ленину, что министр иностранных дел Кюльман сделал ему запрос о царе и откровенно предупредил — гибель государя «страшно повредит» большевикам. Встревоженный Иоффе предлагал — если «что-то произойдет», необходимо показать «нашу непричастность». Положением государя озаботился и посол Мирбах незадолго до своей гибели — потребовал устроить ему очную ставку с императором. Не исключено, что это ускорило теракт, организованный капитаном SIS Хиллом. А после убийства посла Ленин начал переговоры с Германией. Если бы немцы потребовали выдать царя, отказать им было невозможно...

Донесения Престона в Лондон, ныне ставшие достоянием историков, говорят, что его беспокоило вовсе не спасение царской семьи. Он писал, что надо «захватить Романовых», иначе они попадут в руки Германии и «станут козырной кар-

той для будущей германофильской монархической ориентации». То есть нельзя выпускать их с Урала на запад. Но англичане имели полную возможность «захватить» царскую семью в 1917 г., приняв ее в своей стране. Они отказались.

Решение уже подразумевалось покупкой «дома Ипатьева». Исполняться оно стало одновременно с убийством Мирбаха. В начале июля в Москву ездил с Урала друг Свердлова Голощекин. Очевидно, там он получил инструкции. После его возвращения в Екатеринбург закипела подготовка. Сменили охрану в доме Ипатьева, заготавливалось большое количество керосина и серной кислоты для уничтожения тел. Престон и об этом знал. Обмолвился, что «слышал» о поручении доктору Архипову закупить 400 фунтов серной кислоты.

Кстати, спасти царскую семью было реально. На нескольких уральских заводах против большевиков восстали рабочие. Чехи воспользовались, рванули вперед, 10 июля заняли Кыштым — совсем близко от Екатеринбурга. А Престон подерживал с чехами связь через курьера. Но дальше они не пошли. Союзное командование повернуло их в другом направлении, на Уфу. По сути, они лишь создали предлог для цареубийства.

В ночь на 17 июля в подвале дома Ипатьева были зверски убиты 11 узников: царь, Александра Федоровна, наследник престола Алексей, царевны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, врач Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп и комнатная девушка царицы Демидова. Тела были вывезены в район Ганиной Ямы и сожжены. Точно так же, как сожгли тело друга царской семьи Распутина. Но когда город заняли белые и следователю Н.А. Соколову поручили раскрыть обстоятельства преступления (по собственной инициативе к следствию присоединился генерал М.К. Дитерихс), всплыли доказательства, что убийство было не только политическим, но и ритуальным.

У царя и членов его семьи после их умерщвления, еще в доме Ипатьева, отсекали головы, их унес куда-то Войков. 19 июля один из цареубийц, Юровский, выехал с докладом в Москву. Он вез с собой опечатанный чемоданчик и три грубо сколоченных ящика. А на стене Ипатьевского подвала были обнаружены две кабалистические надписи. Расшифровкой впоследствии занимался ученый-востоковед, знаток магии, М.В. Скарятин. Вариант, к которому он пришел: *«Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы».*

Большевики оповестили, что царь расстрелян по инициативе Уральского Совета, а царица, наследник и дочери государя эвакуированы. Хотя немцы по своим каналам уже на-

чали получать подлинную информацию. 19 июля сотрудник германского посольства в Москве Ботмер записал: *«Подробности убийства царя, которые постепенно становятся известны, ужасны. Теперь уже, пожалуй, нет сомнений, что чудовищно убиты также царица и дети царя, что распоряжение было дано здешним центральным правительством»*.

А следствие Соколова стало наткаться на препятствия. Важный свидетель, охранник Медведев, вдруг умер в тюрьме: объявили, что от тифа, но в этом были серьезные сомнения. Собственное расследование взялся вести военный министр Сибирского правительства генерал Гришин-Алмазов. Но его сразу отправили в отставку. Уехав на юг, он на совещании с союзниками в Яссах заявил, что против него «повел интригу английский консул Престон, роль которого вообще предстает загадочной». В покое его не оставили. Союзники выжили его из Одессы, а потом, на Каспийском море, английский корабль, сопровождавший его катер, неожиданно ушел — и, судя по последствиям, навел миноносцы красных. Гришин-Алмазов погиб.

А к Соколову подключили корреспондента лондонской «Таймс» Роберта Вильтона — сотрудничавшего с британской разведкой. Он повернул следствие на «германскую» версию. Даже постарался бросить тень на Распутина. Вильтон выпустил первую книгу о цареубийстве в подобном ключе, «проложив рельсы» для дальнейшего расследования и книг Соколова и Дитерихса. И многозначительный факт — во всех трех работах о цареубийстве не фигурирует Престон! Хотя он должен был стать одним из главных свидетелей, ежедневно наблюдавшим за домом Ипатьева! Но следствие его вообще обошло стороной.

Престон при белых стал в Екатеринбурге очень важной величиной — теперь он выступал от имени союзной миссии при Сибирском правительстве. Но насчет цареубийства сеял ложь. В официальных донесениях в британский МИД он 16 сентября 1918 г. даже подкреплял версию большевиков: *«Не нашли никаких следов трупа (царя. — Авт.)», «остальная часть членов императорской семьи была увезена в неизвестном направлении»*. Невзирая на то, что в Екатеринбурге уже знали об убийстве всей семьи. В ложь не преминули внести свою лепту и американцы. Их журналист Аккерман запустил в «Нью-Йорк таймс» сенсационную фальшивку — записки «царского камердинера Домнина», из которых следовало, что Николай II и его близкие остались живы. Аккерман был другом и доверенным лицом Хауза, советника Вильсона. То есть, сокрытие истины стало общим делом «мировой закулисы».

Картина цареубийства остается по-настоящему не раскрытой до сих пор! Соколов принял версию большевиков — государя расстреляли. Только добавил еще 10 жертв. Но даже состав палачей не выяснили. Делалось заключение, что убийцами являлись «латыши во главе с евреем Юровским» — а имен латышей никто не знал, они были приезжими. Назвали фамилии одного венгра и одного австрийца, но последующая проверка историками показала их непричастность. Описание расстрела появилось лишь в 1930-х гг. в так называемой «записке Юровского». Так называемой, потому что сейчас уже доказано, что составлял ее не Юровский, а академик М.Н. Покровский — главный большевистский фальсификатор истории.

Дальнейший интерес к цареубийству неожиданно возродился в 1970-х гг. Появились воспоминания охранников Стрекотина, Нетребина, Кабанова, тобольского большевика Свикке (Родионова), сопровождавшего царя при переезде в Екатеринбург. На их основе была написана книга Марка Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Но после сопоставления с историческими документами обнаружилось, что эта работа — грубая фальшивка. Даже со списком участников злодеяния Касвинов обращался весьма произвольно — в различных изданиях в его книге фигурируют совершенно разные лица (но все — русские рабочие). В 1989—1991 гг., когда архивы рассекретили и воспоминания охранников стали доступны исследователям, оказалось, что они написаны по сценарию «записки Юровского», и в них масса нестыковок. А в мемуарах Свикке все палачи названы латышами, но сами эти рукописные мемуары исчезли, о них известно только со слов журналистки Ильичевой.

Причем все эти материалы рождались не случайным образом, а в рамках некоей скрытной кампании. После книги Касвинова «подказали» В.Пикулю написать омерзительный роман «Нечистая сила» (журнальный вариант вышел под названием «У последней черты»), выдав ему подтасованные «закрытые документы». По мотивам романа сняли не менее омерзительный фильм «Агония». И Политбюро тогда же, в 1975 г., приняло решение о сносе «дома Ипатьева», что и выполнил в 1977 г. секретарь Свердловского обкома партии Ельцин. Поэтому достоверность данных о цареубийстве, проявившихся в этот период, вызывает большие сомнения.

Что касается палачей, то из них документально известен только один — Юровский. Кроме него, остаются таинственные «латыши». То есть лица, плохо или не совсем чисто говорившие по-русски, не знакомые в Екатеринбурге. Персо-

нально они не названы ни в одном документе. Хотя известно, что в городе уже присутствовала одна приезжая группа — «русскоговорящие» британские агенты...

Но и сама версия о расстреле противоречит ряду фактов. Ипатьевский подвал для расстрела не подходил. В тесном помещении убийц могли поразить собственные рикошеты. А генерал Дитерихс записал: «Пулевых следов в комнате имелось от 28 до 35, причем большая часть их была от пуль, не проходивших человеческое тело». Но промахнуться в упор было трудно. Получается, что расстрел... имитировали? Дитерихс зафиксировал и подтверждение, что использовалось холодное оружие: «Тела рубились одетыми. Только таким изуверством можно объяснить находку обожженных костей и драгоценностей со следами порубки, а драгоценных камней — раздробленными». И еще была красноречивая находка следствия: отрубленный палец императрицы Александры Федоровны! Разделявая тела для уничтожения, их не стали бы крошить на столь мелкие части. То есть, палец отрубили раньше.

Один из распорядителей злодеяния, Войков, ставший полпредом в Польше, любил там покутить и при этом бахвалился, что «мир никогда не узнает правды» о том, что произошло в ипатьевском подвале. Видимо, сказал лишнее. Интересно, что Сталин, узнав об убийстве Войкова, почему-то первым делом заподозрил Англию.

Но один человек о подробностях трагедии узнал. Один из самых почитаемых в XX—XXI вв. православных старцев, Николай Гурьянов. Императора и Александру Федоровну он знал лично, и в девятилетнем возрасте святому прозорливцу было первое откровение. В ночь злодеяния он в ужасе прибежал к матери, рассказав о царубийстве. Старец Николай говорил, что *«детей истязали на глазах онемевших святых Страдальцев, особо истязуем был Царственный Отрок... Царица не проронила ни слова, Государь весь стал белый»*.

Как относиться к такому свидетельству, каждый может принимать по своей вере. Но ведь оно четко согласуется с фактами, приведенными выше, — и косвенно подтверждается беспрецедентными мерами по сохранению тайны. Тела жертв старались полностью уничтожить, не просто жгли, поливая керосином, а еще и использовали серную кислоту. И в данном отношении снова обращает на себя внимание Престон. В 1972 г. в интервью газете «The Spectator» он обмолвился: *«На мою долю выпало вывезти из Сибири всё, что осталось от останков несчастной Императорской Семьи! Эти останки достигли Букингемского дворца. Когда меня принял*

*Его Величество король Георг V в феврале 1921 г., мы обсуждали этот вопрос, и Его Величество сказал, что мощи были в таком состоянии, что их приходилось окуривать, прежде чем при-
тронуться».*

Консул отследил операцию по уничтожению царской семьи от начала до конца! Не он ли курировал эту операцию? Престон вывез вещественные доказательства, которые не позволяли вывезти Соколову. «Всё, что осталось» от царственных мощей, — части порубленных костей, описанные Дитерихсом, палец государыни и др., попало в Англию! Хотя об этом никогда не извещалось, их никто не выдал родственникам для захоронения. Почему? Надо сказать, что в Англию попали и ценности царской семьи. Королева Елизавета, как установили британские историки, в 1953 г. короновалась русской короной!

Между прочим, приведенное свидетельство, как и материалы, собранные Соколовым и Дитерихсом, подтверждают другой немаловажный аспект. Никаких мощей Царственных Мучеников в России нет и быть не может, за исключением отсеченных голов, местонахождение которых неизвестно (как и частиц, вывезенных Престоном). И о том же самом неоднократно предупреждал св. старец Николай (Гурьянов): *«Царских останков нет! Они в свое время сожжены были!»*, *«Их сожгли, а пепел вытили... С чайком... Пили и смеялись»*, *«Их косточки были пережжены в пепел... Они растворились в нашей земельке!.. Но мощей царских нет!»*

Таким образом, новообретённые «екатеринбургские останки» могут быть только подлогом. Особенно если учесть, что они были найдены в ходе той же загадочной кампании 1970-х, когда выплеснулись фальшивки о Николае II, и рушился «дом Ипатьева». Кинорежиссера Гелия Рябова, как он сам вспоминал, подвигнул и навел на находку этих останков министр внутренних дел СССР Шелоков, всячески опекая эти «поиски». Разве не странно?.. И обратим внимание — к 100-летию убийства государя и его близких Екатеринбург намеревается посетить именно британская королевская семья. Случайно ли?..

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВСЕСЛАВЯНСКИЙ СЪЕЗД

С 26 мая по 3 июня 2017 года в городах России проходил Юбилейный Всеславянский съезд. Международный союз общественных объединений «Всеславянский Союз» пригласил в Россию гостей из всех славянских стран и славянских национальных объединений, чтобы отпраздновать 150-летие Московского Славянского съезда 1867 года, а заодно обсудить современные проблемы международных отношений и перспективы сотрудничества. В соответствии с традициями деятелей славянофильства, заложенными ещё в Российской Империи, на съезде рассматривались не только политические и экономические аспекты, но в первую очередь культурное и этническое родство, ментальные особенности и общая история разных народов, разделённых государственными границами, но восходящих к славянскому корню. Мероприятия начались в Москве 26 мая сразу после празднования Дней славянской письменности и культуры. На следующий день программа продолжилась на борту теплохода «Княжна Анастасия», который отправился в речной круиз по Средней полосе и Русскому Северу.

СЛАВЯНСКИЙ МИР

3 июня теплоход причалил в Санкт-Петербурге, где в стенах знаменитой Александро-Невской лавры состоялась братская трапеза, и Юбилейный Всеславянский съезд завершился.

За эти дни делегаты и гости съезда совершили путешествие по старинным русским городам и древним монастырям, провели огромное количество тематических заседаний и круглых столов, творческих вечеров и фольклорных концертов. Практическая работа и культурная программа тесно соседствовали, что способствовало сближению представителей славянских народов, принявших участие в мероприятии, а таковых было немало. В адрес съезда поступило множество приветствий из России и зарубежных славянских стран. Работа съезда проходила в рамках 14 конференций и круглых столов, на которых было заслушано более 300 докладов, выступлений, сообщений и презентаций, принято более 30 итоговых документов.

К 26 мая в Москву прибыли делегации из Белоруссии, Болгарии, Македонии, Польши, Сербии, Словакии, Украины, Черногории, Чехии и Хорватии, а также представители Греческой Македонии, Республики Сербской, ДНР, ЛНР, Приднестровья и объединений русинов. С раннего утра в конференц-зале Российской Государственной библиотеки проходило пленарное заседание. Съезд начался с исполнения славянского гимна. Открыл съезд председатель президиума МСОО «Всеславянский Союз» О.А. Платонов. С подробными докладами выступили С.В. Бабурин, Л.Г. Ивашов, В.Ю. Катасонов и главы иностранных делегаций. В обеденный перерыв и в другое свободное время гости столицы собирались либо у памятника Ф.М. Достоевскому, либо у Кремлёвских башен, чтобы осознать, что находятся в самом сердце России. Вечером, после завершения пленарного заседания, многие делегаты направились на Красную площадь, а утром следующего дня у них было время для знакомства с Москвой.

27 мая теплоход «Княжна Анастасия» принял на борт славянских делегатов и гостей съезда, чтобы в 17.30 под гимн всех славян торжественно отплыть от Северного речного вокзала. Предстояло длительное плавание по акваториям рек и озёр мимо старинных городов и селений, с пересечением каналов и шлюзов, привлекающих взгляды иностранцев не только своей работой, но и архитектурой — сталинским ампиром.

28 мая на борту началась активная работа съезда. Конференц-зал, читальный салон и кафе, по функциональности соответствующие кинозалу, стали площадками программных выступлений и многочасовых дискуссий. Конференции и круглые столы проходили параллельно с утра до вечера, нередко вынуждая участников перемещаться из одного зала в

другой, чтобы послушать интересующее выступление и успеть на собственную презентацию. По вечерам чаще всего проходили кинопоказы, презентации книг, просветительских и гуманитарных программ, а также творческие вечера славянских артистов и концерты народной музыки. В 16.30 теплоход причалил в Углич. На пристани древнего города делегацию, ступившую на берег с хоругвями и пением, ожидали горожане Углича с хлебом и солью и священнослужители Переславской епархии, в том числе Благодичинный Угличского округа игумен Николай. После торжественной встречи и обмена сердечными пожеланиями участники Всеславянского съезда посетили Угличский кремль. В продолжение водного маршрута пассажиры теплохода смогли увидеть ещё ряд исторических русских городов, известных своей деревянной архитектурой и старинными церквями.

Уже утром 29 мая гостей ждал Ярославль. На этот раз автобусная экскурсия позволила делегатам увидеть с разных сторон древний город и посетить Спасо-Преображенский монастырь, который часто называют Ярославским кремлём.

На следующий день, 30 мая, делегация Всеславянского съезда ступила уже на Вологодскую землю, чтобы увидеть основанный в конце XIV века Кирилло-Белозерский монастырь, долгое время бывший одним из центров духовной жизни Русского Севера.

Республика Карелия открыла славянским делегатам свои водные ворота 31 мая. По просторам Онежского озера «Княжна Анастасия» добралась до острова Кижи, где славянских делегатов встречали с хлебом-солью. Одно из сокровищ русского деревянного зодчества сейчас на завершающей стадии реставрации, отчего верхняя часть церкви Преображения Господня как будто парит в воздухе. Этот вид производит на гостей неизгладимое впечатление, как и суровая красота природы острова.

В первый день лета теплоход пошёл по реке Свирь, являющейся важной частью Волго-Балтийского водного пути, чтобы привезти делегатов к посёлку Свирьстрой Ленинградской области. Отсюда автобусным маршрутом группы добрались до Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, известного с XV века как источник православной веры, которую проповедники несли язычникам карелам, вепсам и чуди. Несмотря на разгром, учиненный в мужской обители большевиками, и сегодня он знаменит многочисленными реликвиями, почитаемыми во всём православном мире. Чинноначалие Александро-Свирского монастыря встретило славянских делегатов с иконой. После его посещения на борту

«Княжны Анастасии» началось заключительное заседание Юбилейного Всеславянского съезда, на котором руководители национальных делегаций и секций подводили итоги. Тогда же состоялось торжественное награждение участников грамотами и уникальными медалями имени выдающегося учёного-слависта В.И. Ламанского, выпуск которых был приурочен к 150-летию съезда 1867 года.

Тем временем теплоход снова в Карелии. По холодному Ладожскому озеру «Княжна Анастасия» идёт на север — к Валаамскому архипелагу. Прибыв на Валаам 2 июня, делегация посещает легендарный, один из древнейших в России Валаамский Спасо-Преображенский ставропигиальный мужской монастырь. Кроме того, перемещаясь от скита к скиту и узнавая непростую историю этих мест, гости смогли в полной мере насладиться завораживающими видами карельской природы и проникнуться аскетическим духом Русского Севера.

Утром 3 июня теплоход уже был на пристани имперской столицы России. Славянских делегатов ждала автобусная экскурсия по историческому центру Санкт-Петербурга, а затем их радушно встретила Александро-Невская лавра, где в трапезной после посещения службы состоялся торжественный обед, в начале которого было заслушано приветствие губернатора Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко делегатам Юбилейного Всеславянского съезда, а председатель Президиума МСОО «Всеславянский Союз» О.А. Платонов обратился к собравшимся с заключительным словом.

На этом работа Юбилейного Всеславянского съезда завершилась. Гости из ряда славянских стран не только прошли по стопам своих предшественников 150-летней давности, проехавшим на паровозе по европейской части Российской Империи, но и познакомились с жизнью российских исторических городов, прикоснулись к православным святыням, при этом каждый день участвуя в конференциях, направленных на достижение взаимопонимания и укрепление культурных и духовных связей славянских народов.

ВСЕМИРНАЯ ЗАДАЧА СЛАВЯНСТВА

(Речь на открытии Юбилейного Всеславянского съезда)

Дорогие братья и сестры славяне!

В эти дни мы собрались для того, чтобы отметить выдающееся событие в истории всемирного движения славянских народов — Славянский съезд 1867 года в Москве. Съезд проходил под лозунгом великой любви славян друг к другу и к России. Именно идеи, выработанные на этом съезде вплоть до нашего времени и определяют главные направления в развитии славянского движения, особо показав свою силу и ответственность в борьбе славян против фашистской Германии и ее западноевропейских сателлитов. В этой решающей схватке, погубившей десятки миллионов славян, идеи, объединившие их, доказали германо-романскому миру, что объединившийся славянский мир непобедим, а его духовные основы способны определять будущее.

До сих пор спорят, какие цели ставили организаторы съезда 1867 года. По изучении его материалов и документов у меня не возникло сомнений, что цели эти были преимущественно политические (однако достигнуты они в полной мере не были). Главным итогом съезда стала духов-

СЛАВЯНСКИЙ МИР

ная консолидация славян, была выработана общая идеология всемирного движения славянских народов за духовное единство и взаимность.

В каких условиях проходил съезд, как и на каких основах развивались идеи славянских народов?

Съезд 1867 года состоялся в ту пору, когда по всей Европе шли процессы национального возрождения и стремления к национальному единству. В Европе заканчивалось объединение разрозненных земель Германии и Италии в единые государства, какими мы знаем их сегодня. Вопрос объединения все чаще поднимался и славянскими народами. Особенно активно в этом направлении высказывались славянские народы, находившиеся под игом Османской империи — сербы, болгары... Похожие настроения были характерны и для других славянских народов. При росте угрозы германизации для одной части Австро-Венгрии и мадьяризации для другой пропаганда политической опоры на Россию являлась орудием борьбы за национальное существование славян в Габсбургской монархии.

Да и в самой России после потери веры в Священный союз трех императоров в результате Крымской войны отношение к зарубежным славянам резко улучшилось. Великий русский мыслитель и историк М.П. Погодин справедливо заявлял, что единственными союзниками России в Европе являются славяне, «родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере». Славянское возрождение вызывало у Западного мира и Османской империи сильнейшую тревогу. Приглашение славянских делегаций на съезд в Москву западные политики расценили как прямой призыв к сепаратизму народов, частично или полностью находившихся в составе Австро-Венгерской и Османской империй.

Несмотря на демарши Турции и Запада, съезд прошел успешно. В Россию приехали видные деятели славянского движения, среди них: Ф.Палацкий, Ф.Ригер, Я.Головацкий, Ф.Браунер и др. Славянскую делегацию радушно приняли Император Александр II, а также многие государственные деятели Российской Империи и такие выдающиеся фигуры русской науки и культуры: М.П. Погодин, С.М. Соловьев, И.И. Срезневский, И.С. Аксаков, И.Д. Беляев, В.А. Черкасский, Ф.В. Чижов, В.И. Ламанский и многие другие. Сам съезд прошел не в форме традиционных заседаний, но как череда многочисленных раутов, молебнов, аудиенций, банкетов, посещений достопримечательностей, музеев, выставок. Звучали речи, тосты, выступления, проходили дружеские беседы, в которых обсуждались волнующие славян про-

блемы. Съезд прошел как подлинный праздник дружбы и взаимности.

Заседания съезда показали, что в выступлениях многих делегатов звучали призывы к славянскому духовному единству. Делегат Франтишек Ригер заявил: «Наибольший и первенствующий народ на земле — славянский... Но вот взошло солнце взаимности славянской, и мы убедились, что если мы станем друг друга поддерживать, мы будем народ великий не только числом своим, но и своими делами. Если нам невозможно соединиться материально, то соединимся же по крайней мере союзом духовным». В выступлении серба Михаила Полита-Десанчича прозвучало: «Вопрос о судьбе славянства можем решить теперь только мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю России... Россия теперь не только русская, но и славянская, всеславянская держава». В том же духе выступил и чех Франтишек Браунер, который отметил, что идея славянской взаимности возникла на западе славянского мира и возникла «из настоятельной необходимости спасти славянские народы от поглощения их чуждым элементом. Эту великую миссию может осуществить только великий народ, являющийся полновластным господином в своей земле, и это народ — русский, в земле которого никогда не заходит солнце».

Радушный прием, оказанный славянским гостям, стал достоянием мировой славянской общественности, в среде которой усилились русофильские настроения и симпатии к России. Для славянских народов события, связанные с проведением съезда 1867 года, стали одним из первых во внешней политике опытов использования мягкой силы, принесших положительнее результаты. Вместе с тем славянское движение обрело новую силу, свидетельством чему стали начавшиеся вскоре восстания в Боснии и Герцеговине и Русско-турецкая война, завершившаяся победой славян.

Главный духовный фон съезда создавали идеи славянофилов, в речах которых оттачивались основные формулировки славянской духовной мысли. На разных площадках съезда славянофилы проводили мысль о том, что все славянские народы объединяет принадлежность к древней славянской цивилизации, что все славяне являются единым славянским народом. Когда-то, тысячелетия назад, считали славянофилы, славянские племена были частью единого этнического целого, зарождающейся славянской цивилизации. Впоследствии, в результате исторических катаклизмов, славянское единство было разрушено, и каждая часть пошла своим путем. Тем не менее духовные корни славянских народов про-

истекают из этого древнего славянского единства, создавая между всеми ветвями славян глубокую генетическую и мистическую связь, которую невозможно разорвать ни одному нашему недругу. Из корней древней славянской цивилизации выросло дерево, каждая ветка которого потянулась в свою сторону.

В речах В.И. Ламанского на съезде проводилась мысль, что развитие славянской цивилизации осуществлялось в непрекращающейся борьбе с цивилизацией германо-романской (западной). В славянской цивилизации преобладали общинные начала над личными, духовное над материальным, в западной — царствовали индивидуализм и рационализм, материальное преобладало над духовным. В отношении к другим народам у Запада преобладали завоевание, насилие, тогда как миродержавной ролью славянского племени было не завоевание, а хозяйственно-культурный подъем страны и народов, ее населяющих.

Народам славянским, считали многие славянофилы, выпала тяжелая историческая задача — быть бастионом на пути сил мирового зла. Но самое великое бремя в решении этой исторической задачи легло на Россию — самое великое государство, основу которого составляли славяне.

Славянским народам определено Богом особое служение, составляющее смысл славянской цивилизации во всех ее проявлениях. История славянских народов есть история их призвания к этому служению, история борьбы славян с силами мирового зла, воплощенными прежде всего в германо-романской цивилизации. У славянских народов, считали славянофилы, особый путь. Их всемирная задача состоит в том, чтобы освободить человечество от того одностороннего и ложного развития, которое получила история под влиянием западной, германо-романской цивилизации.

Мыслители-славянофилы категорически отвергали обвинения либералов и социалистов в панславистских притязаниях России: «Нет у России ни стремления к захвату, ни замысла на политическое преобладание: она желает только свободы духа и жизни славянским племенам, оставшимся верными славянскому братству. Она предоставляет им такую нравственную и политическую точку опоры, которая стоит всякой материальной помощи и вне которой им нет спасения».

Этому тезису был близок взгляд М.Н. Каткова, который указывал, что России «нужно не расширение своей территории, которая и без того громадна, и даже не приращение своего населения, которое и без того растет с пугающей всех

быстротой; ей нужно, напротив, взаимодействие, которое возможно только между силами, существующими самостоятельно и отдельно, но на одной почве. Племенная связь еще жива и сильна между славянскими народами».

«Призвание России, — сказал в своей речи Иван Аксаков, — осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни». И. Аксаков выступил категорически против придания понятию «панславизм» негативного содержания. «Панславизм, — сказал он, — присущее всем славянам сознание их славянской общности или единоплеменности, духовная солидарность и тяготение друг к другу, сознание славянского братства».

Большинство делегатов, славянофилы и зарубежные славяне, поддерживали духовный панславизм — сближение славянских народов на основе общей славянской идеологии. Большинство делегатов был также отвергнут тезис о едином общеславянском языке. В выступлениях отмечалось, что каждый славянский народ должен беречь свой язык и литературу.

Наибольшее единодушие было достигнуто в вопросе понимания термина «славянское единство». Большинство делегатов рассматривали его как духовный союз с опорой на Россию. «Со стороны славян желание опереться на Россию для самобытного развития своей национальной жизни, со стороны русских — стремление сблизиться со славянами, чтобы найти в них помощников».

В выступлениях делегатов много говорилось об освобождении славянских народов, попавших в зависимость от иноземцев, и об особой миссии в этом России. Уже упомянутый мною Полит-Десанчич призывал: «Надо же наконец прекратиться господству одного племени над другим, как бы оно ни называлось — турецким, мадыарским или австрийско-немецким... Вопрос о судьбе славянства можем решить теперь только сами мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадет на долю России».

В кулуарах съезда обсуждались вопросы о создании западнославянского и южнославянского государств при поддержке и под протекторатом России. Однако дальше «неких секретных совещаний» эти вопросы не пошли. Не получил развития обсуждаемый перед съездом в некоторых славянских странах вопрос о политическом объединении славянских народов в виде всеславянской державы. В среде славянофилов обсуждались и вопросы славянской федерации, и вопрос независимых славянских государств в содружестве с Россией. Идею создания Содружества независимых славян-

ских государств в той или иной степени затрагивали некоторые участники съезда.

Идеи и идеалы славянских народов, обсуждаемые на съезде 1867 года, определили главные параметры славянской идеологии. Рассмотрим те из них, которые были актуализированы и нашли воплощение в жизни. Однако, касаясь идей актуализации славянского съезда 1867 года, надо помнить, что во второй половине XIX — начале XX века в жизни каждого славянского народа произошло расслоение: внутри славянских наций возникли как бы две нации. Одна была ориентирована преимущественно на подчинение Западу. Эта часть считала, что именно в направлении Запада возможны благополучие и благосостояние народа. Другая часть ориентировалась на Россию и сотрудничество с другими славянскими странами.

Опыт Второй мировой войны показал, что для Запада славянские народы и государства были лишь разменной монетой в большой политической и военной битве, которую Запад вел за мировое господство. После победы славян во Второй мировой войне притязания Запада на славянский мир были приостановлены. Но эти притязания в полной мере возобновились после крушения СССР.

Надо помнить, что Запад по-прежнему рассматривает славянский мир как объект эксплуатации и экономической экспансии. Подавляющая часть экономических и природных ресурсов славянских государств, включенных в Евросоюз и НАТО, находится под полным контролем западных экономических структур и корпораций. Под влиянием этого контроля национальные экономики славянских стран деградируют, а наиболее развитые предприятия переходят в руки германо-романских собственников. Сегодня Евросоюз является главной формой эксплуатации славянских народов. Около 110 млн. славян (включая Украину) находятся под гнетом и зависимостью Евросоюза (германо-романского диктата).

Опираясь на идеи съезда 1867 года, Всеславянский Союз выступает против расчленения и ограбления Западом самобытной славянской цивилизации — одной из основ многополярного мира за сохранение вековых традиций и моральных ценностей. Мы должны следовать заветам наших замечательных предшественников, определивших на съезде 1867 года главные задачи славянства — сохранить и передать будущим поколениям традиционные славянские ценности и идеалы: духовную цельность, добротолубие, соборность, нестяжательство, приверженность к славянскому единству и взаимности. Именно на основные принципы мирового сла-

вянского движения, выработанные на съезде 1867 года, опираются современные славянские организации.

Сегодня во всем мире существует более 300 млн. славян. Это крупнейшая в Европе группа народов, объединяющая 16 народов и 13 государств. Задача мирового славянского движения — преодолеть искусственное разделение между родственными народами, связанными общим происхождением, культурными традициями и многовековой исторической судьбой. В славянском движении участвуют не только слависты, но и национальные мыслители, историки, деятели искусств и археологи, священнослужители, педагоги, руководители общественных организаций, предприниматели, правоведы независимо от политических взглядов и вероисповеданий, социального положения.

В России на ниве славянского просвещения наиболее активно работают: Всеславянский Союз, Славянский творческий союз «Золотой Витязь», Международный славянский совет, Международная славянская академия, Международная Кирилло-Методиевская академия славянского просвещения, Международный фонд славянской письменности и культуры, другие объединения. Подобные же структуры существуют во всех славянских странах, являясь главными духовными структурами, служащими славянскому единству и взаимности. Необходимо объединить усилия славян для борьбы с новыми вызовами и угрозами славянскому миру в XXI веке, выработать стратегию укрепления культурных, экономических и духовных связей на ближайший период и на дальнюю перспективу.

В свете тех главных идей, которые обсуждались на съезде 1867 года по вопросу славянского единства и взаимопомощи, по-прежнему актуально встает идея создания Содружества независимых славянских государств. Эта идея постоянно поднималась в кругу славянофилов и русских националистов вплоть до 1917 года.

Вопрос о создании Содружества независимых славянских государств вновь был поднят после Второй мировой войны. Инициатором его был И.В. Сталин. Идею создания Содружества независимых славянских государств тогда поддерживали правительства всех славянских стран. Она была декларирована на Славянском Соборе в Софии (1945 г.) и на Славянском Конгрессе в Белграде (1946 г.). Однако объединение в Содружество независимых славянских государств не состоялось как в результате серьезных противоречий, существовавших между коммунистическими партиями СССР и славянских государств, а также и вследствие подрывной

деятельности, которую вели против славянского единства западные страны. Директива Совета национальной безопасности США № 21/1 от 18 августа 1948 года, известная как «План Даллеса», была направлена на создание противоречий между славянскими странами и на расчленение СССР.

Вся политика Запада после Второй мировой войны была направлена на разрушение дружеских и партнерских связей между славянскими странами. Миллиарды долларов были использованы западными спецслужбами для разжигания противоречий между славянскими народами, особенно в СССР и на территории Югославии. В результате подрывной политики западных стран славянский мир был ослаблен, разрушено само ядро славянского Евразийского союза — СССР.

На Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года белорусы, русские и украинцы в абсолютном большинстве проголосовали за сохранение союза братских народов, но ценой предательства их интересов СССР был разрушен, и возникла угроза распада исторически сложившегося единого духовного, культурного, политического и экономического славянского мира.

Выполняя народную волю, 8 декабря 1999 года президент России и Республики Беларусь подписали Договор о создании Союзного государства. Украинские власти решили проигнорировать волю большинства и включить страну в Европейский союз и НАТО. Затеянное Евросоюзом «Восточное партнерство», направленное на расширение своего влияния на постсоветские страны, вылилось в новую восточную войну объединенного Запада против России. В феврале 2014 года в Киеве произошел государственный переворот, главная цель которого — оторвать Украину от России. Для ее осуществления наши недруги потратили немало сил и средств, а в итоге — гражданская война, раздел страны, потерянные жизни и поломанные судьбы.

Донецкая и Луганская республики 24 мая 2014 года объединились в Новороссию и выразили желание войти в состав Союзного государства. Жителей Донбасса, которые выступили против разрыва с Россией, киевский режим объявил сепаратистами. На Украине перекрывают железные дороги, пограничные переходы с Россией, чтобы разрушить мосты дружбы и взаимопонимания, выстроенные предыдущими поколениями.

17 марта 2017 года Всесоюзному референдуму о сохранении СССР исполнилось 26 лет. Воссоединение триединого русского народа — это восстановление исторической справедливости. Несмотря на все возникшие трудности и недо-

понимания в славянской семье, Всеславянский Союз под- держивает инициативу Международного общественного объединения «Русь Единая» и призывает общественность Беларуси, России и Украины продемонстрировать свою волю к единству и выступить единым фронтом за создание Союзного государства Русь. При всех возможных конфигураци- ях формирующегося Евразийского союза его русское ядро обеспечит прочность многоступенчатой евразийской интег- рации в политической, экономической и социальной сфе- рах. Укреплять и развивать этот союз — главная задача сла- вянского движения. Основная его цель — создание Содру- жества независимых славянских государств — Всеславянс- кого Союза. Вместе с тем следует понимать, что, учитывая исторический путь России, объединившей в единое государ- ство более сотни народов, она будет не только общеславянс- ким объединительным ядром, но и центром притяжения на- родов, ранее входивших в Российскую Империю. Создан- ный в 2011 году Евразийский союз предусматривает созда- ние конфедеративного союза государств с единым полити- ческим, экономическим, военным, социальным и культур- ным пространством. Однако такой Евразийский союз будет успешен только в том случае, если в нем будет усилена сла- вянская доминанта. Союз государств, объединенных Росси- ей на началах равноправия, станет одной из основ многопо- лярного мира.

Наше славянское движение имеет цель — объединить раз- нородный славянский мир, способствовать исполнению его исторической миссии, стать связующим звеном между Ев- ропой и Азией, создание Евразийского Союза наций, путь к которому прокладывает Евразийский экономический союз, и противостояние силам разрушения и хаоса, за которыми стоит Запад.

Только в этих условиях объединенный славянский мир сможет выполнить свою главную всемирную задачу — осво- бодить человечество от того одностороннего и ложного раз- вития, которое получила история под влиянием западной германо-романской цивилизации.

ХУЖЕ НАЦИЗМА И ФАШИЗМА

Для понимания состояния Украины и определения правильного отношения к этой оккупированной Западом территории и ее оболваненному пропагандой населению необходимо понимать сущность созданного там режима.

Этот режим возник отнюдь не сам. Он создан США (долгое время руководившими им вообще «вручную») и их европейскими сателлитами, организовавшими государственный переворот в Киеве в феврале 2014 года (при прямой организационной поддержке министров иностранных дел Германии, Франции и Польши). Он сохраняется за счет террора против собственного населения, массовой пропаганды, связанной им «на ровном месте» гражданской войны и всесторонней западной помощи.

Не стоит забывать и о колоссальной поддержке, оказываемой этому кровавому режиму российскими привластными либералами. Они спасали его минимум трижды: отказом от своей обязанности потребовать досрочной выплаты долга при превышении внешним долгом Украины 60% ВВП, поставками газа со скидкой и, наконец, поставками угля. Да и активы украинских олигархов, демонстрирующих откровенно нацист-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

кую ориентацию, в России, за редчайшими исключениями, остались неприкосновенны даже после шаша в отношении «дочек» государственных Сбербанка и ВТБ на Украине. Наконец, сам факт признания Россией «выборов» Порошенко в условиях гражданской войны и террора не поддается объяснению с точки зрения не только интересов нашей страны и нашего народа, но и простой формальной логики, — а ведь без этого признания украинская государственность просто не смогла бы существовать.

Таким образом, говорить об исключительно западной поддержке киевского режима как минимум неточно: несмотря на свою агрессивную русофобию и заявления о состоянии «войны» с Россией, под разными предлогами он долго поддерживался, а во многом поддерживается и сейчас структурами российского государства, контролируемые явными и латентными либералами. (Стоит напомнить еще раз, что современный либерализм — идеология, требующая от государства служения не своему народу, а глобальным финансовым монополиям.)

Так же неточно говорить и о нацистском или фашистском характере нынешнего украинского режима.

Действительно, террор против несогласных (вплоть до публичного сожжения заживо десятков людей), уничтожение гражданских свобод, массовые репрессии, идеология «избранной нации» и последовательно разжигаемая ненависть по национальному признаку роднят киевский режим с гитлеровским.

Однако это сходство поверхностно: научное понимание терминов «нацизм» и «фашизм» не позволяет применять их — к нынешней Украине иначе, чем как в сугубо публицистическом плане.

Так, национал-социализм, как следует даже из его названия, — сочетание экстремального национализма с предельно извращенным, но всё же социализмом. Гитлер хотел не уничтожать, но, напротив, развивать немецкий народ — и ряд достижений его режима (например, в технологиях, организации производства, демографической политике) заслуживают внимания и в наше время.

Созданная им модель экономики из-за крайней агрессивности оказалась полностью нежизнеспособной: она могла существовать лишь за счет сначала масштабных американских инвестиций (и документы о создании гитлеровского промышленного монстра на средства и под контролем американских банков, похоже, стали главной причиной трогательной в своем постоянстве американской поддержки Израиля), а затем — ограбления захватываемых стран (показательно, что немецкие по происхождению исследователи,

усердно каясь, всеми силами замалчивали эту постыдную страницу своей истории, и она открылась лишь стараниями нового поколения немецких исследователей — уже арабского происхождения).

Равно нежизнеспособной была и чудовищная по своему бесчеловечию мораль гитлеровцев, несмотря на все усилия денацификации отравившая, как мы видим сегодня, немецкую государственность на многие поколения вперед.

Однако нацизм не хотел уничтожать «свой» народ: пусть и чудовищно извращенно, он желал ему добра — и этим он радикально отличается от нынешнего украинского режима.

Ни о каком социализме (пусть и извращенном) на Украине не идет и речи: оголтелый национализм служит всего лишь прикрытием методичного уничтожения украинского народа и превращения некогда цветущей украинской культуры в гниющий отстойник отбросов самого дремучего невежества и агрессивности. Социальная поддержка ликвидируется, экономика разрушается, люди даже «титულიной» нации вполне сознательно ставятся в невыносимые условия существования.

Равным образом не является украинский режим и классическим фашистским. Напомню, что нацизм — лишь одна из специфических форм фашизма, а сам фашизм (или, говоря идеологически нейтрально, корпоративизм) — реакция крупной буржуазии индустриальной эпохи на тогдашнюю глобальную депрессию.

С точки зрения организации производства эта реакция заключается в слиянии крупного капитала с государством, обеспечивающим ему постоянную поддержку и снижение издержек за счет беспощадного подавления борьбы трудящихся за свои права, а государство, в свою очередь, получает многократное увеличение мощи за счет прямого управления крупнейшими предприятиями.

С социально-политической точки зрения фашизм обеспечивает лояльность разоряемой кризисом мелкой буржуазии и беднеющих рабочих (и народа в целом) за счет разжигания националистической истерии (а при удачном развитии событий — и за счет грабежа других народов).

Справедливости ради надо отметить, что улучшение организации производства за счет хотя бы попыток общенационального планирования повышает его эффективность и устойчивость в условиях кризиса, что создает дополнительные факторы повышения уровня жизни (или милитаризации — в зависимости от направления использования ресурсов, которые дает повышение эффективности).

Понятно, что описываемое не имеет к сегодняшней Украине ни малейшего отношения, за исключением разве что национализма и террора по отношению к собственному народу.

В отличие от фашистских, украинский режим не защищает и не развивает, а уничтожает собственную промышленность.

Подавляя трудящихся, он не организует, а максимально раздробляет их, рассматривая их не как ресурс, а как помеху своему существованию.

Он не защищает национальный суверенитет (при всём безумном варварстве фашизма), а, напротив, всеми силами стремится от него избавиться.

Таким образом, сегодняшний украинский режим является значительно более убогим и разрушительным для контролируемого им народа, чем классические фашизм и даже нацизм. Для него эпитет «фашистский» или «нацистский» — незаслуженный комплимент.

Помимо русофобии и террора его ключевыми отличительными чертами являются колониальный характер (полная зависимость от иностранных государств и глобальных корпораций), олигархия (опять-таки жестко контролируемая извне) и беспощадный грабеж оккупированной им территории — как ее народа, так и ее ресурсов.

Его основной функцией (помимо грабежа территории в интересах глобального бизнеса и самосохранения) является переработка населения в качественно новый народ, не способный к логическому мышлению и даже простому следованию своим интересам и искренне считающий смыслом своего существования ненависть к другим, в данном случае — агрессивную самоубийственную русофобию.

Парадоксальным образом этот режим действительно является европейским в новом понимании «европейскости», свойственном для режимов Прибалтики, Польши и некоторых других восточноевропейских стран, также создающих на своей территории аналогичные «новые нации» (пусть и менее жестокими и шокирующими методами, хотя не стоит забывать, скажем, что европейские Латвия и Эстония являются единственными в сегодняшнем мире государствами юридически установленного апартеида).

Каким же является его научная характеристика? Он решает ту же задачу, что и фашизм, — обеспечение покорности беднеющих из-за кризиса масс теми же методами — разжиганием крайне агрессивного национализма, но в новых условиях: с помощью не индустриальных, но информационных технологий. Соответственно, он не собирает людей в большие устойчивые организации, а использует и усугубляет атомизацию социума.

Он носит абсолютный олигархический и притом компрадорский характер. И, главное, он открыто и последовательно ставит создаваемое им национальное государство на служ-

бу не конструируемой им титульной нации, но объективно глубоко враждебному ей глобальному бизнесу. И вот последнее, в отличие от всех остальных характеристик, является не просто яркой, но и уникальной чертой, свойственной одной-единственной идеологии из всего многоцветья их палитры, — либерализму.

Сегодняшний либерализм является единственной в мире идеологией внешнего управления, подчиняющей государство не «более цивилизованной нации», но именно глобальным финансовым, спекулятивным монополиям. И украинский режим — не более и не менее, как квинтэссенция современного либерализма.

Надо отдать должное российским либералам, как в оппозиции, так и во власти: они мгновенно и полностью ощутили генетическое родство с ним, что и обусловило их всемерную поддержку любых, самых кровавых бандитов в Киеве — от камлания «Бандера придэ, порядок наведэ» на московских бульварах и на кошунственных гуляниях по случаю годовщины убийства Немцова до постоянных попыток выдачи на растерзание нацистским палачам настоящих борцов за свободу украинского народа.

Но то, что понимают и из чего исходят гозманы, ахеджаковы и прочие навальные, пора наконец осознать и руководству России.

Сегодняшний украинский режим во всей его мерзости и ничтожестве — квинтэссенция современного либерализма.

И, с другой стороны, современный либерализм — это фашизм сегодня, фашизм не индустриальной, но информационной эпохи.

Александр РУДЕНКО

ВРЕМЯ ДЛЯ ПРАВОЙ ПАРТИИ

С победой Трампа и после определённых успехов правых партий в Европе правая идеология перестаёт быть маргинальной. России это даёт два несомненных бонуса.

Первое — понятие «правые» обретает свой изначальный смысл, то есть это те, кто отстаивает прежде всего национальные и традиционные интересы, а не те, кто в последние годы использовал в названиях слова «правые» и «национальные», но на деле обслуживал интересы прозападных сил, типа: «Гражданская платформа», «Правое дело», «Западный выбор» и «Национал-демократический альянс». Теперь становится очевидным, что правые в России — это те, кто за духовно-нравственные ценности и Церковь, за сильную и суверенную Россию, за народность, за русский народ. В истории России мы легко обнаружим такие правые силы: Русское собрание, Всероссийский национальный союз, Союз русского народа. Обнаружим мы такие партии в наши дни и в Европе (с определённой поправкой на современность): Национал-демократическая партия Германии, Народный православный призыв Греции, Национальный фронт (Франция).

Второе — приход к власти правых политиков на Западе «вырывает зубы» у того либерального дискурса, который терроризировал Россию со времен распада СССР — всё имеет право быть в России, если только оно есть на Западе, короче — всё должно быть, как на Западе. И вот у руля Запада встал Трамп — правый из правых. Отныне в России должны быть сняты все табу на обсуждения о возможности настоящего правого движения, правой идеологии и правой политики. Более того, государственные мужи, ответственные за формирование внутренней политики в России, просто обязаны дать дорогу формированию правой политической партии.

Для чего это нужно? Для этого есть две веские причины. Первая — мир вступает в новую фазу антиглобализма, регионализации, протекционизма и многополярности. Эти процессы требуют от государств введения определенной идеологии внутри себя с целью мобилизации своих обществ для проведения адекватной политики на межгосударственном уровне. А более подходящей идеологии, чем правая, здесь не придумать.

Вторая причина — мы наблюдаем и на Западе, и в России (при том, что у нас как таковой явной правой политики и силы еще нет) попытку либерального реванша. Там это проявляется в определенном давлении или саботаже на политику Трампа со стороны проглобалистских структур, у нас — в новом витке попыток раскачать общество и государственную власть со стороны группы Навального—Ходорковского. И здесь не надо слишком легкомысленно надеяться на высокий рейтинг президента и ту консолидацию общества, которая появилась со времен Русской весны. В государстве

остаются слишком много подспудных сил, проблем и разделений, которые достались нам в наследство из XX века, которые при умелом манипулировании могут выйти наружу и серьезно поколебать Россию.

И здесь мы приходим к логическому заключению, что в России необходима правая партия, в основе которой были бы защита национальных интересов с опорой на нашу традицию, то есть партия неотрадиционализма, партия защиты России от внутренних смут и запуска национального возрождения. Партия, которая могла бы в критический момент консолидировать общество, собрать все силы для отпора попыткам майданизации политического процесса в России или остановки его, если кому-то удастся его запустить.

Подобные политические и общественные структуры почти всегда создавались сверху, на определенный срок, для какой-то конкретной тактической цели. То есть в случае экстренных событий рассчитывать на некую массовую уличную поддержку от них без дополнительного стимулирования не придется, а как показывает практика, чтобы реально противостоять цветным революциям, потребуется массовый народный порыв, а это возможно только на идеологической основе.

Поэтому теперь создание правой политической силы необходимо проводить основательно со стратегическими параметрами сроков и основ. Эта сила должна формироваться при поддержке сверху, но путем самостоятельной консолидации и оформления максимума правых движений снизу. Потенциал для этого огромный.

Несомненно, что одним из основных вопросов при создании подобной правой организации будет вопрос о лидере. Это должен быть человек, имеющий серьезный авторитет в правом движении, имеющий определенные заслуги в отстаивании национальных интересов, достаточно критически настроенный против либеральной идеологии, Запада и его агентов внутри России, имеющий потенциал организатора и жесткого администратора.

Сегодня власти надо без особой спешки, но и без промедления содействовать в появлении правого движения с перспективой преобразования в правую партию. Для этого не требуется никаких особых ресурсов. Достаточно будет отказаться от тех идеологических установок запрещать и цензурировать правые движения, которые до последнего времени обеспечивали стабильность политической системы.

КОРЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Голосование в Совете Безопасности ООН по вопросу о санкциях в отношении Северной Кореи стало важным оселком проверки целостности внешнеполитической линии нашей страны.

Как известно, 5 августа Россия проголосовала в поддержку американского проекта резолюции СБ ООН, ужесточившей санкции в отношении Пхеньяна. Сделала она это, заявляя, с одной стороны, о своём, в принципе, отрицательном отношении к санкциям как внешнеполитическому инструменту и, с другой, будучи уже в течение трёх лет объектом незаконных с точки зрения международного права, то есть принятых в одностороннем порядке, в обход ООН, санкций со стороны Европейского союза и США. Примечательно также, что в принятом совсем недавно новым американским законом о санкциях в отношении стран, которые рассматриваются США в качестве противников, Россия фигурирует в одном ряду именно с КНДР, а также с Ираном.

Заявлять о своем отрицательном отношении к санкциям, самим не применять их в ситуациях, когда национальные интересы России находятся под угрозой, и поддерживать их применение в отношении стран, угроза со стороны которых в отношении нашей страны относительна — это, согласитесь, не просто двойной стандарт. Это, мягко говоря, политическая непоследовательность. Не буду говорить о 1990-х годах, но всю первую декаду 2000-х политика этнорадикальных режимов в Прибалтике реально угрожала военно-политическим и экономическим интересам нашей страны, в результате ее реально уничтожались души и судьбы сотен тысяч наших соотечественников, страдала значительная часть русского народа — и что, применило наше правительство к ним какие-то санкции? Нет, не применило. Нас убеждали, что «без излишнего обострения», политическими методами Россия способна будет достичь лучших результатов. И что, достигли? Стало только хуже.

Мы начали постепенно выводить наш транзит из Латвии, Литвы и Эстонии, но, опять же, объясняя это главным образом экономической целесообразностью. Какие-то полити-

чески мотивированные меры последовали только в ответ на общие санкции в отношении нашей страны, введённые Европейским союзом по украинскому поводу. Эти санкции, будем надеяться, в ближайшие годы сняты не будут и, соответственно, наши ответные меры продолжатся. А если будут сняты? Нас начнут убеждать, что и наши ответные действия должны быть прекращены, поскольку «санкции — это не инструмент»... Так всё же, учитывая наше голосование по санкциям в отношении КНДР, инструмент или не инструмент?

На мой взгляд, меры военно-политического и экономического воздействия на страны и правительства, которые угрожают национальным интересам твоей страны, — это дело в современном мире обычное. Если мы хотим выжить, мы просто вынуждены будем их применять в ответ на враждебную политику противников (сейчас это США и ЕС, но могут быть и другие) и в инициативном плане. Но рассматривать их надо именно в качестве своего политического инструмента, применяемого для достижения собственных целей. Что же касается санкций по линии ООН, то они давно утратили исконное качество. Во всяком случае, всем происходящим на международной арене в последние десятилетия их применение существенным образом девальвировано.

«Да это просто американцам удалось «догнать» Россию и Китай до поддержки своей линии в отношении Пхеньяна», — скажет мало-мальски вдумчивый наблюдатель и будет прав. Ну, хорошо, у Китая с американцами свои игры. Но у нас-то **свой**, весьма своеобразный, сложнейший период отношений. Россия сама находится под американскими санкциями, и это требует соответствующего реагирования.

«Нас же сам Трамп попросил, а потом поблагодарил, — скажут сторонники согласия с американской позицией по КНДР. — Это нам потом зачтётся».

Не зачтётся.

Трамп попросил, а Конгресс лишил его возможности существенного положительного политического манёвра на российском направлении. Американцы реализовали в ООН свой внутренний закон, направленный и против нашей страны. Вернее, против неё в первую очередь. А мы им в этом помогли.

И даже если о поддержке резолюции по КНДР нас просил Пекин, если ему надо было послать свой сигнал Пхеньяну, политическая принципиальность требовала от нашей страны **воздержаться** при голосовании. В том числе и с учётом того, во исполнение какого внутреннего документа действовал Вашингтон. Обращает на себя внимание в этом контек-

сте и вот какой немаловажный момент. В сюжетах, связанных с американским законом о санкциях в отношении России, Ирана и КНДР, а также с конкретным голосованием в ООН по резолюции против КНДР всё чаще стало упоминаться словосочетание «нелегитимные режимы». Мол, Россия оказалась в американском законе в одном списке с ними. Нет и не может быть среди членов ООН никаких «нелегитимных режимов»! Благодаря нашей стране в Уставе ООН был зафиксирован принцип суверенного равенства государств-членов.

Если уж и говорить о незаконности какого-либо режима, то это тот, который был установлен в результате силового захвата власти, как, например, произошло в случае с Украиной в 2014 году. Но даже его, хотя он и ведёт войну против тех регионов, которые отказались подчиняться самозванной хунте, США и ЕС таковым не считают.

Возвращаясь к поддержке позиции Вашингтона и сделанному Россией недружественному выпадку против Пхеньяна, к резолюции, которая несёт страдания многим миллионам северных корейцев, не могу не поделиться гложущей меня мыслью о последствиях. Думаю, что проявленная нами непоследовательность в противостоянии враждебной политике США станет преддверием очередной ощутимой для нас оплеухи со стороны американцев.

ИА Регнум

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2017 год
(Апрель — август)

Израиль вновь безнаказанно бомбит пригороды Дамаска. И — никаких заявлений со стороны Кремля! Ни звука!

Все эти хваленые «С-400» — не более чем бутафория для внутреннего пользования. Израиль для Путина — еще одна священная корова, каковых у него множество — азиатские мигранты, Навальный, Ходорковский, Чубайс, иностранные русофобы на российском телевидении...

Ни один израильский самолет и ни одна израильская ракета, выпущенные по Сирии, **никогда** не будут сбиты бутафорскими т.н. «С-400». Потому что они там, по всей видимости, даже не бутафорские, а фейковые.

* * *

Очень многие у нас в стране недоумевают: отчего, с какой целью руководство основных российских телеканалов ежедневно, в течение нескольких часов позволяет нагло высказываться на всю страну иностранным русофобам? И не просто высказываться, а бесцеремонно оскорблять Россию, клеветать на наш народ и с ехидными издёвками лгать в каждом слове, заведомо сознавая свою ложь? Для чего делает это руководство телеканалов при попустительстве руководства страны? Это что, еще одно казуистическое издевательство над психикой наших людей? Или таким вот способом созна-

тельно разжигаются ненависть и злоба? И ведь за экстремистские и клеветнические высказывания на российском ТВ иностранных русофобов, прежде всего украинских и польских, никто из них не несет никакой ответственности, их вновь и вновь, как ни в чём не бывало, каждый день приглашают на т.н. политические «ток-шоу», идущие по всем центральным каналам. Мы все видим, как, сознавая свою безнаказанность, они, эти польско-украинские моральные уроды и европейские цинично-лицемерные словоблуды, уже окончательно распоясались.

И тут возникает естественный вопрос: а не занимается ли само руководство телеканалов разжиганием экстремизма, насаждением клеветы и оскорблений нашей страны? Как и другой вопрос: допускает ли нечто подобное хоть одно иное государство на своем телевидении по отношению к собственному народу, к своей истории и к своим национальным чувствам?

* * *

Ежедневно в Донбассе украинские каратели убивают русских людей, а Путин с Парашенкой то и дело по телефону разговаривают. Как сообщила в апреле газета «Коммерсант» со ссылкой на информированные источники в Кремле, *«беседа глав двух государств проходила в уважительном корректном ключе, стороны периодически переходили на шутливо-иронический тон»*. Комментарии, как говорится, излишни.

* * *

28 апреля в своем выступлении на заседании Совета Безопасности в Кремле Путин привел страшные цифры. Первая: «За последние пять лет число несовершеннолетних наркоманов в стране возросло на 60 процентов». И вторая: «По данным соцопросов, наркотики употребляют около 7,5 миллиона человек». Помимо этих убийственных цифр президент констатировал: «Чаще всего их поставщиками выступают преступные группировки из-за рубежа, стран Европы и Азии. В последнее время значительный поток идёт и с Украины».

Констатация данных фактов — дело, конечно, нужное и полезное для прочищения мозгов членов Совета безопасности РФ. Но всё же в который уж раз приходится задавать этот не менее убийственный вопрос: а что же сделали вы, да, лично вы, г-н президент, чтобы остановить этот лавинообразный чёрный поток наркотиков, хлещущий к нам из «дружественных» и дорогих вашему сердцу республик Средней Азии и Закавказья? Ведь там, в Кремле, похоже, лично вы — один-

единственный человек, который упорно, годами, десятилетиями препятствует введению визового режима с этими южными республиками. Мало того, что оттуда к нам беспрепятственно прут бандиты и террористы, но еще более жутким потоком идут сюда тонны и тонны наркотиков. И если азиатско-закавказские бандиты и террористы убивают здесь каждый год несколько сотен наших людей, то прибывшие сюда наркотики **ежегодно убивают сто тысяч человек.**

Кто несет главную вину за эти жертвы, г-н президент? Не тот ли, кто их допустил?

Прибывший из Киргизии террорист-смертник в апреле этого года взорвал питерское метро. А через месяц, в мае, Путин простил Киргизии ее госдолг России в сумме 240 млн. долларов.

Гомосексуальные организаторы Евровидения решили «наказать» Россию за то, что она отказалась транслировать в этом году очередное ЛГБТ-шное позорище из Киева (по причине недопущения Киевом на это отвратительное сборище российской участницы). Но сказать по этому поводу нужно следующее: европейские карлики могут пытаться «наказывать» Россию только в одном-единственном случае: при малодушии российской власти. Попробовали бы они «наказать» Россию при Николае I, Александре III или при Сталине...

Вот и теперь МВФ рекомендовал России повысить пенсионный возраст. Попробовали бы эти деятели что-либо рекомендовать нам, когда в Кремле находился Генералиссимус Победы!..

Абсолютно вся «политика» Украины заключается только в одном: гадить России и русским.

7 мая в Ленинградской области обрушилась строящаяся школа. Это своеобразный привет нашему президенту от дорогих его сердцу азиатских рабочих. В сентябре здание этой школы должно было открыться для учеников. Только, наверное, по Божьей милости не достояло оно до 1 сентября... Могу себе представить душевное состояние родителей этих учеников. А соучастником, к счастью, не случившейся трагедии стал бы тот самый человек, который является соучастником азиатской наркотизации страны.

Президентом Франции стал голубой Макрон, для отвода глаз женатый на старушке, старшей его на 25 лет. Бедная Франция! Ей предстоит очень скорое и очень большое разочарование в новом президенте. Ей это было необходимо и ей это пойдет только на пользу. Следующим президентом Франции станет Марин Ле Пен. За нее уже сейчас проголосовало почти 40 процентов избирателей. Через 5 лет их будет 60 или даже 70 процентов.

Франции и всей Европе просто позарез нужно было с головой окунуться в голубую и розовую мерзость, чтобы наконец повернуться лицом в правую сторону. Путь из либерального фашизма к национальным государствам — начертан свыше.

Этот же путь предстоит пройти и России.

Путин наградил 16 наших спецназовцев за то, что они двое суток держали бой с 300 исламистскими террористами в Сирии. Наши воины, конечно, молодцы. Но возникает естественный и логичный вопрос. Если наши бойцы специального назначения могут воевать в Сирии с исламистскими боевиками, то почему они не могут воевать с нацистскими боевиками на более близкой нам Украине? Если наши воины могут освобождать от исламских террористов Пальмиру и Алеппо, то почему они не могут освободить от бандеровских фашистов более близкие нам города Новороссии — Харьков, Мариуполь и Днепропетровск? А еще лучше — Киев? Или умами в Кремле настолько сильно владеет мнение т.н. «международной общественности»?.. И не пора ли уже кремлянам преодолеть эту порочность своих умов?

Государство вкладывает в спорт баснословные деньги. А спортсмены готовы выступать на международной арене под нейтральным флагом. И руководство страны не возражает против этого позорища. Так уже было при Ельцине. Премники, достойные своего патрона...

Ровно год назад, в мае 2016-го, я писал об этом в «Протуберанцах» и на нескольких ресурсах Интернета. Но тогда почти все, кто прочёл, не придали этой мысли значения. Поэтому напомним еще раз.

Как только приближается 9 Мая, все начинают говорить и писать: «Бессмертный полк, Бессмертный полк...» И мы,

конечно же, заслуженно гордимся этим новым явлением. Но давайте вместе задумаемся еще раз: из кого состоит наш Бессмертный полк? А состоит он из участников Великой Отечественной войны, т.е. из воинов, добывших Великую Победу, — погибших и оставшихся в живых. Но кто-нибудь из нас задает себе вопрос: а кто командовал этим Бессмертным полком? Вряд ли. Потому что большинство из нас не желает **знать** и **слышать** на этот вопрос ответа. А очень многие ответ на этот вопрос яростно отвергают. Им просто-напросто не нужен ни этот вопрос, ни ответ на него. Потому что командовал Бессмертным полком С Т А Л И Н. И никакой самый героический и самый бессмертный полк без Верховного главнокомандующего никогда никого бы не победил.

И тем не менее, когда год назад я задавал людям этот вопрос и отвечал на него, почти все переставали улыбаться, отводили глаза, отворачивались или переводили разговор на другую тему. Ясное дело: куда приятнее поднять портрет своего воевавшего деда или отца и на этом успокоиться, сделав свое благородное дело. А думать и идти в глубь темы Величайшей Победы большинству из нас очень и очень не хочется. Действительно, зачем? Когда можно каждый год празднично участвовать в этом разрекламированном шоу, не вдумываясь и не углубляясь в реальную суть Бессмертного полка.

Только тогда, когда впереди шествия Бессмертного полка будет поднят портрет его Верховного главнокомандующего, сразу же слетят, исчезнут, рассыплются маски всех к нему прилипал, дешёвых болтунов и телевизорных шоуменов. Более того, само это громкоголосое представление исчезнет с телевизорных экранов, но станет подлинно народным, без рекламы и киселёвской демагогии, истинным **Бессмертным** Полком.

* * *

16 мая в Волгограде в очередной раз взорвали дом. В очередной раз обрушился весь подъезд. И в очередной раз все СМИ нам будут вешать лапшу на уши о «взрыве бытового газа». Но в очередной раз приходится говорить, что от взрыва бытового газа весь подъезд никогда не обрушится. Максимум — вылетят стекла в одной квартире, где произошел взрыв.

И не слишком ли часто в последние годы у нас рушатся подъезды из-за т.н. «взрыва газа»?.. Точно так же, как изо дня в день происходят пожары из-за «короткого замыкания» и «непотушенного окурка», про который знают все СМИ, но который никто никогда не видел...

* * *

А почему бы режиссеру Учителю не снять киносериал под названием «Инесса»? Ведь отношения тов. Ленина с Инессой Арманд продолжались и после заключения им официального брака с Н.К. Крупской. Вот где был настоящий семейный треугольник! Вот это и была бы захватывающая киноэпопея для российского зрителя! Так нет же, не желает еврей Учитель касаться личных отношений творца «мировой революции». Куда заманчивее для него снять на бюджетные деньги очередную насквозь лживую пошлятину о последнем русском царе под названием «Матильда». И вовсе не потому, что г-н Учитель с глубоким уважением относится к советскому периоду нашей истории. Любую пародию и любую лживую мерзость о Сталине «господа» «учители» готовы снимать на бюджетные деньги одну за другой, без передыху. Тов. Ленина они своим «критическим взглядом» не касаются по другим причинам, известным, как им кажется, только им одним...

* * *

Путин про...свистел Украину и вскормил самых отъявленных врагов России. Такое впечатление, словно российская верхушка всем своим бездействием сознательно **поощряла** возвращение на Украине нацизма и ненависти ко всему русскому и советскому, то есть вольно или невольно способствовала **подготовке** украинского населения к войне с Россией. Никакие, даже самые агрессивные и русофобские действия и заявления киевской фашистской хунты не вызывали и до сих пор не вызывают ответной официальной реакции Кремля. Словно это дети малые играют в войнушку, на которых можно просто не обращать внимание. Вот так в свое время поощрялся Европой гитлеровский нацизм.

И не для того ли были придуманы «минские соглашения», чтобы ополченцы Донбасса не освободили от фашистских банд всю донбасскую территорию?..

* * *

Фейсбук прислал мне сообщение о том, что с моей страницы удалены стихи поэтов Донбасса. Более того, за эту публикацию меня еще и заблокировали на сутки. Это ж надо, в какой стране мы живем! Причём критиковать Путина и Кремль здесь, в Фейсбуке, можно, а стихотворно сочувствовать уничтожаемому Донбассу, оказывается, — запрещено. Конечно, стихи эти скоро выйдут в «Молодой гвардии», но нам всё время напоминают, в каком окружении мы находимся...

А ведь мы с ними и впрямь морально очень сильно разделены, с теми, кто нас пытается отовсюду удалить. Между нами пропасть. Никогда мы не будем братьями.

Заметьте, украинистских карателей в России никто не блокирует — ни на телевидении, ни в Интернете. Адвокаты украинского фашизма не вылезают из российских телеканалов, а уж сколько пробандеровских сайтов в Рунете — сосчитать невозможно. День и ночь несут они свою шизофреническую ахинею — и никто их не трогает. А Ковтун с Трюханом и Яхно — прямо-таки стали брызжащими ядовитой слюной «звездами» российского телеэфира. Вот такая у нас кремлёвско-партнёрская толерантность...

* * *

Российские власти приняли несколько законов против терроризма. Даже гражданства теперь будут лишать осуждённых за терроризм. Однако главный террорист страны, автор **Красного террора**, лежит на Красной площади... Вот такие приметы нашего времени.

* * *

Много лет я писал о террористической войне на дорогах, **ЕЖЕДНЕВНО** идущей в России. Повторяю, война эта идет **ежедневно**, а точнее, **ежесуточно**. И НИКТО, повторяю, **никто** не придает этой войне никакого значения как именно **войне**. Вот и вновь 12 июня (в «День России»), в Забайкалье разбился автобус с паломниками. 14 погибших и около сорока тяжело раненых. Ровно через два дня все СМИ об этих жертвах забудут, потому что на других дорогах произойдут такие же теракты с такими же или большими жертвами. И вновь НИКТО не придаст значения этим трагедиям как именно **террористической войне на дорогах**.

Многие наши наивные люди никак не возьмут в голову: если террористы взрывают дома и вагоны метро, если пускают поезда под откос, то почему же они не могут то же самое делать с междугородными и туристическими автобусами? К несчастью, делают. И уже давно. Вот только власти этого не признают и, как правило, списывают дорожные теракты на «уснувших за рулём водителей»... Подобно тому, как все пожары у нас списываются на «короткое замыкание» или на «непотушенный окуроч». А население наше легко верит каждому услышанному в эфире слову. Ведь так жить намного легче: услышал — и поверил.

* * *

О каком руководителе государства при жизни было снято столько фильмов, сколько о Путине? И сколько фильмов было снято о Сталине при его жизни? Да ни одного. Но о чьём «культе личности» сказано в наших учебниках истории?..

И мало кто из нас понимает, что мы живём при таком прижизненном культе личности и таком самопиаре человека, находящегося у власти, каких еще не знала история России. Но если данный человек этого не способен понять, то за него становится просто страшно. Потому что расплата настигнет обязательно.

* * *

Попытка законодательно внедрить в наше сознание понятия «российской нации», как теперь уже стало ясно, провалилась, что и предсказывалось грамотными аналитиками. Как сообщил «Интерфакс» — «из-за неготовности общества воспринять идею единой нации». На самом же деле это лишний раз подчеркивает полное непонимание кремлёвскими «мудрецами» сущности России и их чужеродность по отношению к русскому народу.

* * *

Характерные признаки путинского правления: в г. Апатиты Мурманской области в этом году закрыты роддом и больница, а в Ингушетии открыты перинатальный центр и онкодиспансер. Больницы и роддома закрываются по всем русским областям, но Путин этого «не знает». Как «выяснилось» во время июньской «Прямой линии с президентом», показанной по ТВ, он впервые об этом услышал. Однако эти вопиющие факты не мешают чуть не ежегодно снимать лизоблюдские фильмы, воспевающие лучшего президента всех времен и народов.

* * *

Тысячи тяжело больных людей в нашей стране ежегодно умирают, оттого что им поставили неправильный диагноз или оттого что в их городах не оказалось профессиональных врачей, а то и больниц. Тысячи онкобольных детей у нас в стране каждый год умирают, оттого что их родители не в силах оплатить дорогое лечение. Им не повезло, потому что они не дозвонились до Путина.

* * *

Польский Сейм проголосовал за снос памятников советским воинам, погибшим за освобождение Польши. Кремль,

конечно, будет и дальше сопли жевать, хотя за это преступление, если оно совершится, Россия обязана разорвать с Польшей дипломатические отношения. На что, конечно же, у нынешнего Кремля духу не хватит. Но для чего в Катини находится памятник расстрелянным польским офицерам, которых мы, к тому же, не расстреливали?

* * *

Русофобы бесчисленными толпами торчат и русофобствуют на российском телевидении абсолютно во всех политических программах. Ведут себя нагло, бесцеремонно, откровенно, не стесняясь своей русофобии, прекрасно зная, что им ничего за это не будет и что назавтра их точно так же пригласят для русофобского словоблудия на те же политические ток-шоу. Им противостоят русские (по образу мыслей) политические аналитики, но только один еврей Жириновский, когда войдет в раж, может крикнуть, тыча пальцем: «Заткнись, русофоб!»

Однако пусть бы попробовал кто-нибудь из участников этих политических противостояний назвать себя антисемитом... Какой вой поднялся бы в эфире! «Да как он смеет! Нас погибло 6 миллионов! Да как такое возможно на государственном ТВ!..» — целый месяц несло бы из всех электронных устройств. И можно не сомневаться, ни на одном канале ТВ, ни в одной передаче после такого признания данный «антисемит» не появится больше никогда. Но после того, как на Первом государственном телеканале постоянный фигурант политических баталий по фамилии Сытин сам себя назвал русофобом, — реакции не последовало никакой, и во все последующие дни он продолжал русофобствовать в телеэфире без каких-либо последствий. О чём это говорит? О том, что российское телевидение, и прежде всего его руководство, — нагло, откровенно и бесцеремонно **русофобское**.

* * *

Уголь — это единственное сырье, которое в больших промышленных объемах добывалось на Украине. Но укроебилы сами себя от него заблокировали, перекрыв железнодорожное сообщение с Донбассом, и теперь хотят, чтобы уголь им поставляла Америка. Дебилы назло «бабушке» не только сами себе уши отмораживают, но перед всем миром с криком и радостью отрубают себе руки и ноги, чтобы доказать всему миру свою ненависть к России и свое щенячье пресмыкательство перед теми, кто находится на западе.

Украина перестала быть угольной страной. Там теперь в промышленных объемах больше не добывают ничего. И ук-

родебилы этому безмерно рады и одержимы лишь двумя главными маниакальными идеями — что бы такое сделать, чтобы нагадить России и отчего бы еще себя заблокировать?..

* * *

Ночью 2 июля на трассе «Самара—Ижевск» междугородный автобус столкнулся с бензовозом. От взрыва горючего 14 человек сгорели заживо. 15 госпитализированы. Никакие СМИ и никакие властные органы, как всегда, даже в качестве версии не удосужились это очередное преступление назвать терактом. Несмотря на то, что подобные автокатастрофы происходят по всей России, как я тысячу раз повторял, **ежедневно**. Однако большинство из них — просто замалчивают, что, конечно же, на руку террористам. Когда-нибудь, надеюсь, эти факты будут вскрыты.

Водитель автобуса остался жив. СМИ сразу же вбросили свою неизменяемую и непробиваемую версию: «Уснул за рулём». Эта версия в тандеме с «непотушенным окурком» (при пожаре) снимает у обывателя любые вопросы...

Буквально через день в Баварии произошла стопроцентно подобная автокатастрофа: туристический автобус рано утром столкнулся с грузовиком, перевернулся и вспыхнул. Заживо сгорели 18 человек. И вновь речь идет исключительно о несчастном случае. Идентичность этих двух «несчастных случаев» и даже бесчисленная их регулярность на наших автотрассах никого из властей не наводит на мысль об их закономерности и неслучайности. Но вот уже новая форма терроризма с российских трасс с успехом перебазировалась в Европу. Канцлер Меркель выступила перед своим народом с траурной речью. Наши же «царьки» уже перестали реагировать на эти практически **ежедневные** «происшествия».

Когда какой-нибудь пакистанец или афганец в той же Германии (Франции, Англии) с криком «Аллах акбар!» прирежет или пристрелит двух-трех немцев (французов, англичан), то это мгновенно объявляется терактом. Но когда туристический или рейсовый автобус, полный людей, сброшен с высокого откоса или направлен по встречной полосе точнёхонько в лоб груженому 25-тоннику, а еще надежнее — бензовозу, то это, как у нас, так и в Европе, — никакой не теракт, а всего-навсего «несчастный случай»... Вот если бы автобус был взорван, и в нём нашли бы следы тротила, — тогда, может быть, власти после суточного невнятного мычания и признали бы шахидскую спланированную акцию. Когда же автобус сгорел от столкновения с бензовозом, то какой же это теракт?.. Так... «Водитель уснул за рулём...»

Но самое интересное заключается в том, что абсолютное большинство населения точно так же верит в его величество «несчастный случай». Смертника за рулем они себе ну никак не способны вообразить.

* * *

Весной этого года без шума и пыли Д. Медведев подписал правительственную программу, направленную на стирание социальных различий между женщиной и мужчиной. Программа эта предусматривает также замену понятия «пол» на понятие «гендер», т.е. социальный пол. Функции мужчины и женщины в обществе должны быть сначала абсолютно уравнены, чтобы затем биологические половые различия были окончательно стёрты и отменены. Нас усиленно шаг за шагом тащат туда же, куда бегом бежит Европа, — в однополюный мир. Конечная цель — расчеловечивание. Откровение Иоанна Богослова стремительно сбывается.

К сожалению, основная часть нашего населения понять это не в состоянии.

* * *

В июле 2017-го прошло уже более полугода, как США выдворили 35 наших дипломатов и конфисковали нашу дипломатическую собственность. В ответ — скулёж, обычное соплежевание и *«выражение надежд на восстановление нормальных отношений»*. В Польше принят сеймом и утвержден президентом снос всех памятников советским воинам, освободившим Польшу. А погибло там более 600 тысяч наших солдат и офицеров. В ответ — совместное с Израилем возмущенное заявление двух парламентов. И никаких реальных действий. Уже даже телевизиорные политологи недоумевают: может быть, в Кремле — поголовная эпидемия медвежьей болезни и спинно-мозговой бесхребетности?.. Может, туда пора уже санитаров направлять?..

Если кремлевские менеджеры не способны аналогичным способом выкинуть из страны американских цэрэушников, рядящихся в тогу дипломатов, а также разорвать дипломатические отношения с оборзевшей от русофобии Польшей, то, повторю свой недавний вопрос еще раз: с какой стати под Смоленском находится памятник расстрелянным в 1941 году польским офицерам, которых мы не расстреливали? И не пора ли об этой горбачевско-ельцинской фальсификации сказать официальную правду?

Хотя, конечно, вытравить из кремлевских стен дух либерального партнерства с помощью наших уговоров не полу-

чится. Для этого должно произойти в мире что-то сверхисключительное... И оно, это сверхисключительное, при таком раскладе произойдет обязательно. Но как бы кое-кому опять локти кусать не пришлось...

И что интересно: при всей бесцеремонной американской наглости Трамп на июльском саммите 20 государств вел переговоры с Путиным о восстановлении усыновления американцами наших детей. И мы не знаем, о чём они договорились. Однако сам факт данных переговоров подтверждает наличие в Кремле той самой эпидемии спинно-мозговой бесхребетности.

* * *

Президент поздравил с юбилеем ярую русофобку. Лично приехал к ней на Старый Арбат (ставший *их* «чертой оседлости», воспетой Окуджавой) с букетом цветов и сказал, что она всё делала правильно. Та же в ответ попросила освободить из пожизненного заключения террориста, готовившего большой взрыв в Крыму. Президент пообещал, сказав, что вообще-то можно, но не сразу.

Когда я в этом году обратился в администрацию президента с письмом о поздравлении президентом старейшего литературного журнала «Молодая гвардия» с 95-летним юбилеем, мне оттуда даже не ответили.

Вот вам и весь хваленый и воспетый до небес президентский «патриотизм»...

И дело тут даже не в отношении его к «Молодой гвардии», а в том, что, оказывается, русофобка со стажем Л. Алексеева «всё делала правильно». И тот факт, что организация, которую она возглавляет, имеет у нас в стране статус иностранного агента и получает американское финансирование, для великого патриота В.В. Путина вообще не имеет никакого значения. Главное — ее руководитель «всё делала правильно»...

Проводить в последний путь великого Илью Глазунова он не удосужился. Но мы хорошо помним, как он выражал *им* свои соболезнования по поводу смерти еще одной яркой русофобки — Новодворской.

А мы удивляемся, откуда на центральные каналы ТВ вылезло столько русофобов, не стесняющихся называть себя таковыми! Вот отсюда они и вылезли — из этих президентских поздравлений и соболезнований откровенным, нагло ухмыляющимся врагам России и русских.

Новый тип международных отношений под названием «Путинский стиль»:

они нам — кулаком в морду, а мы им — языком по заднице;
они — пинком под зад нашим дипломатам, а мы их детей — на новогоднюю ёлку;

они нам — сбитый штурмовик, а мы им — комплекс ПВО С-400;

они нам — 10 000 убитых в Донбассе, а мы им — Донбасс в составе Украины;

они нам — конфискацию нашей заграничной собственности, а мы им — 101-е обещание ответных мер;

они нам — ликвидацию памятников наших воинов, а мы им — российско-израильское заявление...

они нам — своих русофобов на наших каналах ТВ, а мы им — собственных русофобов на тех же каналах ТВ...

Чего же им не нарадоваться нашим «патриотом»-президентом?..

Очередной обман российского электората. Вернее сказать, очередной т.н. «хитрый план» (ХПП).

28 июля с громкой помпой по ящику объявлено об «ответных мерах» Кремля на прошлогоднюю высылку из США 35 российских дипломатов и изъятие нашей дипломатической собственности — посольской дачи, выкупленной нами еще в советское время. И вот наконец (через 8 месяцев) кремлевское терпение «лопнуло» — взахлёб запричитали дикторы и прикормленные политологи со всех центральных каналов радио и ТВ.

Но прошел день, и картина «адекватного ответа» прояснилась. И в картине этой всё встало на свои привычные места. Никаких конкретных американских дипломатов никто никуда не выслал. Госдепу дан месяц на раздумье в надежде на то, что за этот месяц они, пиндосы, одумаются и вернут наших дипломатов назад, а заодно — и нашу дипломатическую дачу. Это очередная псевдохитроумная кремлевская туфта, рассчитанная на охи и ахи путинских воздыхателей.

Говорящие головы на ТВ наперебой кинулись морочить голову и нам, и самим себе. Но вся эта «ответка» рассчитана на наивного внутреннего потребителя. Кремляне опять, как обычно, надули своих. Нет никакого адекватного ответа. Т.н. «дача» в Серебряном бору не является американской собственностью. Они, пиндосы, ею лишь иногда «пользовались», но давно ее забросили и давно уже там не появлялись.

Там даже нет ни охраны, ни видеокамер. И дырявый покосившийся забор. Но Путину надо было создать видимость ответа, чтобы было о чем говорить на ТВ.

Однако **более всего** поражает искренняя доверчивость наших «патриотов» со стажем. Всего лишь несколько дней назад президент поздравлял Л.Алексееву. А месяц назад Кремль велел Центробанку купить американских облигаций на 109 млрд. баксов. И вдруг он якобы «адекватно» ответил американцам...

Еще раз уточняю: пиндосы в 24 часа выдворили конкретное число наших дипломатов с конкретными именами. А Кремль «предложил» америкосам «упорядочить» их дипломатическое присутствие в России в течение месяца. И в точности никем не сказано, сколько же на самом деле находится у нас официальных пиндосовских засланцев. В ящике некоторые называют цифру в 1200 человек. Но это вместе с нашим обслуживающим персоналом. Думаю, «жесткий ответ» Кремля вызвал прилив хохота у членов капитолийского Конгресса.

Я, конечно, понимаю, что многим очень горько расписываться в своей наивной доверчивости. Но это лучше, чем оставаться непробиваемым валенком.

* * *

Прокремлевские СМИ продолжают дурить доверчивых обывателей, когда говорят, что 750 штатовских дипломатов должны покинуть Россию, чтобы довести их число до 455 человек. Умалчивая при этом цифру российских сотрудников, работающих в американских дипмиссиях в РФ. Ежу понятно, что сокращение произойдет исключительно за счет этого числа, т.е. за счет числа обслуживающего персонала, состоящего из россиян. В то время как америкосы выдворили конкретных российских дипломатов с конкретными фамилиями, которым не давали месяц на раздумье.

На политических ток-шоу «патриотическим» говорящим головам приходится отдуваться за невнятную и трусоватую политику Путина.

* * *

Как я и предсказывал, американские посольства и консульства, не дожидаясь конца августа, уже сократили состав своих служащих за счет российских сотрудников. Это и стало «адекватным ответом» Кремля на изгнание из США 35 наших дипломатов — ответом, о котором взхлеб несколько дней подряд долдонили все центральные телерадиоканалы.

И ничего другого, кроме как выгнать российский обслуживающий персонал, пиндосы сделать не могли при наличии в нашей политике пресловутого «путинского стиля». (То есть своим «ответом» Кремль опять сделал хуже исключительно нашим людям, о чём я и предупреждал в предыдущих заметках.) А дача в Серебряном бору, повторяю, была всего лишь арендована америкосами, т.е. не являлась их собственностью. Они появлялись на ней довольно редко — устраивали там шумные пьянки и опять надолго исчезали. Теперь они будут устраивать пьянки в другом месте — кто им мешает арендовать еще одну дачу где угодно, хоть на Рублевском шоссе...

2 августа Трамп подписал утвержденный Конгрессом закон о новых, еще более жестких санкциях в отношении России. И в этот же день пресс-секретарь Путина г-н Песков заявил, что Россия отвечать на них не намерена. Да кто бы сомневался! А ведь говорящие головы в соловьевских шоу наперебой голосили: «Да мы должны!..», «Да мы можем!..», «Да у нас есть такие возможности, такие рычаги!..» Увы, господа телевизорные «патриоты», в Кремле думают иначе: не должны и не можем. Путинский стиль однако...

* * *

Путинская толерантность во всей своей красе! Лишь несколько дней назад США на голом месте ввели новые экономические санкции против России, Ирана и КНДР. А точнее — за всё тот же Крым и за т.н. «русских хакеров»... Уж как возмущались и Путин, и Медведев, и Лавров, и М.Захарова, и наши политики, и депутаты!.. Но вот уже в Совбезе ООН США вновь ставят на голосование ужесточение экономических и политических санкций против Северной Кореи. Казалось бы, Россия как одна из жертв американской санкционной войны по логике вещей да и чисто из солидарности с такими же жертвами должна была встать на сторону КНДР.. Но не тут-то было. Российский представитель, естественно, по указке Кремля присоединяется к наглому агрессору и отдает свой голос за американскую резолюцию. И это, если рассуждать здраво, не поддается никакой логике. Но такова беспринципная, бесхребетная, трусоватая «логика» либерального Кремля, таков «путинский стиль» нашей международной политики.

Уверен, что КНДР по отношению к нам так бы не поступила. И вообще, разве возможно после того, что вытворяли против нас лицемерные и бесчеловечные США, быть с ними в одной упряжке против кого бы то ни было?! Но улыбочным кремлёвским «партнёрам», как видим, всё возможно...

А мы когда-то Медведева упрекали за сдачу Ливии... Но у нас ведь теперь ТАКОЙ президент! Он на шук под водой охотится...

Люди то и дело спрашивают: почему всё это происходит? Причина одна: наличие за границей у представителей российской власти огромных капиталов и детей.

* * *

Очередное телевизиорное позорище. наших спортсменов вновь не допустили на чемпионат мира по легкой атлетике. Нагло, бесцеремонно, несмотря на выполнение нашей легкоатлетической федерацией всех условий Всемирного антидопингового агентства (ВАДА). Но америкосы — не разрешили, чтобы, не дай бог, мы не забрали у них запланированное ими золото и запланированные гонорары. Правда, позволили отдельным нашим спортсменам, не опасным американской сборной, выступить под нейтральным флагом. И тем не менее российское телевидение при всём этом оскорбительном отношении к России и к нашей государственной символике, как ни в чём не бывало, преспокойненько транслировало этот чемпионат и благостно комментировало легкие победы американских легкоатлетов.

Многие из нас, конечно, уже привыкли к беспринципной толерантности Кремля и к русофобствующей циничности российского ТВ. И, привыкнув к этому, молча глотают любое издевательство над здравым смыслом и любое оскорбление национальных русских чувств. И что уж тут говорить про обывателей, когда сами спортсмены смирились и помалкивают в тряпочку. Но нормальное чувство и нормальное сознание не могут и не станут смиряться с подлостью всемирных русофобов и с примирительными улыбочками их российских «партнеров».

Пиндосский диктат и здесь добился своего результата. Американский спринтер Д. Гатлин, дважды уличенный в применении допинга, сначала дисквалифицированный пожизненно, был под давлением мирового гегемона — прощён, допущен к этому чемпионату мира в Лондоне и обошёл на стометровке непобедимого ямайского рекордсмена и восьмикратного чемпиона Олимпийский игр Усейна Болта. И пресловутая ВАДА, как ей и положено, проглотила свой язык. А позорное российское телевидение умилительно восхищалось победой еще одного пиндосского допингового монстра, недавно пожизненно дисквалифицированного той же ВАДОЙ.

Каким-то мистическим образом теперь, через сто лет, всё значимее и всё символичнее становится имя русского царя Николая Второго. И Наталья Поклонская, прибывшая в Москву из освобожденного Крыма, словно почувствовала значение для нас этой символики — и вышла с портретом последнего царя в шестии Бессмертного полка, тем самым показав нам бессмертие и непреходящую важность этого образа, канонизированного Православной Церковью. А ведь сколько недалёких русских людей набросилось на нее за этот шаг, за это естественное и неслучайное движение души! Сколько оскорблений, насмешек и злобного шипения обрушилось на нее со всех сторон! А среди осудивших было немало русских литераторов и более того — даже священников... Досталось и тем, кто ее сразу поддержал. Что, кстати сказать, только подтверждает правильность и точность ее выбора.

И опять-таки неслучайно именно сейчас достиг остроты вопрос о подлинности останков якобы царской семьи, захороненных в Петропавловской крепости. Церковь эти останки до сих пор не признала и, следовательно, они так и не стали **мощами** святых страстотерпцев. И царь своим символическим явлением на современную сцену истории словно бы сам хочет нам сказать: «Не верьте, это не наши останки».

Неслучайно и то, что теперь, через сто лет, всё громче и достовернее звучат голоса о нераскрытой тайне цареубийства, всё ярче и убедительнее освещаются факты того, что сам *расстрел* — тоже был мифом, предназначенным скрыть более страшное преступление изуверской власти. (Кстати сказать, имя Сталина к гибели царской семьи никем и никогда не причислялось.)

Неслучайно и появление лживого и мерзкого фильма «Матильда», срочно состряпанного как раз к столетию революции и гибели святой семьи, дабы принизить, приземлить, опошлить святой образ, с тем чтобы сама святость его оказалась усилиями известных «учителей» подмоченной, подорванной и ущербной. Нет, не случайно засуетились, забежали, заулюлюкали, зашипели бесы. Почуяли, откуда идет опасность для них...

Но правда пробивает себе дорогу. И мы всё более и более осознаём величие для нас личности Николая Второго. Вот потрясающий факт, еще мало оценённый.

Осень 1941 года. За первые четыре месяца Великой Отечественной войны в боях с европейскими фашистами Красная армия понесла катастрофические потери — погибшими и взятыми в плен. Цифры этих потерь исчислялись миллиона-

ми. Противостоять германской лавине, подхлотившей к Москве, по большому счету на тот момент было некому. В Москве это понимали все. Правительство и его учреждения были эвакуированы, тело Ленина — вывезено в Тюмень, а основные крупные здания в центре столицы — заминированы. Да, ударили сильные холода, но они не спасли бы Москву. И реальное чудо было не во внезапных морозах, а совсем в другом.

Поистине фантастическое, почти невозможное чудо совершил Николай Второй. За время своего правления он осуществил, довёл до завершения неслыханный проект начала XX века: построил Транссибирскую магистраль — железную дорогу длиной девять с лишним тысяч километров, соединившую центр страны с Владивостоком. Строили ее практически вручную — через непроходимую тайгу, сибирские реки и горы, с помощью лопаты, кайла, кувалды и лошадей. И ведь надо было выплавить миллионы тонн стальных рельсов! Строительство магистрали завершилось в 1916 году. И уже начали укладывать вторую линию. Во время войны! Даже нынешний полет наших космонавтов на Луну выглядел бы менее значимым и менее блистательным, нежели тот подвиг русских рабочих и русских инженеров. Только Провидение, знающее будущие перипетии истории, могло подвигнуть на этот грандиозный шаг великого царя во имя своей великой России.

Осенью 1941 года Сталин в конце концов поверил нашей разведке, что Япония не вступит в войну с СССР. И в десятидневный срок по Транссибирской магистрали была перебросена в центр Дальневосточная армия вместе с вооружением и сибирскими резервами. Да, это именно она промаршировала по Красной площади на параде 7 ноября. Именно они, дальневосточники и сибиряки, отстояли Москву и отбросили немцев от столицы. Не будь Транссибирской железной дороги, в столь быстрый срок не удалось бы перебросить с Дальнего Востока к Москве войска и вооружение. И Москве пришлось бы сдать.

Родившиеся после войны, молитесь Николаю Второму, потому что если бы не он, вы вообще могли бы не родиться на свет.

Нет, не случайно его портрет, а точнее, икона святого Николая Второго была пронесена в шествии Бессмертного полка!

* * *

Вся русофобско-либеральная часть т.н. «культурной элиты» в лице Учителя с его фильмом «Матильда» и русский православный народ прямо, откровенно, бескомпромиссно столкнулись на наших глазах в борьбе за Россию, за ее историю

и нравственность. Власть в лице Путина внешне устранилась от этого противостояния. Наиболее либеральная часть власти в лице Д.Медведева, не скрывая этого, заняла сторону «учителей».

Интересная сложилась ситуация: этот фильм резко, удивительно громко расколол российское общество. Всего-то, казалось бы, — фильм... Да, подлый и мерзкий. Но мало ли их было и есть в современном киношном потоке!.. Одним больше, одним меньше... Но тут (что и впрямь поразительно!) прямо-таки нашла коса на камень. Впервые русское православное общество всем миром поднялось против очередной лжи и мерзости. Значит, достали. Значит, в своей наглости профессиональные пересмешники переступили некую грань. Значит, у нашего терпения тоже есть предел. И они, профессиональные фальсификаторы, растерялись. Они не ожидали ТАКОГО отпора. Они надеялись, что мы и это проглотим, что всё у них, как обычно, пройдет по накатанному... И очень удивляются и даже возмущаются, что по накатанному не проходит.

Вот поэтому нам отступать уже нельзя. Надо идти до конца. Мы обязаны победить. Пусть даже этот богомерзкий «фильм» выйдет на экраны — это не станет их победой. Пусть «Матильда» будет их проклятьем, их клеймом, сатанинской печатью на их лбу. Отношение к этому «фильму» должно стать признаком нравственной чистоплотности и моральной зрелости. Примириться с ними мы уже не сможем. Потому что нельзя примириться с ложью и подлостью. Но ведь и для них компромисс тоже невозможен. Россия для них — это поле для личных экспериментов, насмешек и глумлений в «стране дураков».

Наконец чётко обозначился водораздел между ними и нами. Вот в этом, наверное, и состоит одно из чудес, связанных с именем святого Николая Второго.

* * *

На сайте Forum.msk.ru 18 августа появилась такая вот публикация. Привожу ее в сокращении:

«Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова 17 августа этого года в рамках еженедельного брифинга с журналистами вступила в заочную полемику с директором ЦРУ Майклом Помпео, который неоднократно обвинял Кремль в многолетних попытках подорвать демократию в США. В ответ на это Захарова напомнила Вашингтону о 500 млн. долларов, которые были привезены в Москву в преддверии президентских выборов 1996 года... «Несколько ночей личный состав посольс-

кой резидентуры ЦРУ во главе с Майклом Суликом буквально спал на мешках с наличностью, охраняя их, пока деньги вывозились из дипмиссии отдельными партиями неким частным лицом», — заявила Захарова.

Да, вот она, неприглядная правда: Ельцин был переизбран на деньг ЦРУ, а вовсе не олигархов, которых, как выяснилось, «задавила жаба», и именно эти «кровавые баксы», точнее, их часть, пытались вынести из Дома правительства 19 июня 1996 года для оплаты агитационного чёса «мастеров российской эстрады».

Получается, что МИД РФ фактически официально заявил о нелегитимности власти в стране в течение последних 20 с лишним лет и объявил «первого президента» России — ставленником ЦРУ...»

* * *

Вот ведь как получается. Три дня подряд во всех подробностях центральные каналы ТВ и радио освещали теракт в испанской Барселоне, когда мигрант за рулем фургона насмерть задал на пешеходной улице 13 человек. Все три дня нам повторяли имя и фамилию террориста-мигранта, место и год его рождения, а также биографические данные его нескольких сообщников. В эти же самые дни уроженец Кавказа, живший в Сургуте, нанес ножевые ранения восьмерым прохожим в самом центре города, но об этом сообщили как-то вскользь под обычной формулировкой: «неизвестный местный житель» 1998 года рождения, не называя ни имени, ни фамилии этого «неизвестного»... Вот только как же в полиции и в СМИ выяснили год его рождения, если о нём больше ничего «не известно»?.. Ну и, конечно же, ни о каком теракте тут и речи не может идти. Конечно же, и полиция, и местная власть сразу же заявили о психических отклонениях «неизвестного»... В точности, как в случае с «психически больной» узбечкой Г.Бобокуловой, отрезавшей голову русской девочке и размахивавшей ею в центре Москвы со словами «Аллах Акбар!». Теракты с известными исламистами могут быть только в Барселоне, в Лондоне, в Берлине, в Париже... А в России это всегда только лишь «неизвестные сумасшедшие»... Ну в крайнем случае они у нас становятся известными, когда взрывают вокзалы и метро...

Оно и понятно: не дай бог люди узнают национальность «неизвестных» головорезов!.. Не дай бог обвинят президента в том, что он заполонил Россию кавказско-азиатскими «неизвестными» террористами!..

Не прошло и дня после сургутской резни, как другой «неизвестный» уроженец Кавказа в Хабаровске убил чемпиона

мира по отжиму тяжести Андрея Драчёва. Естественно, ни национальности, ни имени убийцы (1992 года рождения) не сообщили. Такие у нас толерантные центральные СМИ. Но в Интернете всё же названо его имя: Анар Алияр оглы.

* * *

Как хотите это объясняйте и оправдывайте, но президент России **позволяет** порошковской банде издеваться над русским народом, проживающим на территории Украины. Президент России своим бездействием **позволяет** укрофашистским нелюдям убивать русских на территории Украины, а также — бросать за решетку, пытаться, уничтожать человеческое достоинство тех граждан Украины, кто называет себя русским и желает говорить на русском языке. Президент России своим молчанием **позволяет** бандеровской нечисти оскорблять Россию, нашу историю и наш народ. Президент России **допустил** бандеровских нацистских русофобов на российское телевидение, и они, пользуясь этим **безразличным позволением**, на всех центральных каналах ТВ занимаются активной пропагандой украинской нацистско-экстремистской идеологии. Их действия понятны. Они внедряют здесь бредовую фашистско-бандеровскую пропаганду по заданию преступной киевской хунты. Но непонятна позиция кремлёвской власти. Непонятно молчаливое безразличие президента РФ по отношению к наглым оскорблениям России укронацистскими отморозками на российском телевидении. И при таком, мягко говоря, странном отношении к вышеизложенным фактам г-н Путин собирается вновь выдвигаться в президенты России?..

* * *

Советское руководство около 100 лет назад на территории российской Малороссии создало т.н. «Украину» и подарило ей Донбасс, Крым, Закарпатье, Галицию и т.д. И теперь русский народ за это жестоко расплачивается. А неблагодарный т.н. «украинский» («свидомый», «самостийный») народ теперь называет Россию агрессором и требует ее наказания. Были ли в мировой истории подобные примеры? Вот именно по этой причине у т.н. «Украины» и т.н. «украинского» народа нет и не может быть будущего. Его нет еще и потому, что т.н. «украинцы» всего этого не способны понять. А значит, им свыше не дано возможности занять в истории своего оправданного логического места. Ничего, кроме позора и пародии на государство, «Украину» не ждет.

* * *

В последний день августа Трамп, предварительно заявив о необходимости сближения с Россией, потребовал от Кремля закрытия российского генконсульства в Сан-Франциско, а также наших торгпредств в Нью-Йорке и Вашингтоне — в течение 48 часов. Нам остается только понаблюдать за очередным месячным или полугодовым кремлёвским соплежеванием. Правда, один из «адекватных» ответов последовал сразу же: Лавров выразил сожаление... Второй не менее «адекватный» ответ прозвучал на второй день из кремлёвской пресс-службы: «Мы изучаем вопрос»... Ну что ж, будем теперь ожидать конца этого изучения... Может быть, к Новому году конец изучения наступит, и детей америкосовских дипломатов вновь пригласят на новогоднюю ёлку в качестве окончательного адекватного ответа грозного Кремля.

Точно такую же соплежевательскую «адекватную» реакцию известных высокопоставленных бояр мы наблюдаем в ответ на хамское развязное самодурство киевской дуболомной хунты. Примирительное соплежевание стало главной визитной карточкой, говоря на нынешнем газетном сленге, лавровско-путинского международного тренда.

* * *

Трусость, малодушие, нерешительность и толерантность властей по отношению к зарвавшимся дуrolомам никогда не доводят до добра и всегда оборачиваются бедами для множества простых людей. Но в Кремле всё еще надеются своим робким бездействием и пустой примирительной демагогией задобрить своих охамевших пиндосовских партнеров.

* * *

После обысков, устроенных ФБР в нашем генконсульстве в Сан-Франциско и в двух наших торгпредствах, новый посол России в США А. Антонов сказал корреспонденту «Вестей»: «А мы отвечать не будем». Ну что ж, на фоне супертолерантного лавровско-путинского тренда эта трусоватая бесхребетность становится не просто кремлевским стилем, а российским брендом.

А ведь Россия в августе присоединилась к пиндосовской резолюции в ООН по санкциям в отношении Северной Кореи... Не помогло...

* * *

Америкосы устроили погромы в российских диппредствах, а насельники Кремля вместо симметричных

ответных действий собираются на них в суд подавать. При чем в американский. Разве это не смешно?

Наши СМИ не заикаются о том, что согласно принятому в начале августа Конгрессом США закону «О санкциях в отношении России» кремлевской верхушке и приближенным к ней олигархам дано 180 дней на размышление. После этого срока начнется арест всей принадлежащей им зарубежной недвижимости и банковских капиталов. Счетчик включен.

* * *

5 сентября на пресс-конференции перед журналистами Путин объявил, что Серебренникову на всю ту мерзость, которую он ставит в театре и снимает в кино, государство выделило миллиард рублей. Вообще-то нормальному руководителю страны должно быть стыдно за эту цифру — миллиард. Но Путин об этом сказал так, как будто это не он государством руководит. Миллиард на гомосексуальную мерзость — вот символ этой власти. Причем разворванный миллиард. И ни министру, ни президенту за это ничуть не стыдно. Повторяю — разворванный, потому что иначе не было бы уголовного дела и не находился бы голубой «режиссер» под домашним арестом.

* * *

Русские литературные журналы (прежде всего — центральные, московские) с трудом выживают, серьезной помощи от государства они не имеют — выкручиваются как могут. Но тупо-хохмаческим, издевательски либералистическим и открыто гомосексуальным театрам и режиссёрам власти выделяют сотни миллионов рублей — всем этим Серебренниковым, Райкиным, Учителям... В общем объеме — миллиарды. А президент с высоких трибун нам что-то рассказывает о «тысячелетнем русском государстве» и «пассионарном русском народе». Однако с тех же самых трибун никто не вспоминает о совести.

Серебренники — как по Библии — Райкиным и Учителям. Миллиарды серебренников... А русским журналам — красивые слова с трибун и кукиш в кармане.

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

ИВАН ИВАНОВИЧ ШИШКИН
(1832 — 1898)

Шишкина называли царем леса. За то, что знал его, любил безмерно и замечательно передавал свои впечатления на холсте. Еще в юности пленили его могучие закамские леса с синеющими просеками, с душистым запахом травы и хвои. Он надолго уходил из дома, взяв бумагу и карандаш — изучал скульптуру сосновых стволов, стараясь, чтобы рисунок жил.

— Бездельем маешься, — упрекнул однажды сосед.

— Почему бездельем? — возразил Иван.

— Потому что труженик горб гнет, руками своими делает дело.

— А художник? Разве не гнет горб, разве не руками пишет картины?

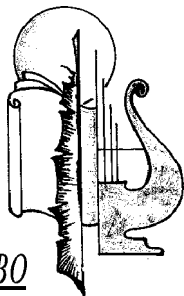
Он, наконец, сказал родителям:

— Я уезжаю.

— Куда, если не секрет? — спросил отец.

— В Москву. Учиться живописи.

Мать приняла известие со слезами: как это можно — из купеческого сословия да в художники! Вечно будет ходить в грязной рубахе, как те богомазы, что пишут сейчас иконы для нового храма. Но отец поддержал Ивана.

ИСКУССТВО

Иван распрощался с родными. Возок катился с пригорка на пригорок по широкой равнине, качались по сторонам от дороги спелые хлеба, и то ли брели, как вечные странники, то ли стояли дозорными богатырские сосны. Так и запомнился отчий край, дорогая сердцу Елабуга: соснами под чистым небом среди хлебов.

В Московском Училище живописи Иван Шишкин серьезно занялся изучением природы, много работал, и о его упорстве слагались легенды. Записал в дневнике: «Природа всегда нова... и всегда готова делиться неисчислимым запасом своих даров... Что может быть лучше природы?»

А жилось ему в ту пору трудно: безденежье было частым. Отец почти не помогал, его купеческие дела шли плохо. Но письма от отца приходили бодрые — талантливый он был человек и неугомонный: «Хочется восстановить башню в Елабуге, на Чертовом городище. Там когда-то был город Гелон. Булгары построили. Войны были извечные, люди не могут без войн, хотя по крови все братья — от одного корня идут. Персидский царь Дарий неподалеку скифов разбил, зимовал в Гелоне, а весной, как только просохло, сжег город дотла и ушел. Силу свою показывал. Но разве же в этом сила? Построить город, вот где сила нужна. А разрушить — это ведь просто...»

Время шло. Рос в Иване Шишкине дар живописца. Всё чаще мечталось ему о Петербурге, об Академии художеств. Друзья оговаривали: питерские академики не благоволят москвичам. Но Иван был уверен в себе. Зимой 1856 г. он отправился в путь. В Академии представил к экзаменам несколько рисунков и пейзажей, и сразу за один из них ему присудили Малую серебряную медаль — первую в его жизни награду. На вручение награды требовалось явиться во фраке и в белых перчатках, Шишкин отказался:

— Я рисую без перчаток. Отчего же награду за свою работу должен получать в перчатках да еще белых?

И не пошел на акт.

Но это не испортило его отношений с Академией, хотя некоторым профессорам дерзость Шишкина не понравилась.

Работал Иван неутомимо, был самым сильным рисовальщиком среди пейзажистов. Брался ли за изображение леса или отдельного дерева, всё получало истинный вид, без малейших прикрас. Пейзажи Шишкина выставлялись в Москве и Петербурге, а за один из них он получил Большую золотую медаль и право на заграничную поездку.

— Зачем мне чужие страны? — отбивался Иван. — Во мне всё русское.

Однако Академия настаивала, и Шишкин обратился с просьбой в Совет: разрешить ему несколько месяцев провести в Елабуге, где не был два года. Просьба была удовлетворена.

Ехал он через Казань. Опять видел родные Закамские леса, раскинувшиеся на многие километры, и когда поднялся на высокий пригорок, с которого открывался вид на Елабугу, так разволновался и обрадовался, что не мог усидеть: соскочил с повозки и побежал по траве.

Он — дома! Его любят и окружают заботой — долгожданный сын!

Все дни он теперь пропадал в окрестностях Елабуги, рисовал. Сосны, сосны, сосны! Лесные богатыри! Да он и сам богатырь.

— Здравствуй, батюшка! — поздоровалась с ним однажды старушка в истертом цилиндре.

Необычайную женщину звали Надеждой Андреевной Дуровой, но она называла себя Александров. Несколько месяцев от роду мать выбросила ее из окна кареты, гусары подняли окровавленного ребенка и отдали подсакававшему отцу; с тех пор седло стало для нее колыбелью. Сорвиголовой росла девочка! В юном возрасте вступила в казачий полк, присвоив себе мужское имя, став корнетом Александровым, дралась с наполеоновскими войсками, была ординарцем Кутузова; в отставку вышла в чине штабс-ротмистра и написала записки о своей полной приключений жизни.

— Что рисуешь? — спросила Дурова.

— Сосны, — улыбнулся Шишкин. — Порой хочется взять людей за руку и повести в леса, чтобы увидели, как хорош мир!

Надежда Андреевна посмотрела вокруг, затем перенесла взгляд на этюд:

— Вы оставляете потомкам незабвенный образ Родины! — сказала высокопарно, как говорили во времена ее молодости. — Да, да! Любовь к ней и веру в ее будущее!

Дурова ушла, не желая отвлекать художника. Глядя ей вслед, Шишкин подумал, что могучий дух земли русской не иссякнет, пока есть вот такие хрупкие женщины с душой, высеченной из кремня.

Поездку за границу он всё откладывал, работалось дома хорошо. Рассуждал: «Для работ французу нужна Франция, русскому — Россия». Только весной следующего года выехал в Германию — дальше тянуть было некуда.

Как предполагал, так и вышло: разочарования на чужбине следовали одно за другим. Шишкин искал хоть что-нибудь дорогое сердцу — напрасно. В картинных галереях видел он пейзажи холодные или слишком красивые, к тому же они были ему известны по репродукциям. «Мы о загранице знаем всё, — с горечью думал он. — А заграница о нас почти ничего не знает. Почему? Чем наша жизнь, наша живопись хуже?»

Раз, сидя в таверне за кружкой пива, заметил, как за соседним столиком компания подвыпивших немцев с насмешкой поглядывает на него и что-то мерзкое говорит о России. Шишкин кое-как уже умел изъясняться по-немецки, однако сделал вид, что разговор соседей его не касается. А те не унимались. Тогда он подошел к их столу и ткнул себя пальцем в грудь: «Я русский. Их бин руссиш. Уразумели? Прошу прекратить!» Ответом был хохот и оскорбления. Иван молча взял одного из насмешников за ворот и поставил перед собой: «Ты что, не понял? Я русский!» Остальные, опрокидывая стулья, бросились выручать своего приятеля.

Иван прошелся медведем, расчищая себе дорогу к выходу. Оказавшись на улице, он дал волю кулакам, и по нечаянности зацепил совсем некстати подвернувшегося полицейского. На другой день Шишкина вызвали в участок. Явились пострадавшие. С опаской проходя мимо Шишкина, отводили глаза. «Ого! — подумал он. — Их, оказывается, было семеро!» Полицейский начальник тоже был удивлен, спросил недоверчиво: «Вас было семеро? А он один?» И расхохо-

тался. Шишкина оштрафовали на 50 гульденов. «Это не за них, — указал начальник на пострадавших, — это за нашего полицейского. Надо знать, господин Шишкин, кого бить...»

Едва дождавшись весны, Иван Иванович уехал в Швейцарию. Но и там ловил себя на мысли, что, находясь среди неопишуемой красоты, он всё время ищет что-нибудь схожее с тем, что дорого и близко ему, — то ли солнечные закавказские сосны, то ли заросшие подорожником лесные ложбины. Бросив всё, он до срока вернулся в Россию. «О, Боже мой, я дома!» — радостно восклицал.

Иван Иванович начал много путешествовать, словно наперстывая годы, прожитые за границей, много писал и выставлял свои произведения сначала в Академии художеств, а после того как учредилось Товарищество передвижных художественных выставок, — на выставках передвижников. Его картина «Сосновый бор», оконченная в 1872 году, стала неоспоримым шедевром: всю нежность, всё переполненное чувствами сердце свое вложил он в этот тончайший пейзаж — песню сыновней любви к своей отчизне.

В семидесятые годы Шишкин близко сошелся с художником Иваном Николаевичем Крамским, особенно благотворно влиявшим на его творчество. С ним он делился замыслами будущих картин и рассказал, как однажды в Москве увидел выставку Айвазовского. Если море так хорошо на картинах, разве нельзя столь же превосходно представить и остальную природу, задумался он тогда. С тех пор зрела, ждала своего часа мысль о чем-то значительном, счастливом. Он чувствовал эту мысль, хотя еще не знал, не мог себе представить, в чем она выразится конкретно. Делился в письмах к отцу: «Какая тайна и радость заключаются в окружающей нас природе! Сможет ли когда-нибудь человек всё до конца понять, или это немислимо, невозможно? Всё думаю, думаю, как это перенести на холст? Да сумею ли?»

«Сумеешь». — Отец не сомневался в сыне. Сам он дописывал «Историю города Елабуги», и этим светом озарена была его жизнь. Ухлопав свои небольшие средства на восстановление древней башни на Чертовом городище, он из третьей купеческой гильдии перешел в мещанство. Но разве в деньгах счастье? Счастье — в самой жизни.

«Верь в себя, Иван, — писал он сыну, — ты еще такое сотворишь, что ахнем все!»

Но отец не дожил до того лета, когда приехал Иван Иванович в родную Елабугу уже маститым художником, у полотен которого, как у полотен Айвазовского, часами стояли люди в задумчивости и удивлении: как же простыми красками можно передать столько?

Была пора сенокоса, июльские дожди стремительно пронеслись над лесами и пашнями, коромысло радуги одним концом падало в Каму, другим — в Тойму, и всё вокруг звенело, сверкало, полнясь бодрящей свежестью. Шишкин любил солнце и день. Он много ходил и всё чего-то искал, искал... высматривал и почти ничего не писал.

Но вот он набрел на ржаное поле и поразился его величию и размаху! Под тяжестью крупных колосьев стебли слегка наклонились, и тихий чуть слышный звон плыл над полем в горячем воздухе. И отку-

да-то издалека, то ли из прошлого, то ли из будущего, брели навстречу могучие, состарившиеся в пути сосны. Шишкин сел прямо на траву, обхватил руками колени, и замер. Созревшие колосья шелестели у самого уха, низко над полем, чиркая крыльями по ржи, носились ласточки, горизонт был затянут предгрозовой морочью, — но до грозы было еще далеко. И так волнуяще-спокойно было вокруг...

Мир словно распахнулся перед Шишкиным. То, что долгие годы теплилось в душе смутным, неясным ожиданием, предчувствием чего-то большого и прекрасного, отчетливо возникло и предстало перед глазами. Иван Иванович поднялся и, как пьяный, побрел вдоль поля, трогая руками колосья. В тот же день, не переводя духа, написал один за другим несколько этюдов.

— Нашел! — восклицал он. — Нашел наконец!

Все последующие дни он писал и писал. Рыжая колея дороги, вильнувшая и скрывавшаяся во ржи, сосна, словно подпирающая небо своей зеленой верхушкой... Работал без усталости, жадно, с удовольствием. Лишь к вечеру начинал чувствовать, как деревенеет спина и немеют пальцы рук.

Лето кончилось. Иван Иванович вернулся в Петербург. Картина, в сущности, была начата, она жила в многочисленных этюдах, в мыслях и сердце художника. Он видел ее, знал, чего хочет, работал с подъемом и написал в короткий срок. Всю зиму с Финского залива дули сырые промозглые ветры, а дома у Шишкина, в его мастерской, стояло лето, и воздух был пропитан предгрозовой свежестью.

— Батюшки! — был ошеломлен Крамской, войдя к Ивану Ивановичу и увидев законченную картину. Поле спелой ржи размахнулось во всю ее двухметровую ширь; бескрайнее, оно выходило за рамки картины и не было ему конца. — Что же вы натворили, Иван Иванович! Ах, какое богатство!

Шишкинская «Рожь» стала гвоздем Шестой выставки художников-передвижников. Картина поражала своим композиционным размахом, и все удивлялись — как, в сущности, на небольшой площади художник смог развернуть такое огромное, почти необозримое пространство? Никто не мог сказать, откуда эта простота и волнующая, проникновенная поэзия? В мягкой ли, чистой зелени, обрамляющей поле, в дороге ли, уходящей в глубину этого поля, в высоком ли небе или той непередаваемой любви художника к родной земле, из которой и явилось это чудо?

Указывая на полотно Шишкина, Иван Николаевич Крамской наставлял молодых живописцев:

— Чувствуйте, ради Бога, чувствуйте, а не притворяйтесь! Пойте как птицы небесные, своими голосами! И ничего не бойтесь, никаких терний в пути, ибо к истине есть только один путь — откровение.

В произведениях Шишкина всё было восхищением перед русской природой. «Какое же это счастье, какая радость — жить, ходить по родной земле, дышать на ней полной грудью!» — думал он за работой. И всегда в его творчестве имелось то художественное нечто, что сообщало его искусству цельность и убедительность.

Однажды к нему в мастерскую пришел художник Савицкий, хитро посмеиваясь:

— Хотите, я интересный замысел подарю?

— С чего же такая щедрость? — удивился Шишкин. — Не принято у художников раскидываться замыслами.

— Да понимаете, там фоном должен быть лес, а его я писать не мастер.

— И что? — заинтересовался Шишкин.

Савицкий изложил идею.

— Ах, и хорошо! — поразился Иван Иванович. — Ну что ты скажешь! Надо готовить холст.

Все последующие дни Шишкин находился под впечатлением разговора с Савицким, кажется, ни на минуту о нем не забывая. Делал рисунки, холст натянул на подрамник, установив чуть наклонно. Маленькая дочь, заметив возбуждение отца, забегала в мастерскую, спрашивала:

— Папенька, ты что задумал?

— А вот представь себе: вечер, потрескивают дрова в камине, а ты сидишь у меня на коленях, и мы вместе слушаем сказку.

Потом в мастерской наступила тишина — это Иван Иванович в своей старой блузе, широко расставив ноги, стоял у холста и шлепал по нему кистью, добываясь нужного тона.

Пришел Савицкий, поинтересовался:

— Мажешь?

— Мажу, Константин Аполлонович.

— В четыре руки сегодня поработаем.

Савицкий писал медведей, Шишкин — утренний бор; казалось, в красно-коричневых соснах текут, пульсируя, соки, — настолько живы они были.

— Россия — страна пейзажа, — говорил за работой Шишкин. — Нигде нет таких лесов, такого раздолья, тайн и возможностей.

— Неужели вас не угнетает уединение в лесу? — недоумевал Савицкий.

— Общение с природой не может угнетать. Перед тобой открывается целый мир. Вот медведи-то ваши, баловни, не устанешь любоваться...

Шишкин вспомнил соседа в Елабуге, который однажды сказал ему: «Труженик горб гнет, а ты бездельем маешься». Тогда Иван Иванович даже не предполагал, какой это труд, быть художником. Упорный, повседневный. И никаких скидок, поблажек самому себе, никакого деления на «главное, основное, второстепенное» — в искусстве всё главное.

За последующим написанием картины художники переговорили о многом.

— Очень важно чувствовать отчий край, — соглашался Константин Аполлонович. — Что были бы Пушкин и Гоголь без этого чувства? Живешь в России и говори от имени России.

— Надо еще заслужить это право, — заметил Шишкин.

Когда картина была окончена, Савицкий наотрез отказался ставить на ней свою подпись.

— Что вы, Иван Иванович! Мои медведи только подмалевок. Разве это сравнимо с вашим вкладом? Подпись должна быть только ваша.

И всё же в Москву на выставку картина отправилась за двумя подписями.

Константин Аполлонович сердился:

— Убили мы медведей и шкуру поделили! — и стер с холста свою фамилию.

Судьба «Утра в сосновом лесу» оказалась легендарной. Нет в России уголка, где бы не знали и не любили эту картину. Люди не устают слушать лесную сказку, которая для каждого звучит по-разному. Поколение за поколением пытается разгадать тайну этого шедевра, но... это навсегда секрет.

В последние годы Шишкину было одиноко. Старшая дочь Лида вышла замуж и уехала в Финляндию, став хозяйкой усадьбы Мери-Хови где-то среди холодных неприютных скал на берегу залива. Звала отца погостить, подзадоривала: «Природа здесь неброская, но удивительно своеобразная, — так и просится на холст». Но собрался Иван Иванович далеко не сразу.

Когда приехал, его встретили радушно. Он отдыхал в Мери-Хови и работал почти с удовольствием. Написал несколько зимних этюдов, чистых, светлых по колориту. Но всё что-то силился вспомнить, когда вечерами читал стихотворение Лермонтова:

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растёт.*

Шел к столу и тихо переключал с места на место рисунки. И вспомнил! Остров Валаам. Там, на высоком каменном холме, стояла сосна. Она была не очень высока, с кривым толстым стволом, но столько в ней было внутренней красоты и силы, так мощно стояла она на скале, что пройти мимо ни за что было нельзя. Он написал с нее этюд. «Где этот этюд? Надо поискать в мастерской в Петербурге...»

Иван Иванович загорелся новой картиной и поспешил домой, чтобы скорее взяться за работу. А в Петербурге ждали его друзья, у них накопились новости, которыми они хотели поделиться. Однако их рассказы мало увлекали художника, он был во власти своей новой картины «На севере диком». Она едва ли не демонически захватила его. Писал быстро, и, казалось, легко, но всё это только внешняя сторона, главное было в душе художника. В одинокой сосне на горючем утесе он видел себя. Душа наполнялась обидой на несправедливость жизни, рано отнявшей старшего брата, двух сыновей, Женечку — мать Лиды, и Ольгу Антоновну — мать младшей дочери Ксении. Так холодно, так неуютно было дома! И всё доносилась до Ивана Ивановича какая-то песня без светлого начала и радостного конца.

Окончив картину, Шишкин показал ее друзьям, удивив необычностью избранной темы и даже каким-то не «шишкинским» реше-

нием — картина была написана в холодных тонах. Архип Иванович Куинджи долго смотрел на нее, прищулив острые глаза, качая головой: ну и ну! Нет, в самом деле, вышло что-то не «шишкинское». По его мнению, чего-то не хватало в картине. Он всё присматривался так и этак. Да, чего-то не хватает. Во всех полотнах Шишкина было жизнелюбие, а здесь как будто всё умерло. Куинджи схватил кисточку, и Шишкин не успел рта раскрыть, как он ткнул ею в холст между ветвями сосны, обозначив желтым кадмием крохотный огонек в студеных застывших далях.

— Вот! — кисть замерла над холстом, и Шишкин испуганно ее отстранил.

Но огонек, сделанный Архипом Ивановичем, убрать рука не поднялась — он был как надежда среди безысходности.

Как ни странно, но именно этот огонек вывел Шишкина из угрюмого состояния, в котором он находился очень давно. Жизнь продолжается, какую бы она ни была, надо жить, надо, чтобы вокруг тебя было светло, ведь только светом ты и можешь отблагодарить Всевышнего за свое пребывание на земле.

Следующая картина — «Корабельная роща», самая крупная по размерам, завершила творчество Шишкина. Художник отчетливо слышал пульс времени. Возобладавшая в русском обществе «теория отрицания», выбивавшая людей из жизни, вызывала в нём гнев! Иван Иванович и как человек, и как художник не мог согласиться с этой теорией. В ней не было места «ни вере, ни правде, ни энергии воли». Не мог, потому что в отличие от многих своих современников не испытывал разлада между мыслью и духом. Тем и спасался.

Еще молодой человеком, живя за границей, Шишкин почувствовал нечто тревожное над Россией, но в чём оно заключалось, и сам не знал. «А будущее не веселит, и сильно не веселит», — писал он на родину. И теперь это его предчувствие оказалось пророческим: в России, вставшей на капиталистические рельсы, началось беспощадное истребление природных ресурсов. «Разве не варварство, — возмущался Крамской, — желание поскорей добыть себе блага путем мошенничества, прокуживания общественного богатства, лесов, земли за целые будущие поколения?!»

Иван Иванович относился к природе с религиозным благоговением. «Здравствуйте! — ежегодно весной здоровался он с деревьями, как с родными людьми. — Вот и снова мы вместе!» Он понимал, что природа и человек в неразрывной связи между собой. Выруби лес — погибнут звери и птицы, пересохнут ручьи и болота, обмелеют реки, резко изменится климат, и потеряется в людях то равновесие, которое есть лишь тогда, когда человек находится в мире с Богом и самим собой.

В его «Корабельной роще» могучие сосны тянутся ввысь, как колонны Божьего храма. Блики солнца играют в теплых водах ручья, на камнях, на стволах. А плетень — предупреждение тем, кто варварски истребляет природу: не двигаться дальше! Осуществление такого монументального замысла говорило о том, что художник в полном расцвете творческих сил. Однако двадцатого марта 1898 года, встав за мольберт, он покачнулся, и палитра упала на пол...

ОЦЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Юрий БАРБАШОВ. Расплата за Украину — 9
Виталий ДАРЕНСКИЙ. «Европейская» утопия Украины — 1-2
Александр ГОРБАТОВ. Этот соблазнительный «февральский» дух... — 10
Михаил ДЕЛЯГИН. О денацификации украинской зоны — 5-6
Михаил ДЕДУРИН. Украинство как проблема — 7-8
Сергей ЕЛИШЕВ. В контексте «Большой Игры» — 1-2
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Юродивые себя ради — 1-2
Николай ИВАНОВ. Команданте Фидель — 3
Ростислав ИЩЕНКО. Котлета по-киевски — 4
Валерий КИРИЛЛОВ. Заколосится ли рожь у околицы? — 4
Владислав КОВАЛЁВ. Террор рекламы — 7-8
Лев КРИШТАПОВИЧ. О народной и либеральной интеллигенции — 1-2
Лев КРИШТАПОВИЧ. Евразийский Союз: отудельщины к государственности — 7-8
Наталья ЛАКТИОНОВА. Россия и Европа: геополитический вектор — 11-12
Кристина МЕЛЬНИКОВА. Главное — выжить и выстоять — 10
Александр МОЛОТКОВ. Православный социализм как историческая перспектива — 9
Олег МОНОМАХ. Святая Русь и огненные муравьи — 10
Игорь НЕВСКИЙ. Истоки русофобии восточноевропейцев — 7-8
Олег НЕМЕНСКИЙ. Русофобия — неотделимая часть западной идеологии — 9
Тамара ПАНКОВА. Женский взгляд на проблему — 3
Александр ПЛАЩИНСКИЙ. Парадигма нового мирового порядка — 9
Мстислав РУДЕНКО. Памяти парламента Новороссии — 10
Александр РУСИН. «Демократическая свобода» — 4
Людмила РЯБИЧЕНКО. Стратегия действий — расчеловечивание — 7-8
Денис СЕЛЕЗНЁВ. Что делать с Украиной? — 5-6
Виктор СЕМЁНОВ. Узаконенное изъятие детей — 10
Валентина СЕМЁНОВА. Испытание историей — 9
Виталий СИНЕНКО. Антисталинизм как «новый взгляд» на Великую Отечественную — 11-12
Александр СКОКОВ. Сумароков. Быль о народном директоре — 3
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Великое слово — народ — 5-6
Сергий ЧЕЧАНИНОВ. Последнее оправдание революции — 1-2
Галина ЧУДИНОВА. Скорбь и надежды Донбасса — 3
Галина ЧУДИНОВА. Образ будущего для России и Донбасса — 11-12
Анатолий ФИЛАТОВ. О проблемах и задачах Русского мира — 4
Андрей ФУРСОВ. Оставаться самими собой — 3
Андрей ФУРСОВ. Мир будущего. Беседа с историком — 5-6
Валерий ХАТЮШИН. Почти вековой юбилей — 5-6
Руслан УСТРАХАНОВ. И дольше века длится ложь — 11-12
Игорь ЯНИН. «Ильич» и Троцкий — 4

ПРОЗА

- Анатолий БАЙБОРОДИН. Ленский карнак. Рассказ — 7-8
Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ. В васьковских даях. Рассказ — 9
Нина БОЙКО. Дом на продажу. Роман — 7-8, 9
Владимир ВЕЩУНОВ. Старуха и Лыжник. Рассказ — 1-2
Владимир ВЕЩУНОВ. «Поэт». Повесть — 11-12
Дмитрий ВОРОНИН. Рассказы — 4
Василий ВОРОНОВ. Прозаические миниатюры — 1-2, 3
Василий ВОРОНОВ. Два рассказа — 10

Константин ГНЕТНЁВ. Хозяйка урочища ветра. Рассказ — 1-2
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Короткие рассказы — 11-12
Евгения ДЕКИНА. Семь лет любви. Рассказ — 4
Михаил ЗАРУБИН. Атулай Атулаевич. Рассказ — 11-12
Валерий КОЖУШНЯН. Неизгладимый след сиротства. Отрывок из романа — 1-2
Николай КОНЯЕВ. Время поворота солнышка на лето. Рассказ — 1-2
Николай КОКУХИН. Гаврилыч. Рассказ — 5-6
Павел КРЕНЁВ. Сыновья вина. Рассказ — 9
Владимир КРУПИН. Рассказы — 3
Александр ЛЮМТЕВ. Короткие рассказы — 10
Аркадий МАКАРОВ. Рассказы — 5-6
Виктор МАНУЙЛОВ. Заговор. Главы романа-эпопеи «Жернова» — 10
Федор ОШЕВНЁВ. Рассказы — 3
Владимир ПРОНСКИЙ. Послушание во славу. Роман — 4, 5-6
Виктор ПОТАНИН. Пьяный дом. Рассказ — 11-12
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Два рассказа — 7-8

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. Круг тревоги и печали. Стихи — 5-6
Сергей АГАЛЬЦОВ. Тихая деревня. Стихи — 4
Николай АЛЕШКОВ. Вдоль Млечного Пути. Стихи — 11-12
Виолетта БАША. Свирель времён. Стихи — 10
Татьяна БАШКИРОВА. На вечном распутье. Стихи — 9
Вячеслав БОГДАНОВ. Дымок над отчим домом. Стихи — 9
Александр ГОНЧАРОВ. Через огонь, через завесу дыма... Стихи — 5-6
Глеб ГОРБОВСКИЙ. Во дни печали негасимой. Стихи — 1-2
Анатолий ГОРБУНОВ. Белая сказка. Стихи — 7-8
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. На всю грядущую эпоху. Стихи — 9
Николай ДЕНИСОВ. Малиновый колокол бьёт. Стихи — 3
Валентина ЕФИМОВСКАЯ. У кромки вражьего огня. Стихи — 3
Олег ИГНАТЬЕВ. Заклятие любви. Стихи — 1-2
Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА. Кисти чёрной бузины. Стихи — 7-8
Виктор КАРПУШИН. В предчувствии снегов. Стихи. — 11-12
Владимир КОРНИЛОВ. Просо вызревших звёзд. Стихи — 4
Виктор КОЧЕТКОВ. Хлеб войны. Стихи — 5-6
Эмма МЕНЬШИКОВА. О, как люблю я эту землю!.. Стихи — 5-6
Виктор МОСТОВОЙ. Ладонь Донбасса. Стихи — 3
Елена САПРЫКИНА. Сияет русская зима. Стихи — 1-2
Анатолий НЕСТЕРОВ. Эхо юности былой. Стихи — 1-2
Александр НЕСТРУГИН. Посреди разорённых времён. Стихи — 3
Борис ОРЛОВ. Меж тьмою и светом. Стихи — 11-12
Сергей ПАНФЁРОВ. Свой час для покаянья. Стихи — 4
Марина САВВИНЫХ. Под музыку последнего Союза. Стихи — 9
Евгений СЕМИЧЕВ. Воздух Родины. Стихи — 7-8
Стихи поэтов Донбасса — 9
Стихи поэтов России — 5-6, 11-12
Татьяна СУРОВЦЕВА. Звезда в черноте полыни. Стихи — 3
Светлана СУПРУНОВА. Литературные пародии — 4, 10
Александр ТИХОНОВ. Смерти нет. Стихи — 10
Ольга ШМАКОВА. От края и до края... Стихи — 7-8
Валерий ХАТЮШИН. Под ненастьем блуждающих туч. Стихи — 10
Сергей ЧЕПРОВ. Молюсь за Россию. Стихи. — 11-12
Владимир ЯКОВЛЕВ. Звезда моя дальняя. Стихи — 1-2

РУССКИЙ МИР

Андрей АНТОНОВ. Российская нация: благо или утопия? — 3
Юрий БАРБАШОВ. Зачем России Украина — 7-8
Сергей БАРАНОВ. Роль русского народа подменять нельзя — 3

Павел ДМИТРИЕВ. Уже адыги это понимают — 1-2
Александр ЛЮБЫЗОВ. Фактор русской ментальности — 3
Андрей СЕГЕДА. Части Русского мира — 1-2
Андрей СОШЕНКО. Нужен закон «о русской нации» — 4
Галина ЧУДИНОВА. О духовном состоянии русского народа — 7-8
Владимир ЮДИН. Русские гении — 4

СЛАВЯНСКИЙ МИР

Филипп ЛЕБЕДЬ. Юбилейный Всеславянский съезд — 11-12
Олег ПЛАТОНОВ. Всемирная задача славянства — 11-12

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Февраль 1917 года. Причины и последствия — 9
Валерий ГАБРУСЕНКО. Москва, 1937 — 10
Андрей ИВАНОВ. «Первая любовь революции» — 3
Андрей ИВАНОВ. Еще один «спаситель» России — 4
Андрей ИВАНОВ. «Личный политический друг Керенского» — 5-6
Андрей ИВАНОВ. «Роковой человек» Февральской революции — 7-8
Андрей ИВАНОВ. Путь праздного либерала — 9
Андрей ИВАНОВ. Гениальный разрушитель — 10
Андрей ИВАНОВ. Нам оставалось только одно — 11-12
Роман ИЛЮЩЕНКО. В тумане лжи и подтасовок — 7-8
Александр НИКИШИН. Терроризм как продолжение либерал-большевизма — 10
Валерий ХАТЮШИН. Долгий путь к исторической правде — 11-12

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Андрей АНТОНОВ. Центр разрушителя страны — 4
Дмитрий АРТЁМОВ. Украина: запущенная болезнь — 3
Валерий БУХВАЛОВ. К чему ведет толерантность — 1-2
Александр ГОРБАТОВ. Долгое эхо чёрного декабря — 4
Михаил ДЕЛЯГИН. Дрейф к майдану — 9
Михаил ДЕЛЯГИН. Хуже нацизма и фашизма — 11-12
Михаил ДЕМУРИН. Корейский контекст — 11-12
Ростислав ИЩЕНКО. Распад Украины неизбежен — 7-8
Дмитрий ЛЕКУХ. Технический нокаут Украины — 10
Андрей ЛУКБЯНЧИКОВ. Неолиберальное святотатство — 5-6
Владимир МОЖЕГОВ. Пушкин и 37-й — 5-6
Александр НОТИН. Сирийская тайна — 3
Александр НИКИШИН. Новый уровень войны с Россией — 7-8
Владимир ОСИПОВ. Защитники пошлости и лжи — 9
Фёдор ПАПАЯНИ. Украина: быть или не быть? — 1-2
Адриан ПОСЛУШНИК. День Победы еще не наступил — 10
Людмила РЯБИЧЕНКО. Содом рвётся в бой — 3
Людмила РЯБИЧЕНКО. Государство втягивают в зону риска — 10
Александр РУДЕНКО. Время для правой партии — 11-12
Василий СМИРНОВ. Ярмарка тщеславия — 1-2
Владимир СМЫК. Битва за детей — 4
Павел СУШКОВ. Мамы за деньги — 4
Татьяна ШАБАЕВА. Большая история в городе Авдеевке — 5-6
Валерий ФИЛИМОНОВ. Зловещие эксперименты — 1-2
Валерий ФИЛИМОНОВ. Маразм Европарламента — 5-6

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Взлёт и крушение — 11-12
Виктор САУЛКИН. Первая информационная война — 1-2
Валерий ХАТЮШИН. А была ли в октябре революция? — 11-12

ДОСЬЕ «МГ»

Мария ПОДКОПАЕВА. Кто создал «Исламское государство»? — 3
Валерий ШАМБАРОВ. Тайны царевубийства — 11-12

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Михаил ДЕЛЯГИН. Хозяин «русской» культуры — 3
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Таланты и поклонники — 3
Сергей СИДОРЕНКО. Раствитель. — 10

ЭКСПЕРТЫ

Михаил ГЕЛЬВАНОВСКИЙ. О состоянии государственного управления — 1-2
Валентин КАТАСОНОВ. Экономика от лукавого — 5-6
Николай СОМИН. Границы возможного — 1-2

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Вадим РЫБИН. О языковой политике государства — 3
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Восстановить разрушенное филологическое образование! — 9

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Татьяна АКимова. Любовь к родному пепелищу. Воспоминания в Год экологии — 7-8
Владислав КОВАЛЁВ. Голоса былого. Фрагменты книги — 5-6

СИМВОЛ ВЕРЫ

Александр КАПЛИН. Россия и ее «смертельный враг» — 10

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ.

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. — 4, 7-8, 11-12

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Татьяна ГЛУШКОВА. Стихи — 4
Евгений КУРДАКОВ. «Когда б не смутное влечение...» — 9
Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ. Стихи — 3
Валерий ХАТЮШИН. Слово о Передрееве — 3
Валерий ХАТЮШИН. Памяти Татьяны — 4

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Николай МЕЛЬНИКОВ, Валентин СВИНИННИКОВ. Об истинном воспитании и образовании — 9

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Анатолий АВРУТИН. Рыцарь русского образа — 1-2
Людмила САТАРОВА, Наталья СТЮФЛЯЕВА. Свобода без креста — 9

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках — 1-2, 5-6, 10, 11-12